

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2025 – 4

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – МА (Дортмундский технический университет); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филипов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2025 – 4

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – MA (TU Dortmund University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Ядова М.А. Чтение и читатели в фокусе социологии: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Немировский В.Г. Чтение как социокультурная ценность: реализация, личностный смысл, социальное значение	15
Смирнов С.Н. Статистические оценки интереса к чтению у российской и американской молодежи	33
Ядова М.А. Рецензия на кн.: Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой	48
Пряжникова О.Н. Рецензия на кн.: Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. Hélouvry. [Организация работы с населением и информационно-просветительская деятельность в библиотеках / под ред. К. Мур Кроу, Дж. Элуври]	53

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Раренко А.А. Социология в ЮАР: проблемы, задачи, перспективы (Обзор)	62
--	----

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Долгов А.Ю. На пути к биоцифровой культуре: «технологии будущего» в повседневной жизни	73
--	----

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Реф. ст.: Родригес К., Шмидт Х.Й. Соучастие креативного класса в брендинге города	86
Реф. ст.: Исследование влияния плотности населения мегаполисов на физическое и психическое здоровье жителей / Вань Чунлань, Ци Чжэнчжэнь, Чжан Анни, Ян Шангуан	92

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Зауторова Э.В. Изучение жизненных планов осужденных, находящихся в местах лишения свободы98

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты). (Пер. с англ. В.Г. Николаева) 110

CONTENTS

ISSUE THEME: SOCIOLOGY OF READING AND LIBRARY SCIENCE

Yadova M.A. Reading and readers in the focus of sociology: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Nemirovsky V.G. Reading as a socio-cultural value: implementation, personal meaning, and social significance	15
Smirnov S.N. Statistical estimates of interest in reading among Russian and American youth	33
Yadova M.A. Book review: Reading. Encyclopedic dictionary / ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva	48
Pryazhnikova O.N. Book review: Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. Hélovry	53

THEORY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Rarenko A.A. Sociology in South Africa: issues, objectives, prospects (Literature review)	62
---	----

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Dolgov A.Yu. Towards a biodigital culture: “technologies of the future” in everyday life.....	73
---	----

URBAN SOCIOLOGY

Article summary: Rodrigues C., Schmidt H.J. How the creative class co-creates a city’s brand identity: a qualitative study	86
Article summary: The impact of population density in megacities on residents’ physical and mental health / Wang Chunlan, Qi Zhenzhen, Zhang Anni, Yang Shangguang.....	92

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF LIFE COURSE

Zautorova E.V. Study of life plans of convicts in prisons98

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from
English by V.G. Nikolaev) 110

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

УДК 316; 028

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.01

ЯДОВА М.А.* ЧТЕНИЕ И ЧИТАТЕЛИ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИИ: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. В статье анализируется сложный и многоаспектный феномен чтения сквозь призму социологии. Автор рассматривает чтение как особый социальный процесс, посредством которого в обществе накапливаются, сохраняются и распространяются культурные ценности. Описываются публикации, составляющие тематический раздел номера.

Ключевые слова: чтение; читатели; социология чтения; социология литературы; библиотечное дело.

Для цитирования: Ядова М.А. Чтение и читатели в фокусе социологии: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 9–14. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.01

Статья поступила: 25.10.2025.

Принята к публикации: 31.10.2025.

YADOVA M.A.** Reading and readers in the focus of sociology: *introduction to the thematic section*

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

Abstract. This article analyzes the complex and multifaceted phenomenon of reading through the lens of sociology. The author considers reading as a special social process through which cultural values are collected, preserved and disseminated in society. It presents publications included in the issue's thematic section.

Keywords: reading; readers; sociology of reading; sociology of literature; library science.

For citation: Yadova M.A. Reading and readers in the focus of sociology: introduction to the thematic section. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 9–14. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.01

Received: 25.10.2025.

Accepted: 31.10.2025.

Социология рассматривает чтение как специфический социальный феномен и особый процесс, посредством которого в обществе воспроизводятся, сохраняются и распространяются важные культурные ценности [Стефановская, 2021, с. 242]. В рамках социологии чтения изучается множество проблем: от роли и функций чтения в различные исторические эпохи до отличительных особенностей и закономерностей читательского поведения, читательских практик, мотивов и потребностей [там же]. В целом социология чтения исследует то, как социальные, культурные, политические и экономические факторы влияют на процесс чтения или зависят от него. В рамках этого направления анализируется, кто, что и почему читает, как книги влияют на личностное развитие, каковы механизмы формирования и дифференциации читательской аудитории и как она взаимодействует с другими социальными общностями или институтами. Таким образом, обществоведы рассматривают чтение и литературу как часть широкого культурного и социального контекста.

Вероятно, наиболее значительная часть исследований, проводимых социологами чтения, посвящена читателю как социальному актору. В данном случае изучается, как читательские предпочтения и практики коррелируют с социально-демографическими характеристиками и мировоззренческими особенностями читателей – социальным статусом, уровнем образования, материального обеспечения, ценностными ориентациями, политическими взглядами и т.п. В рамках анализа читательских предпочтений часто

*Чтение и читатели в фокусе социологии:
введение к тематическому разделу*

исследуют то, как социальные группы (возрастные, профессиональные, классовые) отличаются по своим читательским предпочтениям и как последние отражают их ценности и интересы. В последние годы популярность приобрела тема влияния медиа и новых технологий на практики чтения: новые формы получения информации («электронное» и «бумажное» чтение, социальные сети) меняют структуру чтения и влияют на межличностные взаимодействия.

Если говорить об истории становления в нашей стране социологии чтения как научной дисциплины, то необходимо отметить, что в России первые статистические исследования, связанные с изучением просветительской роли чтения в духовной жизни общества, проводились работниками системы народного образования и издателями еще во второй половине XIX в. Одним из первых эмпирических исследований такого рода принято считать анкетирование читателей, которое было организовано Н.Г. Чернышевским в 1859–1861 гг. на страницах журнала «Современник» [Стефановская, 2021, с. 243]. Также широко известны исследования на рубеже XIX–XX вв. отечественного библиографа и просветителя Н.А. Рубакина, автора теории библиологической психологии, стоявшего у истоков социологии и психологии чтения. Он, пожалуй, первым начал систематическое изучение читателя как социального субъекта с собственной системой мотивации и предпочтений.

Однако в полноценную отдельную научную дисциплину отечественная социология чтения оформилась сравнительно недавно – во второй половине прошлого столетия, с началом хрущевской оттепели и либерализации советской жизни. По словам Н.А. Стефановской, это время было отмечено расширением ассортимента изданий и ростом возможностей для их изучения [Стефановская, 2021, с. 243]. Ключевым центром социологии чтения в этот период становится сектор книги и чтения Государственной библиотеки им. В.И. Ленина под руководством В.Д. Стельмах; в разные годы членами коллектива сектора были М.Д. Афанасьев, Л.Д. Гудков (признан Минюстом РФ иноагентом), Б.В. Дубин, М.Д. Смородинская, М.Г. Ханин и др. известные социологи и библиоковеды.

Плодотворным для отечественной социологии чтения также можно считать время становления новой России. Среди крупных исследований, проведенных в этот период, специалисты выделяют следующие проекты: «Чтение в России» (Российский фонд чтения

им. Н.А. Рубакина, 1991–1992), «Чтение в библиотеках России» (РНБ, 1995–2017), «Юный читатель 90-х годов» (РГЮБ, 1991–1995), «Чтение детей и подростков на пороге компьютерной эры» (РГДБ, 1998), «Чтение московских подростков в реальной и электронной среде» (РГДБ, 2011–2012) и др. [Стефановская, 2021, с. 245].

Социология чтения тесно связана с рядом смежных научных дисциплин, предметом интереса которых являются те или иные аспекты чтения – например, с социологией литературы, социологией библиотечного дела, социологией культуры, социологией образования, социологией досуга, социологией медиа и пр. Кроме того, стоит отметить до сих пор идущие споры вокруг этого понятия. В одних случаях термин «социология чтения» практически смыкается с категорией «социология литературы» или является одним из ее направлений [Попов, 2010], в других – специалисты условно разделяют социологию литературы, исследующую литературу как социальный институт и взаимосвязь между литературой и обществом [Гудков¹, Дубин, Страда, 1998], и собственно социологию чтения, преимущественно ориентированную на изучение эмпирическим путем читательской аудитории и ее предпочтений. В западной традиции выделяют так называемую литературную социологию, больше ориентированную на изучение литературного процесса, и социологию литературы, которая отвечает за проведение эмпирических исследований, связанных с изучением чтения, читательской аудитории и схожих тем [Черновская, 2011, с. 179].

Сегодня российские и зарубежные социологи, в центре внимания которых находится чтение и литература, в основном изучают специфику книжного рынка той или иной страны, читательские практики и потребности, отдавая предпочтение прикладным исследованиям, а не теоретическим изысканиям. Эти исследования традиционно проводятся коллективами библиотек, научно-исследовательских институтов, центров, редакциями СМИ и т.д.

В тематическом разделе данного номера вниманию читателей предлагается подборка публикаций, анализирующих феномен чтения с опорой на данные исследований российских и зарубежных социологов и библиотечников. Так, статья *В.Г. Немировского* посвящена чтению как комплексной социокультурной ценности. Автор посредством систематизации и вторичного анализа опубли-

¹ Признан Минюстом РФ иноагентом.

**Чтение и читатели в фокусе социологии:
введение к тематическому разделу**

кованных результатов отечественных социологических исследований изучает отношение различных групп россиян к данной ценности и выявляет ее личностные смыслы. В работе *С.Н. Смирнова* представлены сравнительные результаты социологических исследований молодых читателей в России и США, а также показано, что вопреки алармистским прогнозам некоторых экспертов интерес к чтению книг (в печатном и электронном форматах) у значительной части молодежи обеих стран сохраняется. Рецензия *М.А. Ядовой* посвящена вышедшему в издательстве «Наука» уникальному мультимедийному энциклопедическому словарю «Чтение», в котором феномен чтения представлен сквозь призму различных социогуманитарных наук. Наконец, замыкает подборку рецензия *О.Н. Пряжниковой* на коллективную монографию американских библиотекосведов «Организация работы с населением и информационно-просветительская деятельность в библиотеках» (под редакцией К. Мур Кроу, Дж. Элвурри), в которой на большом фактологическом материале рассказывается об опыте организации информационно-просветительской работы с читателями в библиотеках США.

Несмотря на то что круг актуальных проблем, имеющих отношение к социологии чтения и библиотечного дела, намного шире тематики вопросов, поднимаемых в ключевом разделе настоящего номера, надеемся тем не менее, что представленные материалы окажутся полезными для всех, кого интересует многогранный и сложный мир чтения.

Список литературы

Гудков Л.¹, Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. – Москва: РГГУ, 1998. – 80 с.

Попов Е.А. Социология литературы: основные современные направления развития // *Философия и культура*. – 2010. – № 3. – С. 54–60.

Стефановская Н.А. Социология чтения // *Чтение. Энциклопедический словарь* / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021. – С. 242–245.

Черновская М.С. Зарубежная социология литературы: основные направления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2011. – Т. 14, № 1. – С. 178–190.

¹ Признан Минюстом РФ иноагентом.

References

Chernovskaya M.S. Foreign sociology of literature: main directions. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal sociology of social antropology]. – 2011. – Т. 14, N 1. – P. 178–190. (In Russian)

Gudkov L.¹, Dubin B., Strada V. *Literature and society: an introduction to the sociology of literature*. – Moscow: RSUH, 1998. – 80 p. (In Russian).

Popov E.A. Sociology of literature: main modern directions of development. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. – 2010. – N 3. – P. 54–60. – (In Russian)

Stefanovskaya N.A. Sociology of reading. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – P. 242–245. (In Russian)

¹ Признан Минюстом РФ иноагентом.

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* ЧТЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ: РЕАЛИЗАЦИЯ, ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ, СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Цель статьи – социологический анализ чтения как социокультурной ценности. Путем систематизации и вторичного анализа опубликованных результатов социологических исследований изучено отношение различных групп респондентов к данной ценности, ее личностные смыслы. Рассмотрен процесс реализации ценности «чтение», в том числе – обращение читателей к литературе на электронных носителях. Выявлен ряд проблем в социологическом изучении этой ценности. К ним относятся: использование некоторыми авторами малых, нерепрезентативных выборок, применение не всегда релевантных методов исследования и пренебрежение методами математической статистики. Установлено, что в отечественной социологической литературе отсутствует анализ ценности «чтение» в системе других социокультурных ценностей. В статье впервые выделены социокультурные функции ценности «чтение», отмечена важность ее компаративных исследований.

Ключевые слова: социокультурная ценность «чтение»; отношение к ценности «чтение»; личностный смысл ценности чтения; социальное значение ценности чтения.

Для цитирования: Немировский В.Г. Чтение как социокультурная ценность: реализация, личностный смысл, социальное значение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 15–32. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.02

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

Статья поступила: 15.09.2025.

Принята к публикации: 07.10.2025.

NEMIROVSKY V.G. ** Reading as a socio-cultural value: implementation, personal meaning, and social significance

Abstract. The purpose of this article is to provide a sociological analysis of reading as a socio-cultural value. By means of systematization and secondary analysis of the published results of sociological research, the article examines the attitudes of various groups of respondents towards this value and its personal meanings. The article also explores the process of implementing the value of reading, including readers' access to literature on electronic media. The article identifies several challenges in the sociological study of this value. These include the use of small, non-representative samples by some authors, the use of research methods that are not always relevant, and the neglect of mathematical statistics. It has been established that there is no analysis of the value of reading in the system of other socio-cultural values in Russian sociological literature. For the first time, the article highlights the socio-cultural functions of the value of reading and emphasizes the importance of comparative research.

Keywords: socio-cultural value of reading; attitude towards the value of reading; personal meaning of the value of reading; social significance of the value of reading.

For citation: Nemirovsky V.G. Reading as a socio-cultural value: implementation, personal meaning, and social significance. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 15–32. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.02

Received: 15.09.2025.

Accepted: 07.10.2025.

Введение

Актуальность. Чтение – это социокультурная ценность, которая играет важную роль в интеллектуальном и духовном разви-

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

**Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение**

тии человека, повышении его культурного уровня и формировании готовности к жизни в обществе. Процесс ее реализации может выступать в качестве инструмента усвоения других ценностей мировой культуры, именно в этом и заключается социальное значение ценности чтения. В настоящее время она реализуется в условиях цифровой реальности, что порождает ряд коллизий, связанных с распространением различных форм «цифровой» («электронной») литературы. Зачастую это происходит в ущерб чтению так называемой «бумажной» литературы.

Цель исследования – социологический анализ чтения как социокультурной ценности.

Проблемный вопрос – противоречие между существующими в современной науке теоретическими представлениями о ценности природы чтения и недостатком информации о социокультурных практиках реализации этой ценности, ее личностных смыслах и функциях.

Эмпирическая база исследования – научные публикации результатов новейших эмпирических исследований по данной тематике, проведенных в Российской Федерации и зарубежных странах.

Методы исследования: систематизация и вторичный анализ опубликованных эмпирических исследований чтения как социокультурной ценности; теоретический анализ ценности «чтение» с использованием концепций А.Н. Леонтьева, М. Рокича, Ш. Шварца.

Отношение респондентов к чтению как социокультурной ценности

Социокультурные ценности включают как социальные ценности, определяющие поведение и взаимодействие социальных групп, так и культурные (материальные и нематериальные объекты и смыслы, уникальные для определенной культуры или общества). Как видим, это более широкая категория, нежели собственно социальные ценности. Хотя их нередко используют в отношении ценности «чтение» как синонимы.

Попытаемся дать классификацию социокультурных ценностей с позиций некоторых широко известных концепций социальных ценностей. В соответствии с теорией М. Рокича под ценностями понимается вид убеждений (beliefs), имеющий центральное положение в индивидуальной системе убеждений, определенный способ поведения или конечная цель существования [Rokeach,

1973]. При этом автор выделяет два класса ценностей: терминальные и инструментальные ценности, соответственно ценности-цели и ценности-средства.

На наш взгляд, ценность «чтение» с позиций данной теории М. Рокича может выступать в разных ситуациях не только терминальной, но также инструментальной ценностью. В первом случае она близка по своему значению терминальным ценностям «интересная работа», «познание», «развитие», «творчество», «удовольствия». Во втором – может быть связана с инструментальными ценностями «образованность» или «эффективность в делах». Подчеркнем, что это лишь гипотеза, которая требует подтверждения с помощью специальных психологических исследований.

Аналогичную гипотезу логично выдвинуть и относительно взаимосвязи ценности чтения с теми ценностями, которые выделил Ш. Шварц. По его мнению, ценности являются стандартами, в соответствии с которыми происходит как личностный выбор, так и оценка поведения людей или любых событий [Schwartz, 2012]. Однако для обоснованного утверждения о месте чтения в данной системе ценностей также необходим специальный анализ. К сожалению, публикации, в которых он мог бы найти свое отражение, нам неизвестны: по всей вероятности, такие исследования не проводились.

Нельзя не учитывать, что подобно другим социокультурным ценностям, чтение может иметь различный личностный смысл, который проявляется через мотивы. Как известно, личностный смысл ценности представляет собой ее взаимосвязь с потребностями человека. Соответственно, ценность «чтение» может иметь различный личностный смысл, что весьма важно для ее адекватной социологической характеристики. В процессе ее анализа важно учитывать, что данная ценность может быть как реальной, так и декларируемой.

Опираясь на широко распространенные в поведенческих науках представления о структуре ценностей, можно рассматривать ценность «чтение» в контексте ее когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. Ее когнитивный компонент выражает прежде всего понимание человеком сути этой ценности, представление о значимости этой ценности в его жизни. Аффективный – свидетельствует о том, какие эмоции и чувства у него вызывает чтение, а поведенческий – характеризует, в эмпирическом плане, частоту и продолжительность чтения.

*Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение*

Ценность «чтение» реализуется посредством соответствующих социальных действий, которые выступают одним из важнейших видов современных социокультурных практик. Не вдаваясь в детали данной темы, отметим, что в настоящее время одной из значимых научных и прикладных проблем выступает распространение чтения книг на электронных носителях, зачастую в ущерб использованию печатной («бумажной») литературы.

Представляется перспективным проанализировать ранее не рассматриваемые в социологии личностные смыслы ценности чтения. В связи с этим мы обращаемся к широко известной концепции А.Н. Леонтьева, в соответствии с которой отношение мотива к цели порождает личностный смысл. Возникая в деятельности, смысл становится единицей человеческого сознания, его «образующей»: «предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть, соответственно, действие, возможное по отношению к той или иной цели» [Леонтьев, 1994, с. 49].

Ряд эмпирических исследований подобной тематики, проведенных в России и некоторых зарубежных странах, выявил важные аспекты в отношении населения к ценности чтения. Анализ отношения респондентов, проживающих в городе Стерлитамаке Республики Башкортостан, показал, что на вопрос о том, является ли оно важной социальной ценностью, от 80 до 84% опрошенных однозначно отвечают утвердительно <...>, около 4–6% – отрицательно, 12–14% затрудняются с ответом [Асфандиярова, 2019, с. 13]. Как видим, когнитивная значимость ценности «чтение» у респондентов из Башкортостана довольно велика.

В.Я. Аскарова с соавторами провели комплексные эмпирические исследования: онлайн-опрос, анализ высказываний в ходе фокус-групп (восемь фокус-групп в 2021 г. и пять фокус-групп в 2023 г. со студентами ведущих университетов Челябинска). Также использовался анализ миниатюрных студенческих сочинений – драбблов, содержащих не более 300 слов, на тему: «Я читаю» [Аскарова, Зубанова, Зыховская, 2023, с. 155–169]. Их результаты показали, что существует разрыв между декларируемой, признанной и реализованной ценностями чтения [там же, с. 156].

Эта ценность в контексте социокультурного подхода рассматривается и в статье О.Я. Гусаковой [Гусакова, 2020]; на материалах социологических исследований она анализируется в публикации Л.Н. Зыховской [Зыховская, 2021].

Судя по мотивам чтения, выявленных А.Р. Асфандияровой в процессе исследований, которые были проведены среди жителей Стерлитамака, у респондентов существуют три конкурирующих личностных смысла этой ценности: самообразование, получение необходимой информации и получение эстетического удовольствия (43–45% респондентов). Учебу назвали более трети опрошенных, отдых и развлечения – 32,5–35%, работу указали около четверти. Духовную потребность смыслом чтения считает каждый пятый респондент. Можно предположить, что у горожан преобладает утилитарный подход к реализации ценности чтения [Асфандиярова, 2019, с. 15]. В данной работе также выявлены гендерные, возрастные и некоторые социально-профессиональные особенности в личностных смыслах ценности «чтение» [там же]. Надо сказать, что гендерные и возрастные отличия этих феноменов отмечаются и в других публикациях (см., например: [Березина, Колосова, 2021, с. 122]).

Немалый интерес с точки зрения цели нашей статьи имеют исследования, проведенные А.В. Березиной и Е.А. Колосовой. На основании мотивов чтения, выявленных ими у современных подростков, можно говорить по крайней мере о шести личностных смыслах этой ценности для данной категории респондентов: 1) польза (22%) – подростки считают, что читать нужно для того, чтобы что-то улучшить в себе; 2) развлечение (13%) – читать можно для того, чтобы развлекаться, не жить скучной жизнью; 3) принуждение (11%) – подростки читают, потому что их заставляют взрослые; 4) безразличие (6%) – подростками осознается важность чтения, но само по себе оно им не интересно; 5) эскапизм (4%) – стремление убежать в другую реальность. Наконец, имеет место, по определению авторов, «внутренний мотив» (6%) – школьники «осознают важность чтения для своего личностного развития, книга воспринимается ими “как ценность, как собеседник, источник размышлений и самопознания”» [Березина, Колосова, 2021, с. 125]. По нашему мнению, этот пункт можно интерпретировать как саморазвитие. Наконец, более трети опрошенных (35%) заявили, что не осознают, почему они читают. Однако это отнюдь не свидетельствует об отсутствии у них личностного смысла ценности чтения, а скорее говорит о несовершенстве инструментария исследования и оставляет вопрос об этом открытым.

Особую важность представляет исследование социокультурной ценности чтения с использованием факторного анализа, который позволил выявить две основные латентные переменные, ха-

*Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение*

рактизирующие личностный смысл этой ценности для студентов Москвы ($n=2100$, опрос проведен под руководством Е.В. Каргополовой в 2019 г.) [Читательские практики ..., 2022]. Согласно выводу авторов, «первый фактор объясняет 57,37% суммарной дисперсии и может быть обозначен как ценностно-рефлексивное отношение к произведениям художественной литературы. Для данной группы студентов (примерно 55% опрошенных) книги выступают источником знаний для личностного развития, удовлетворения высших потребностей. Чтение воспринимается ими как ценность» [там же, с. 92]. Второй фактор (14,71% суммарной дисперсии) отражает прагматичное отношение к чтению художественных произведений (40,5% опрошенных). Эти респонденты рассматривают «книги как источник информации, который позволяет решить конкретные задачи – подготовиться к урокам, найти ответ на неизвестный вопрос» [там же, с. 93]. Мы считаем, что на основании приведенных данных можно сделать вывод, в соответствии с которым личностный смысл ценности «чтение» для опрошенных студентов выражают два ее генерализованных отношения: стремление к саморазвитию и поиск помощи в решении прикладных задач. Причем первое, судя по результатам факторного анализа, является более значимым.

На материалах двух волн социологического исследования, проведенного среди студентов Москвы и Астрахани, также установлено, что подавляющее большинство из них «относятся к книге как к источнику духовного развития, хотя и наблюдается некоторое снижение данного показателя» [Каргаполова, Дмитриева, Платова, 2023, с. 454]. Характерно, что «к чтению произведений художественной литературы респонденты чаще всего обращаются для информации, удовольствия и подготовки к учебным занятиям, несколько реже – для досуга, отдыха, развлечения, саморазвития и самопознания, снятия стресса» [там же].

Как видим, на первое место у опрошенных студентов двух крупных российских городов (на вербальном уровне, т.е. как декларируемые) выходят следующие мотивы чтения (иными словами, личностный смысл этой ценности): удовлетворение информационных потребностей и прагматический мотив – связанный с процессом обучения в вузе. Меньшее значение имеют рекреация и саморазвитие. Авторы статьи приходят к заключению о снижении роли книги и чтения как социокультурной ценности в условиях общества потребления, информационного шума и распространения гипертекстовых форматов [там же].

Согласно исследованиям, проведенным ВЦИОМ в 2024 г., наиболее часто «россияне читают для саморазвития, чтобы узнать новое (57%; минус 9 п.п. к 2022 г.), а также для удовольствия и развлечения (40%; минус 14 п.п. к 2022 г.). Каждый четвертый читает по работе или учебе (23%). Гораздо реже к чтению прибегают, чтобы чем-то заполнить время (10%; плюс 4 п.п. к 2022 г.) и чтобы быстрее уснуть (6%; плюс 3 п.п. к 2022 г.)» [Чтение в эпоху ..., 2024].

Процесс реализации социокультурной ценности чтения

Один из важнейших этапов реализации ценности чтения – это понимание человеком его содержания. По мнению Л.А. Мосуновой, оценочное определение содержания и формы текста является наиболее сложным читательским действием. К сожалению, «оценить прочитанное, сформулировать свою позицию по отношению к новой информации, глубоко осмыслить текст способны только 10% респондентов». 90% студентов затруднились высказать свое отношение к прочитанному и не смогли ответить на вопрос: «Что значит эта информация лично для тебя?» [Мосунова, 2021, с. 124]. Эти данные говорят прежде всего о низкой культуре чтения большинства студентов, отсутствии навыков осмысления прочитанного текста. Неслучайно поэтому концепт «культура чтения» широко используется в процессе изучения реализации ценности «чтение». В общем виде он характеризует само отношение человека к чтению, его увлечение конкретными литературными жанрами, а также умение находить и усваивать информацию в разных видах и применять полученные знания на практике.

Немалое число публикаций посвящено изучению процесса реализации ценности чтения и его значения для общества. Так, А.А. Акинола рассматривает продвижение культуры чтения для улучшения общественного развития и роль информационно-коммуникационных технологий и заинтересованных сторон в возрождении культуры чтения в нашем обществе, особенно в школах. Согласно выводу автора, «культура чтения формирует у учащихся моральные устои и социальные ценности и служит путем к успеху в любом экономически активном обществе» [Akinola, 2021, p. 4].

Исследователями установлена важность чтения художественной литературы, которое сочетается с более сложным восприятием мира. «В ходе четырех исследований (n=5176), – пишут авторы, – мы обнаружили, что чтение художественной литературы в

**Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение**

раннем возрасте связано с более сложным мировоззрением у американцев: повышенной сложностью атрибуции, психологическим богатством, меньшей верой в то, что современное неравенство закономерно, и меньшей верой в то, что люди по своей сути одинаковы. Напротив, чтение в раннем возрасте повествовательной художественной литературы с более стандартными сюжетами и персонажами, например любовных романов, предсказывает менее сложное мировоззрение» [Buttrick, Westgate, Oishi, 2022, p. 1408].

Похожие тенденции выявлены также при изучении чтения литературы на цифровых платформах. В одной из зарубежных работ речь идет об использовании социальной платформы для чтения *Wattpad*, являющейся одной из крупнейших платформ такого рода, на которой размещаются пользовательские истории, включая романы, фанфики, юмористические произведения, классику и поэзию (рассматривались публикации на 13 языках) [Pianzola, Reboza, Lauer, 2020]. Результаты опубликованных здесь исследований свидетельствуют о том, что помимо национальных предпочтений в отношении определенных тем и жанров, моделей читательской активности, эстетических ценностей и социального взаимодействия, в молодежной среде формируется глобальная культура чтения. Однако есть и существенная специфика, определяемая излюбленным юными читателями жанром произведений и характером межличностной связи. Авторы подчеркивают: «При чтении подростковой литературы преобладает социальная связь (эмоциональное взаимодействие), а при чтении классической литературы – социально-когнитивное взаимодействие (коллективный разум)» [ibid.].

Важное место в контексте современных социологических исследований реализации ценности «чтение» занимает анализ влияния на нее роста популярности литературы на электронных носителях. Нельзя не отметить, что в условиях цифровизации общественной жизни падает престиж этой ценности в целом, причем в первую очередь среди молодежи. Н.А. Стефановская приходит к выводу, что в современной России имеет место конкуренция между чтением литературы в электронном и в бумажном формате [Стефановская, 2021].

В публикации Н.С. Мурашовой прослеживается тенденция все более активного вовлечения чтения в досуговую практику молодежи. Автор объясняет данный процесс в основном ростом популярности электронных форматов чтения [Мурашова, 2023]. Д.А. Эльяшевич рассматривает факторы кризиса практик чтения

традиционных бумажных текстов, которые существуют в современной молодежной среде, связывая с этим распространение использования электронных носителей [Эльяшевич, 2024].

Пропорции обращения к электронным носителям текстов с каждым годом меняются в сторону предпочтения электронного чтения, резюмируют А.В. Березина и Е.А. Колосова. Авторы делают вывод о том, что «цифровизация способствует увеличению объема чтения, но снижает его качество» [Березина, Колосова, 2021, с. 122].

Цель публикации В.Я. Аскаровой и коллег заключается в выявлении на материалах эмпирических социологических исследований в Челябинской области (2021 и 2023 гг., n=1100) тенденций развития практик чтения современных студентов в контексте цифровой культуры XXI века [Аскарова, Зубанова, Зыховская, 2023]. На основе проведенных ими социологических исследований сформулировано нетривиальное заключение «об отсутствии оснований для принципиального разграничения сторонников традиционного (*book*-почитателей) и цифрового (*digital*-адептов) чтения. Те и другие полноценно встроены в традиционную бумажную и цифровую книжную среду. Современные цифровые и визуальные коммуникационные технологии для обеих категорий респондентов оказались наиболее значимыми средствами побуждения к чтению» [там же, с. 156]. Эмпирически авторы выделили две группы современных читателей, условно обозначенных как *book*-почитатели (32,2%) и *digital*-адепты (42,8%) [там же, с. 163]. По их мнению (как нам представляется, вполне обоснованному), этот факт фиксирует наличие противоречия между практиками использования книг на бумажных и электронных носителях [там же].

Похожие данные получены и другими учеными. Например, В.А. Мансуров, Т.Н. Ломбина, О.В. Юрченко установили, что длительное время, проводимое школьниками в Интернете, негативно влияет как на осмысление ими текстов, так и на эмпатию. На фоне роста предпочтений досуга в Интернете происходит снижение значимости чтения для школьников [Мансуров, Ломбина, Юрченко, 2022, с. 122].

Особенностям молодежного чтения в условиях цифрового общества посвящены и другие публикации, в частности работа А. Шуталевой, Е. Кузьминых и А. Новгородцевой [Shutaleva, Kuzminykh, Novgorodtseva, 2023]. Данные, полученные с помощью исследования, которое проводилось с декабря 2021 г. по январь 2022 г. в Екатеринбурге, говорят о том, что респонденты в основ-

**Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение**

ном предпочитают печатный и электронный форматы – 91% и 75% соответственно, а 44% опрошенных слушают аудиокниги [ibid., p. 177]. Среди выявленных учеными мотивов чтения молодежи (которые мы трактуем как личностный смысл данной социокультурной ценности для респондентов) лидирует возможность погрузиться в мир книги (для 77% участников исследования), подобрать необходимую информацию (77%) или расслабиться и получить удовольствие (66%) [ibid., p. 174]. Отметим, что представляется не вполне понятной формулировка ответа, предложенная респондентам: «возможность погрузиться в мир книги», тем более что ее смысл во многом совпадает с вариантом ответа: «расслабиться и получить удовольствие». Поэтому, на наш взгляд, результаты данного исследования сложно однозначно интерпретировать.

Не только в науке, но и на уровне обыденного сознания широко известны гендерные различия реализации ценности чтения. Их изучению посвящено немало как отечественных, так и зарубежных публикаций – в социологии, педагогике, психологии и других научных дисциплинах. Например, в статье Е.А. Колосовой анализируются результаты исследований детей и подростков по проблемам чтения, проведенных в 2021 г. Показаны серьезные гендерные различия, которые наиболее заметно проявляются в подростковом возрасте: девочки читают больше книг, нежели мальчики, для них большей привлекательностью обладают различные жанры литературы [Колосова, 2022].

Похожие тенденции выявлены и зарубежными учеными. Представительное исследование, проведенное во всех странах, которые входят в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), – 38 государств мира – показало, что девочки демонстрируют более высокие результаты в чтении, чем мальчики. Как считают авторы, эти материалы доказывают, что образовательная политика на уровне страны влияет не только на успеваемость по чтению всех учащихся, но и на более низкую успеваемость мальчиков [van Hek, Buchmann, Kraaykamp, 2019, p. 169].

Классообразующая роль чтения практически не рассматривается в современной социологической литературе. Преобладает мнение, согласно которому «читатель не является социальным статусом, социальным классом, социальной группой или социальной ролью» [Tsvetkova, 2018, p. 190]. Между тем существует и иная позиция. В. Грисвольд приводит примеры из Италии, Норвегии и Соединенных Штатов, доказывая, что поклонники книг формируют свой собственный читательский класс, отличающийся

от общей аудитории особым демографическим профилем. Этот читательский класс невелик по численности, но интенсивен в своей литературной практике [Griswold, 2008, p. 1]. В соответствии с точкой зрения данного автора, читающий класс определяется «его человеческим капиталом (образование), его экономическим капиталом (богатство, доход, профессиональные должности), его социальным капиталом (сети личных связей), его демографическими характеристиками (пол, возраст, религия, этнический состав) и – определяющая и неэкономическая характеристика – его культурными практиками» [Griswold, Lenaghan, Naffziger, 2011, p. 23], среди которых, очевидно, ведущей является практика реализации ценности чтения.

Одним из существенных показателей эффективности реализации ценности «чтение» является интерес читателей к конкретным литературным произведениям. Однако ряд исследовательских кейсов свидетельствует о слабом интересе подростков к чтению литературы. Так, опрос 385 школьников г. Ижевска (возраст – 10–14 лет) показал, что «вопросы о любимой книге и любимом книжном герое являются неработающими» [Полищук, 2021, с. 30]. Это может указывать на слабую мотивирующую роль чтения для подростков, отсутствие у большинства из них ее личностного смысла.

Е.В. Каргаполовой и соавторами была изучена роль социального окружения в формировании читательских практик современного российского студенчества. В частности, установлено важное значение практики семейного чтения для реализации этой социокультурной ценности: по словам исследователей, «студенты, позитивно воспринимающие практики семейного чтения, предпочитают читать книги на бумажном носителе, имеют домашнюю библиотеку, беседуют о новинках с близкими людьми, часто выбирают знакомство с художественной литературой как вариант досуга и в целом транслируют традиционный взгляд на место читательских практик в жизни современного студенчества» [Каргаполова, Суханова, Дьякова, 2024, с. 2].

Заключение: личностный смысл и социокультурные функции ценности чтения

В современной России исследования отношения населения к ценности чтения и ее личностных смыслов достаточно фрагментарны. Существует целый ряд исследовательских кейсов, объектом которых является главным образом население различных городов

*Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение*

(причем далеко не всегда крупных) и представители отдельных возрастных когорт, в первую очередь детей, подростков и молодежи. Наиболее широкие по охвату населения опросы, как известно, проводит ВЦИОМ.

Выявлено, что часть читателей предпочитает обращаться при чтении литературы к электронным носителям информации, другие же – к традиционным бумажным книгам. По некоторым исследованиям, многие представители молодежи используют и те, и другие форматы литературы. Причем одни локальные исследования показывают снижение интереса к печатной продукции и рост распространения литературы в электронном формате, другие, напротив, говорят о его сохранении. Отметим, что эти исследования зачастую носят достаточно фрагментарный характер и проведены в различных методологических традициях, хотя иногда и выявляют некие общие тенденции. По нашему мнению, для прояснения подобной ситуации необходимы специальные компаративные исследования среди различных социально-статусных, профессиональных, гендерных и возрастных групп россиян.

Наше исследование показало, что в изучении отношения населения к социокультурной ценности чтения и ее реализации существует ряд проблем. Перечислим их:

- частое использование малых, нерепрезентативных выборок;
- пренебрежение использованием методов математической статистики;
- острая нехватка компаративных исследований;
- использование не всегда адекватного инструментария для выявления отношения респондентов к ценности «чтение»;
- недостаток исследований ценности чтения в общей системе социокультурных ценностей респондентов;
- полный вакуум в области анализа взаимосвязи ценности «чтение» с другими ценностными системами, представленными в широко апробированных концепциях М. Рокича, Ш. Шварца, А.Н. Леонтьева и других известных ученых;
- изучая процесс реализации этой ценности, авторы нередко анализируют мотивы чтения, однако оставляют без внимания его личностный смысл и социальные функции.

На основании представленных в опубликованных исследованиях мотивов чтения нами были выявлены личностные смыслы этой ценности: согласно ответам на вопросы, наиболее распространены саморазвитие и удовольствие, на третьем месте – праг-

матические смыслы. Наименее значимы стремление просто скоротать время и релаксация перед сном. Разумеется, они неодинаково распространены в разных группах респондентов.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что наряду с личностными смыслами ценность чтения имеет и социальные, точнее, социокультурные функции. Первые – это система внутренних побуждений, связанных с реализацией индивидуальных потребностей человека, вторые представляют собой внешнее, общественное значение этой ценности. Не вдаваясь в детальный анализ сложнейшего механизма мотивации человеческого поведения (это собственно и не входит в нашу задачу), отметим, что те и другие подчас совпадают, но могут быть и различными. Функции ценности – это социальная сторона процесса мотивации, а мотивы, т.е. личностный смысл, отражают его индивидуальные аспекты.

По нашему мнению, можно выделить следующие социокультурные функции ценности «чтение»:

- 1) познавательная – получение новой информации;
- 2) релаксационная – отдых и развлечение;
- 3) ценностно-ориентационная – формирование ценностных ориентаций, усвоение социальных и нравственных норм;
- 4) обучающая – подготовка к практической (в том числе научной) деятельности;
- 5) эстетическая – наслаждение прекрасным (сюжетом, слогом, стилем изложения, художественным оформлением издания и т.п.);
- 6) группообразующая (классообразующая) – формирование устойчивой социальной общности людей, разделяющих одни и те же интересы относительно чтения какого-либо вида литературы;
- 7) престижная – повышение своего социального статуса в определенной среде за счет приверженности (реальной или демонстративной) определенному модному направлению в литературе, произведениям конкретных авторов, которые считаются престижными;
- 8) развивающая – чтение литературы, призванной способствовать интеллектуальному и духовному росту человека.

К сожалению, эти функции весьма мало изучены. Таким образом, в исследованиях отношения населения к социокультурной ценности чтения имеется еще немало перспективных направлений.

Список литературы

Аскарова В.Я., Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Чтение студентов в системе медиакоммуникаций XXI века: «book-почитатели» и «digital-адепты» // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 155–169. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-155-169

Асфандиярова А.Р. Чтение в системе ценностей современного городского жителя (на материале исследований чтения в г. Стерлитамаке Республики Башкортостан) // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9, № 4 А. – С. 10–18.

Березина А.В., Колосова Е.А. Чтение современных российских подростков в условиях цифровой реальности // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 122–131. – DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.10

Гусакова О.Я. Социокультурный смысл чтения как предмет эмпирического изучения: реальность и возможности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 109–113. – DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-1-109-113

Зыховская Н.Л. Культура в цифровой коммуникации // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики: материалы Международной научной конференции (XVI Колосницынские чтения). – Екатеринбург: Уральский университет, 2021. – С. 378–382.

Каргаполова Е.В., Дмитриева А.О., Платова Т.В. Чтение как социокультурная ценность в представлениях современного российского студенчества // ЦИТИСЭ. – 2023. – Т. 2, № 35. – С. 453–464. – DOI: 10.15350/2409-7616.2023.2.40

Каргаполова Е.В., Суханова Е.Д., Дьякова В.В. Роль социального окружения в читательских практиках современного российского студенчества // Социальное пространство. – 2024. – Т. 10, № 1. – DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.7; URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29915> (дата обращения: 10.09.2025).

Колосова Е.А. Гендерные аспекты в изучении чтения подростков и юношества: по материалам социологических исследований 2013–2021 гг. // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. – 2022. – № 1. – С. 227–236. – DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-227-236

Леонтьев А.Н. Философия психологии. – Москва: Издательство МГУ, 1994. – 285 с.

Мансуров В.А., Ломбина Т.Н., Юрченко О.В. Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 122–141. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835

Мосунова Л.А. Чтение как средство коммуникации в эпоху глобализации // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 4 (142). – С. 119–128. – DOI: 10.25730/VSU.7606.21.055

Мурашова Н.С. Читательские интересы студентов Новосибирского государственного педагогического университета в контексте общероссийской практики молодежного чтения // Вестник музыкальной науки. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 227–241. – DOI: 10.24412/2308-1031-2023-3-227-241

Полищук М.А. Читательские интересы и ценностные ориентации школьников-подростков // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 25–31. – DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-25-31

Стефановская Н.А. Социокультурная ситуация чтения в эпоху цифровизации // *Культура и цивилизация*. – 2021. – Т. 11, № 5 А. – С. 173–180. – DOI: 10.34670/AR.2021.35.84.020

Читательские практики студентов столичного мегаполиса: «любители» и «прагматики» / Каргаполова Е.В., Дьякова В.В., Симоненко М.А., Давыдова Ю.А. // *Высшее образование в России*. – 2022. – Т. 31, № 10. – С. 87–101. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-87-101

Чтение в эпоху цифры / ВЦИОМ. – 2024. – 18 ноября. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtenie-v-ehpokhu-cifry> (дата обращения: 10.09.2025).

Эльшиевич Д.А. Чтение и читатель как объекты изучения // *Книга. Чтение. Медиа среда*. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 40–44. – DOI: 10.20913/BRM214

Akinola A.A. Promoting reading culture, the role of stakeholders and ICT for societal development // *IP Indian journal of library science and information technology*. – 2021. – Vol. 6, N 1. – P. 4–8. – DOI: 10.18231/j.ijlsit.2021.002

Buttrick N., Westgate E.C., Oishi S. Reading literary fiction is associated with a more complex worldview // *Personality and social psychology bulletin*. – 2022. – Vol. 49, N 9. – P. 1408–1420. – DOI: 10.1177/01461672221106059

Griswold W. Regionalism and the reading class. – Chicago: University of Chicago press, 2008. – 208 p. – DOI: 10.7208/9780226309262

Griswold W., Lenaghan E., Naffziger M. Readers as audiences // *The handbook of media audiences* / ed. by V. Nightingale. – Maiden (MA): Wiley-Blackwell, 2011. – P. 17–40. – DOI: 10.1002/9781444340525.ch1

Pianzola F., Rebora S., Lauer G. Wattpad as a resource for literary studies: quantitative and qualitative examples of the importance of digital social reading and readers' comments in the margins // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 1. – e0226708.

Rokeach M. The nature of human values. – New York: The Free press, 1973. – 438 p.

Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // *Online readings in psychology and culture*. – 2012. – Vol. 2, N 1. – P. 1–20.

Shutaleva A., Kuzminykh E., Novgorodtseva A. Youth practices reading as a form of life and the digital world // *Societies*. – 2023. – Vol. 13, N 7. – P. 165–186. – DOI: 10.3390/soc13070165

Tsvetkova M. Lies of the reader: disadvantages of the sociological research methods for the study of the reading // *European journal of contemporary education*. – 2018. – Vol. 7, N 1. – P. 190–213.

Van Hek M., Buchmann C., Kraaykamp G. Educational systems and gender differences in reading: a comparative multilevel analysis // *European sociological review*. – 2019. – Vol. 35, N 2. – 2019. – P. 169–186. – DOI: 10.1093/esr/jcy054

References

Akinola A.A. Promoting reading culture, the role of stakeholders and ICT for societal development. *IP Indian journal of library science and information technology*. – 2021. – Vol. 6, N 1. – P. 4–8. – DOI: 10.18231/j.ijlsit.2021.002

**Чтение как социокультурная ценность:
реализация, личностный смысл, социальное значение**

Asfandiyarova A.R. Reading in the value system of modern city dwellers (the research on reading in Sterlitamak of the Republic of Bashkortostan). *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization]. – 2019. – Vol. 9, N 4 A. – P. 10–18. (In Russian)

Askarova V.Ya., Zubanova L.B., Zykhoovskaya N.L. Reading practices of students in media communication system of 21 st century: book enthusiasts' and "digital adepts". *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. – 2023. – Vol. 12, N 6. – P. 155–169. – DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-155-169 (In Russian)

Berezina A.V., Kolosova E.A. Reading of today Russian adolescents in the context of digital reality. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. – 2021. – Vol. 27, N 4. – P. 122–131. – DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.10 (In Russian)

Buttrick N., Westgate E.C., Oishi S. Reading literary fiction is associated with a more complex worldview. *Personality and social psychology bulletin*. – 2022. – Vol. 49, N 9. – P. 1408–1420. – DOI: 10.1177/01461672221106059

Elyashevich D.A. Reading and reader as objects of study. *Kniga. Chtenie. Media* [Book. Reading. Media]. – 2024. – Vol. 2, N 1. – P. 40–44. – DOI: 10.20913/BRM214 (In Russian)

Griswold W. *Regionalism and the reading class*. – Chicago: University of Chicago press, 2008. – 208 p. – DOI: 10.7208/9780226309262

Griswold W., Lenaghan E., Naffziger M. Readers as audiences. *The handbook of media audiences*. Ed. by V. Nightingale. – Maiden (MA): Wiley-Blackwell, 2011. – P. 17–40. – DOI: 10.1002/9781444340525.ch1

Gusakova O.Ya. Social and cultural significance of reading as the subject of empirical study: reality and possibilities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika"* [Izvestiya of Saratov university. New series. Series "Philology. Journalism"]. – 2020. – Vol. 20, N 1. – P. 109–113. – DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-1-109-113 (In Russian)

Kargapolova E.V., Dmitrieva A.O., Platova T.V. Reading as a socio-cultural value in the views of modern Russian students. *CITISE*. – 2023. – Vol. 2, N 35. – P. 453–464. – DOI: 10.15350/2409-7616.2023.2.40 (In Russian)

Kargapolova E.V., Sukhanova E.D., Dyakova V.V. The role of social environment in reading practices of modern Russian students. *Social'noe prostranstvo* [Social area]. – 2024 – Vol. 10, N 1. – DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.7 – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29915> (accessed: 10.09.2025). (In Russian)

Kolosova E.A. Gender aspects in the study of reading by adolescents and youth: based on the materials of sociological research 2013–2021. *Vestnik RGGU Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"* [RSUH / RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Social Studies. Art Studies"]. – 2022. – N 1. – P. 227–236. (In Russian)

Leontiev A.N. *Filosofiya psihologii* [Philosophy of psychology]. – Moscow: Moscow state university publishing house, 1994. – 285 p. (In Russian)

Mansurov V.A., Lombina T.N., Yurchenko O.V. Problems of understanding the text by schoolchildren: a sociological view. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2022. – Vol. 13, N 3. – P. 122–141. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835 (In Russian)

Mosunova L.A. Reading as a means of communication in the era of globalization. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka state university]. – 2021. – N 4 (142). – P. 119–128. – DOI: 10.25730/VSU.7606.21.055 (In Russian)

Murashova N.S. Reading interests of students at Novosibirsk state pedagogical university in the context of the All-Russian practice of youth reading *Vestnik muzykal'noj nauki* [Journal of musical science]. – 2023. – Vol. 11, N 3. – P. 227–241. – DOI: 10.24412/2308-1031-2023-3-227-241 (In Russian)

Pianzola F., Rebora S., Lauer G. Wattpad as a resource for literary studies: quantitative and qualitative examples of the importance of digital social reading and readers' comments in the margins. *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 1. – e0226708.

Polishchuk M.A. Readers' interests and value orientations of teenagers. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt university. Sociology. Political science. International relations] – 2021. – Vol. 5, N 1. – P. 25–31. – DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-25-31 (In Russian)

Reading in the age of numbers / VCIOM. – 2024. – November 18. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtenie-v-ehpokhu-cify> (accessed: 10.09.2025).

Reading practices of students of the metropolitan metropolis: “amateurs” and “pragmatists” / Kargapolova E.V., Diakova V.V., Simonenko M.A., Davydova J.A. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. – 2022. – Vol. 31, N 10. – P. 87–101. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-87-101 (In Russian)

Rokeach M. *The nature of human values*. – New York: The Free press, 1973. – 438 p.

Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online readings in psychology and culture*. – 2012. – Vol. 2, N 1. – P. 1–20.

Shutaleva A., Kuzminykh E., Novgorodtseva A. Youth practices reading as a form of life and the digital world. *Societies*. – 2023. – Vol. 13, N 7. – P. 165–186. – DOI: 10.3390/soc13070165

Stefanovskaya N.A. The sociocultural situation of reading in the era of digitalization. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization]. – 2021. – Vol. 11, N 5 A – P. 173–180. – DOI: 10.34670/AR.2021.35.84.020

Tsvetkova M. Lies of the reader: disadvantages of the sociological research methods for the study of the reading. *European journal of contemporary education*. – 2018. – Vol. 7, N 1. – P. 190–213.

Van Hek M., Buchmann C., Kraaykamp G. Educational systems and gender differences in reading: a comparative multilevel analysis. *European sociological review*. – 2019. – Vol. 35, N 2. – P. 169–186. – DOI: 10.1093/esr/jcy054

Zykhovskaya N.L. Culture in digital communication. *Historical transformations of culture: concepts, meanings, and practices: proceedings of the International scientific conference (XVI Kolosnitsyn readings)*. – Yekaterinburg: Ural university, 2021. – P. 378–382.

УДК 379.823

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.03

СМИРНОВ С.Н.* СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ У РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Социологические обследования молодежи в России и США свидетельствуют, что интерес к чтению книг как в печатном, так и в электронном форматах у значительной части этой возрастной группы сохраняется. При этом речь идет не столько об обязательном – в рамках образовательного процесса – чтении книг, сколько о самостоятельном выборе своей «стратегии читателя». Интерес молодых людей к чтению подтверждается также посещением ими библиотек и книжных магазинов. Этот интерес сохраняется даже на фоне получивших распространение аудиокниг. Исходя из этого, интересной темой для будущих исследований являются изменения структуры читаемых книг (соотношения между классическими и современными произведениями, научной и учебной литературой и т.п.).

Ключевые слова: чтение; книги; форматы книг; молодежь; социологические обследования; интерес к чтению; различия между возрастными группами.

Для цитирования: Смирнов С.Н. Статистические оценки интереса к чтению у российской и американской молодежи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 33–47. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.03

Статья поступила: 20.10.2025.

Принята к публикации: 30.10.2025.

* Смирнов Сергей Николаевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН; sernsmirnov@mail.ru

SMIRNOV S.N.** Statistical estimates of interest in reading among Russian and American youth

Abstract. Sociological surveys of young people in Russia and the United States indicate that a significant part of this age group remains interested in reading books in both printed and electronic formats. It is not so much about the obligatory reading of books as part of the educational process, but about the independent choice of one's "reader strategy". Young people's interest in reading is also confirmed by their visits to libraries and bookstores. This interest is preserved even against the background of widespread audiobooks. This interest is preserved even against the background of widespread audiobooks. An interesting topic for future research is the changes in the structure of the books read (the relationship between classical and modern works, scientific and educational literature, etc.).

Keywords: reading; books; book formats; youth; sociological surveys; interest in reading; differences between age groups.

For citation: Smirnov S.N. Statistical estimates of interest in reading among Russian and American youth // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 33–47. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.03

Received: 20.10.2025.

Accepted: 30.10.2025.

Чтение книг как в бумажном, так и в электронном форматах (прослушивание аудиокниг является «неклассическим» вариантом чтения) в эпоху цифровизации представляет интересное поле для исследователей. Мнения экспертов здесь могут заметно различаться. Например, с точки зрения профессора лингвистики Американского университета в Вашингтоне, автора книги «Слова на экране. Судьба чтения в цифровом мире» Наоми Бэрон¹, «вполне возможно, что творение Джоан Роулинг² – это последний большой роман, прочитанный человечеством» [цит. по: Коробатов, 2024]. С мо-

** Smirnov Sergey Nikolaevich – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; sernsmirnov@mail.ru

¹ См.: Baron N.S. Words onscreen: the fate of reading in a digital world. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 320 p.

² Имеется в виду цикл романов о Гарри Поттере.

мента публикации последней книги о юном волшебнике прошло уже почти двадцать лет, и ситуация, однако, оказалась не столь катастрофичной. Так, в России результаты проведенного на сайте «Комсомольской правды» (www.kp.ru) опроса, в ходе которого были получены 6,5 тыс. ответов, свидетельствуют, что 57% россиян по-прежнему читают бумажные книги, а еще 17% – электронные; 5% респондентов привержены такой относительно новой форме ознакомления с книгами, как прослушивание аудиокниг [Соболева, 2024]. Несмотря на очевидную нерепрезентативность опроса, принципиальный результат состоит в том, что книги, несмотря на резкое снижение тиражей у бумажных их версий по сравнению с доцифровой эпохой (это компенсируется возможностью их приобретения в электронной форме), не ушли в технологическое небытие.

Аналогичной точки зрения придерживается и заведующая отделом по формированию и продвижению фондов Российской государственной библиотеки для молодежи А. Ильина, которая сопоставляет бумажные и электронные версии изданий. По ее мнению, «бумажная книга никогда не проиграет электронной. Молодежь любит глазами <...>. Если бы это было не так, на рынке бы не было такого количества книг с разными обложками, не было бы классики, переизданной в молодежном дизайне» (цит. по: [Бузано-ва, 2025]).

Другие опросы независимых российских компаний также подтверждают сказанное выше об интересе российской молодежи к чтению. Так, проведенный в апреле – июне 2022 г. Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) с помощью онлайн-панели Тет-о-Гвет-Мтм опрос 1 тыс. человек в возрасте от 14 до 35 лет показал, что 90% читающих книги (а всего доля таковых в выборке составила 67%) читают бумажные версии, электронные – 83%, а слушают аудиокниги 56% [Книжное дело ..., 2022].

Результаты более позднего российского опроса, который был проведен в 2025 г. Всероссийским литературным конкурсом «Класс!» совместно с региональными образовательными учреждениями «Читательские предпочтения молодежи», несколько отличаются. Оказалось, что 63% респондентов не читают современную литературу. Но, во-первых, это были школьники в возрасте от 13 до 18 лет (всего было опрошено 6700 человек), а, во-вторых, упор был сделан на художественную литературу. 42% опрошенных из «читающей» подвыборки предпочитали именно печатные книги [Скорондаева, 2025].

Безусловно, поведение читателей различных возрастных групп различается. Это видно на примере результатов проведенного в 2022 г. Американской библиотечной ассоциацией¹ опроса 2075 респондентов, 1156 из которых представляли поколение миллениалов (26–40 лет), а 919 – поколение Z (13–25 лет). В целом за последние 12 месяцев немногим более половины респондентов читали печатные книги. При этом интерес к печатным книгам (как и к электронным, и к аудиокнигам) у поколения Z в целом выше, чем у миллениалов: если первые в течение месяца прочитывают в среднем 2,2 книги, то вторые – 1,8 [Berens, Noorda, 2023]. Заметим, впрочем, в данном случае это могут быть не только (и, возможно, даже не столько) поколенческие, сколько возрастные различия. Тем не менее, как и в опросе на сайте «Комсомольской правды», вывод тот же самый: печатные книги наряду с электронными по-прежнему пользуются спросом и часть этого спроса формирует именно молодежь.

Перечисленные обследования носили разовый характер и не дают возможности оценить тренды востребованности чтения среди лиц младших возрастных групп. Такие оценки могут быть сделаны на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Федеральной службой государственной статистики (Росстат) начиная с 2014 г. с периодичностью раз в два года и охватом 60 тыс. домохозяйств (пилотное наблюдение с выборкой 10 тыс. домохозяйств было проведено в 2011 г.)². Таким образом, по отдельным показателям могут быть построены динамические ряды за период 2014–2024 гг. (очередной сбор данных должен быть проведен в 2026 г.).

В контексте проблематики настоящей статьи интересующая нас информация содержится в разделе 7 «Образование и обучение» индивидуального вопросника для лиц в возрасте от 15 лет и более. Вопрос 17 (К 29) этого раздела сформулирован следующим образом: «Как и где Вы проводите свое свободное время? Укажите не более 3-х основных занятий». Респондент может выбирать из следующих 12-ти вариантов проведения своего свободного времени: 1) общаюсь с друзьями; 2) читаю книги; 3) хожу в библиотеку; 4) провожу время за компьютером, мобильными устройствами;

¹ American library association. – URL: <https://www.ala.org> (accessed: 01.10.2025).

² Проводится, как и еще десять федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 [Постановление ..., 2010].

Статистические оценки интереса к чтению у российской и американской молодежи

5) смотрю телевизор; 6) занимаюсь своим увлечением (хобби); 7) хожу на дискотеки, в клубы; 8) хожу в кино; 9) занимаюсь спортом; 10) занимаюсь домашними делами; 11) подрабатываю; 12) другое занятие.

Вопросник предусматривает получение ответов на него только от лиц в возрасте до 24 лет, которые не учатся в какой-либо образовательной организации [Комплексное наблюдение ..., 2024]¹. Последнее уточнение содержательно очень важно, поскольку позволяет «очистить» ответы от влияния на них образовательного процесса. Это прежде всего относится к интересующим нас вариантам проведения свободного времени 2 («читаю книги») и 3 («хожу в библиотеку»). При ответе на вопрос о чтении книг респонденту не задают дополнительный вопрос о форме читаемой книги (печатная или электронная), поэтому были использованы ответы посещающих библиотеку², которые могут дополнительно характеризовать степень интереса молодежи именно к печатной книге. Распределение ответов на вопрос о проведении указанной выше категорией респондентов свободного времени в разрезе его вариантов представлены в табл. 1.

Изменения, произошедшие в истекшем десятилетии, оказались вполне предсказуемыми. С развитием компьютеров, гаджетов и их программного обеспечения произошло заметное «перетекание» телевизионной аудитории в группу пользователей этих устройств: если доля молодежи, которая в свободное время смотрела телепередачи, сократилась почти на 30% (здесь и далее речь идет об изменениях в процентном исчислении, а не в п.п.), то доля занимавшихся с компьютерами и мобильными устройствами возросла на 16,3%³. По-видимому, по тем же причинам произошло значительное – на 43,2% – снижение доли посещавших кинотеатры. Оптимистичным, на наш взгляд, при повсеместном распространении информационных технологий выглядит рост доли тех респон-

¹ В публикуемых Росстатом итоговых таблицах по результатам наблюдения контингент респондентов, которым задавался данный вопрос, определяется как «Молодежь в возрасте 15–23 лет (кроме обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации)».

² Хотя в настоящее время существуют открытые для свободного доступа электронные библиотеки, в данном случае речь идет именно о посещении библиотек в режиме офлайн.

³ Заметим, что о более широком использовании в 2024 г. по сравнению с 2014 г. разнообразных гаджетов свидетельствует расширение названия данного вида занятия за счет дополнительного включения в него «мобильных устройств».

дентов, которые в свободное время общаются с друзьями: эта доля увеличилась на 11,6%.

Таблица 1

**Предпочтения использования свободного времени лицами
в возрасте от 15 до 23 лет, не обучающимися
в образовательных учреждениях (%)**

Занятие	2014	2024	Изменение, п.п.
Общение с друзьями	78,7	87,8	9,1
Занятия за компьютером, мобильными устройствами	68,6	79,8	11,2
Занятия домашними делами	30,1	29,3	-0,8
Просмотр телепередач	28,8	20,4	-8,4
Занятия спортом	21,4	19,7	-1,7
Чтение книг	14,8	15,7	0,9
Посещение дискотек, клубов	9,3	4,8	-4,5
Занятия своим увлечением (хобби)	8,8	15,7	6,9
Посещение кинотеатров	8,1	4,6	-3,5
Подработка	5,6	5,0	-0,6
Посещение библиотек	3,8	3,0	-0,8
Другое занятие	3,9	2,6	-1,3

Источник: составлено и рассчитано автором по данным таблиц 72.1 Комплексных наблюдений условий жизни населения 2014 г. (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/data/Tabs/Tab72/tab72.1.xlsx) и 2024 г. (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/72.1.xlsx).

На этом фоне изменения долей молодежи, которая выбрала в качестве заполнения своего свободного времени интересующие нас позиции, различаются. Так, доля тех, кто посещал библиотеки, сократилась более, чем на 1/5. Это вполне объяснимо при упоминавшихся уже возможностях электронного доступа к каталогам библиотек и конкретным интересующим потенциального читателя изданиям. С другой стороны, доля читавших книги (как в печатном, так и в электронном форматах) незначительно, но тем не менее увеличилась (на 6,1%).

Важно обратить внимание еще на то обстоятельство, что часть молодежи посещает библиотеки, не являясь читателями книг. По данным уже цитированного обследования Американской библиотечной ассоциации, 43% представителей миллениалов и поколения Z не относят себя к читателям, однако 54% из них побывали в местных библиотеках в последние 12 месяцев. По мне-

нию авторов исследования, это объясняется многофункциональностью современных библиотек, которые являются безопасным местом для свободного общения, где имеются возможности работы с использованием современных информационных технологий и где проводятся тематические мероприятия для лиц различных возрастных категорий, включая молодежь, и т.п. [Berens, Noorda, 2023].

С печатной книгой как миллениалы, так и поколение Z, знакомятся в книжных магазинах, в том числе в независимых. В 2023 г. количество последних – членов Американской ассоциации книготорговцев¹ (при том, что основные книжные приобретения осуществляются в режиме онлайн) – оказалось максимальным за последние два десятилетия. По данным опроса, 58% респондентов в возрасте 13–40 лет покупали книги в течение последних 12 месяцев [Berens, Noorda, 2023].

Важно, что распространенность чтения варьирует в зависимости от характеристик отдельных молодежных групп. В уже цитированном обследовании Росстата к таким характеристикам может быть отнесено, например, *место проживания* респондентов [Комплексное наблюдение ..., 2024]. Так, если в городских населенных пунктах Российской Федерации в 2024 г. доля молодежи, которая читала книги, составила 15,2%, то в сельских поселениях – 16,9%, или в 1,11 раза больше. Доли молодых горожан, которые посещали библиотеки, составила 2,6%, а селян – 4%, т.е. оказалась более, чем в полтора раза выше. Эти доли варьировали в разрезе поселений с различной численностью населения. Например, в городских поселениях, как это видно из рис. 1, разрыв между максимальной (4,1% в городах с числом жителей не менее 1 млн человек) и минимальной (1,5% в городах, где проживали от 50 до 99,9 тыс. человек) долями посещавших библиотеки составил 2,7 раза. Разрыв между экстремальными значениями долей читавших книги (соответственно 18,4% в городах-миллионниках и 12,9% в городах, где проживали от 250 до 499,9 тыс. человек) составил 1,4 раза [там же].

Что касается селян, то максимальная доля читавших книги (19,8%) проживали в самых крупных сельских поселениях (от 5000 человек), а минимальная (9,6%) – в самых мелких селах, где проживали не более 200 человек. В последних также была и самая низкая доля посетивших библиотеки (1,1%), в то время как наи-

¹American booksellers association. – URL: <https://www.bookweb.org> (accessed: 01.10.2025).

большей (4,6%) она оказалась в средних по размерам селах с количеством жителей от 1001 до 5000 человек.

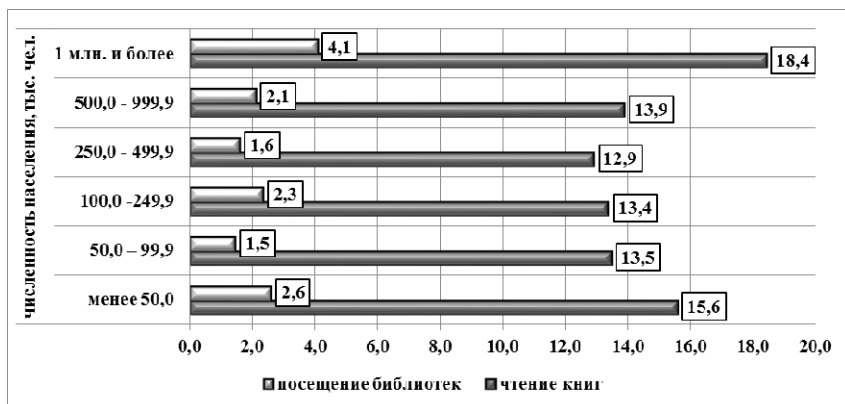

Рис. 1. Доли респондентов в возрасте 15–23 лет в городах Российской Федерации с различной численностью населения, читавших книги и посещавших библиотеки в 2024 г., %

Источник: составлено автором по данным таблицы 72.1 Комплексных наблюдений условий жизни населения в 2024 г. (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/72.1.xlsx).

Следующим фактором существующих различий является *гендерная принадлежность* респондентов. Здесь наблюдается заметно более высокая включенность девушек в приобщение к книжному миру. Действительно, в 2024 г. 21,3% девушек читали книги, что превышало эту долю среди юношей (10,7%) почти в 2 раза. Аналогичный разрыв (2,2 раза) и между долями посещавших библиотеки, составивших у девушек 4,2% а у юношей – 1,9%.

Очевидно влияние на интерес к чтению также и *образовательного ценза* молодых респондентов, что видно из данных, которые представлены на рис. 2.

Результаты оказались отчасти ожидаемыми, а отчасти – нет. Априори прогнозировалось снижение активности в области чтения по мере снижения образовательного уровня молодежи. Этот прогноз оказался верным при снижении образовательного уровня с высшего образования до среднего профессионального. Однако доля читавших книги среди молодежи со средним общим, основным общим образованием и не имевших основного общего образования выше, чем у имевших среднее профессиональное образование.

Статистические оценки интереса к чтению у российской и американской молодежи

Возможно, это связано с большей профессиональной занятостью входящих в состав последней группы. Кроме того, обследование не предусматривает получение данных о качественном составе книг, которые читают респонденты.

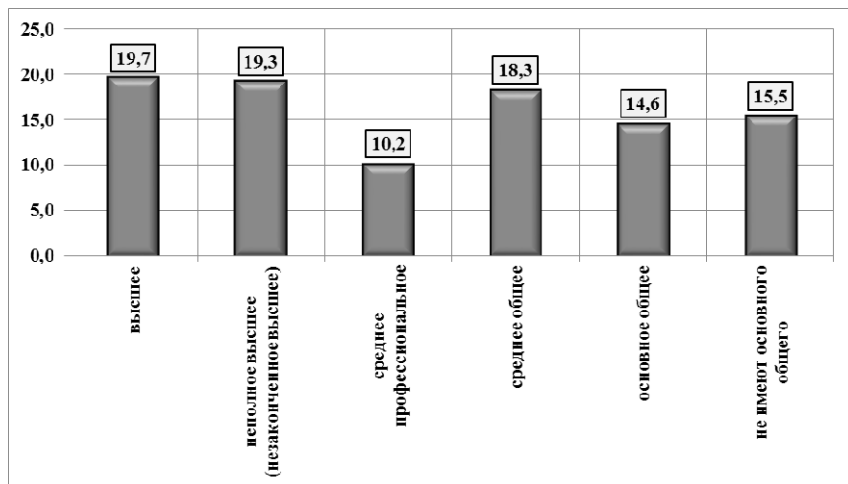

Рис. 2. Доли респондентов в возрасте 15–23 лет в городах Российской Федерации с различным образовательным цензом, читавших книги и посещавших библиотеки в 2024 г., %

Источник: составлено автором по данным таблицы 72.2 Комплексных наблюдений условий жизни населения в 2024 г. (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/72.2.xlsx).

Еще один источник информации, по которой можно судить о степени интереса российской молодежи к чтению, – это «Свод годовых данных о деятельности библиотек», ежегодно публикуемый Главным информационно-вычислительным центром (ГИВЦ) Министерства культуры Российской Федерации в качестве раздела сводных статистических данных по учреждениям культуры, искусства и образования [Основные показатели...]. В контексте предметного поля настоящей статьи наибольший интерес представляет показатель, позволяющий определить число зарегистрированных пользователей библиотек, обслуженных в стационарных условиях до 14 лет включительно и от 15 до 30 лет включительно. Важен именно этот показатель, а не общее число зарегистрированных пользователей библиотек читателей этой возрастной категории, поскольку в ряде случаев регистрация носит формальный ха-

раक्टर без последующего перехода регистрируемого в категорию реальных читателей.

Следует также подчеркнуть, что в отличие от Комплексного наблюдения условий жизни населения, в этом конкретном случае, во-первых, данные приводятся не по выборке лиц соответствующих возрастных групп, а по их генеральной совокупности, формируемой на основе отчетности, которая представляется библиотеками. Во-вторых, из общего количества обслуженных в библиотеках стационарно не исключаются лица, которые на момент предоставления отчетности не обучаются.

В 2024 г. количество стационарно обслуженных зарегистрированных пользователей библиотек¹ в возрасте до 14 лет составило 16 150,8 тыс. человек, или 36,2% общего количества стационарно обслуженных всех возрастных категорий, а от 15 до 30 лет – 10 410,7 тыс. человек, или соответственно 23,3%. Различия между этими долями подтверждают ранее высказанную гипотезу, что представители молодежи в постподростковом возрасте, уже обретя профессию и будучи принятыми на работу, имеют меньше времени на чтение книг, а в данном случае – на посещение библиотек в офлайн-режиме по сравнению с более юными пользователями библиотек. В расчете на одного стационарно обслуженного пользователя в возрасте до 14 лет приходилось в среднем 0,64 таких пользователей в возрасте от 15 до 30 лет. В 81 регионе сохранялось такое отношение между этими категориями с межрегиональной вариацией значений показателей от 0,39 в Архангельской, Вологодской и Ярославской областях до 0,91 в Липецкой области. Исключениями во многом ожидаемо стали Москва и Санкт-Петербург, предлагающие разнообразные варианты досуга для детей. В этих городах доминирует молодежь в возрасте от 15 до 30 лет: их в расчете на одного обслуженного посетителя в возрасте до 14 лет приходится соответственно 2,05 и 1,15 человек. Такое же соотношение в пользу первых наблюдалось также в национальных республиках – Северной Осетии-Алании (1,21), Кабардино-Балкарской (1,12) и Ингушетии (1,11).

В региональном разрезе, как это видно из данных табл. 2, доли стационарно обслуженных пользователей библиотек в воз-

¹ Отчетность приведена по функционировавшим в 2024 г. 40 724 муниципальным, государственным центральным библиотекам и структурным подразделениям учреждений, выполнявшим библиотечные функции.

**Статистические оценки интереса к чтению у российской
и американской молодежи**

расте до 30 лет в общем числе стационарно обслуживаемых пользователей библиотек заметно варьировали.

Таблица 2

Доли стационарно обслуживаемых пользователей библиотек в возрасте до 30 лет в общем числе стационарно обслуживаемых пользователей библиотек в 2024 г., %¹

Регион	Всего в возрасте до 30 лет	Из них в возрасте:	
		до 14 лет	от 15 до 30 лет
1	2	3	4
Российская Федерация	59,5	36,2	23,3
Чеченская Республика	87,0 ²⁾	49,6	37,5
Республика Ингушетия	84,9	40,3	44,6
Республика Дагестан	77,9	44,0	33,9
Республика Северная Осетия – Алания	73,6	33,3	40,3
Ямало-Ненецкий АО	70,9	41,3	29,6
Карачаево-Черкесская Республика	67,6	40,3	27,3
Иркутская область	67,3	42,6	24,7
Кабардино-Балкарская Республика	66,4	31,2	35,1
Челябинская область	65,1	43,4	21,6
Краснодарский край	64,7	38,1	26,6
Курганская область	64,3	40,8	23,5
Свердловская область	64,3	47,4	16,9
Удмуртская Республика	64,2	44,3	19,8
Магаданская область	63,9	36,2	27,7
Мурманская область	63,6	39,7	23,9
Приморский край	63,5	42,5	21,0
Ставропольский край	62,9	36,7	26,2
Еврейская автономная область	62,6	41,1	21,5
Камчатский край	62,6	40,9	21,7
Кемеровская область	62,6	38,1	24,4
Тюменская область	62,2	42,1	20,1
Оренбургская область	62,0	37,0	24,9
Хабаровский край	61,8	41,4	20,4
Красноярский край	61,7	35,8	25,9
Забайкальский край	61,6	37,4	24,3
Республика Тыва	61,6	32,6	29,0

¹ Регионы в таблице ранжированы по убыванию доли в столбце 1. При совпадении значения доли при ее округлении до 0,1 определялось значение ее с точностью до 0,01 или, при необходимости, с точностью до 0,001.

Возможное расхождение на 0,1 суммы значений долей в столбцах 3 и 4 от приведенной в столбце 2 объясняется округлением с этой степенью точности.

Смирнов С.Н.

Регион	Всего в возрасте до 30 лет	Из них в возрасте:	
		до 14 лет	от 15 до 30 лет
1	2	3	4
Ханты-Мансийский АО – Югра	61,6	40,8	20,7
Московская область	61,5	39,9	21,6
Амурская область	61,4	39,7	21,8
Самарская область	61,2	38,9	22,4
Республика Марий Эл	61,2	39,9	21,3
Астраханская область	61,1	36,6	24,6
Республика Адыгея	61,1	38,4	22,8
Чувашская Республика	61,0	37,8	23,2
Архангельская область	61,0	44,0	17,0
Республика Алтай	60,9	35,9	25,1
Республика Карелия	60,5	43,1	17,3
Томская область	59,6	39,9	19,7
Вологодская область	59,6	43,0	16,6
Ростовская область	59,6	33,3	26,2
Костромская область	59,0	41,1	17,9
Ярославская область	58,7	42,4	16,4
Республика Татарстан	58,6	35,4	23,2
Новгородская область	58,5	37,2	21,3
Чукотский АО	58,4	35,1	23,3
Омская область	58,4	35,7	22,7
Республика Саха (Якутия)	58,3	32,3	24,6
Республика Башкортостан	57,8	31,4	26,3
Республика Хакасия	57,7	38,6	19,1
Волгоградская область	57,6	36,2	21,5
Орловская область	57,5	32,2	25,3
Ленинградская область	57,3	39,4	17,9
Калининградская область	57,1	36,4	20,7
Пермский край	57,1	41,9	15,2
Алтайский край	56,9	37,4	19,5
Республика Бурятия	56,9	32,3	24,6
Смоленская область	56,7	32,8	23,9
Саратовская область	56,5	35,5	21,0
Псковская область	56,5	33,1	23,4
Нижегородская область	56,4	36,7	19,8
Республика Коми	56,4	37,7	18,8
Ненецкий АО	56,1	33,0	23,1
Республика Калмыкия	56,0	30,5	25,6
Брянская область	55,8	33,1	22,7
Владимирская область	55,5	36,5	19,0
Пензенская область	55,5	31,3	24,3
Республика Крым	55,2	30,7	24,5
Сахалинская область	55,2	36,9	18,2

**Статистические оценки интереса к чтению у российской
и американской молодежи**

Регион	Всего в возрасте до 30 лет	Из них в возрасте:	
		до 14 лет	от 15 до 30 лет
1	2	3	4
Тверская область	55,2	31,4	23,8
Ульяновская область	55,1	36,0	19,1
Белгородская область	54,8	32,2	22,7
Ивановская область	54,5	35,2	19,4
Курская область	54,4	30,1	24,4
Новосибирская область	53,9	31,5	22,5
г. Севастополь	53,6	38,0	15,6
Кировская область	53,1	35,5	17,6
Калужская область	53,0	34,6	18,5
Воронежская область	53,0	30,2	22,7
г. Санкт-Петербург	53,0	24,6	28,4
Рязанская область	52,8	31,8	21,1
Республика Мордовия	52,7	29,6	23,1
Тамбовская область	52,1	30,0	22,1
Липецкая область	50,7	26,6	24,1
Тульская область	48,5	27,6	20,8
г. Москва	47,8	15,7	32,1

Источник: составлено и рассчитано автором по Статистическим данным по видам учреждений культуры, искусства и образования (URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>).

Таким образом, разрыв между максимальной и минимальной долями стационарно обслуживаемых в библиотеках в 2024 г. пользователей в возрасте до 30 лет в общей численности стационарно обслуживаемых составил 1,8 раза (от 47,8% в Москве до 87% в Чеченской Республике при среднем значении 59,7%), в том числе пользователей в возрасте до 14 лет – в 3,2 раза (от 15,7% в Москве до 49,6% в Чеченской Республике при среднем значении 36,5%), а от 15 до 30 лет – в 2,9 раза (от 15,2% в Пермском крае до 44,6% в Республике Ингушетия при среднем значении 23,2%). Тем не менее проведенные расчеты коэффициентов вариации показали, что в целом генеральные совокупности стационарно обслуживаемых пользователей библиотек в возрасте до 30 лет, в том числе в возрасте до 14 лет и в возрасте от 15 до 30 лет, оказались достаточно однородными. Так, в первом случае он составил 10,8%, во втором – 14,4%, а в последнем – 21,8%.

Резюмируя, можно сделать вывод, что в целом интерес к чтению книг в любой их форме как у российской, так и у американской молодежи не утрачен. Другое дело, что возможные изменения в структуре читаемых книг, соотношения между так назы-

ваемыми классическими и современными произведениями, научной и учебной литературой пока еще подробно не проанализированы. Это может стать предметом будущих исследований в области читательских предпочтений современной молодежи.

Список литературы

Бузанова А. «Бумажная книга давно проиграла электронной»: 6 мифов о молодежной литературе и библиотеках // Мел: медиа про образование и воспитание детей. – 2025. – 23 августа. – URL: <https://mel.fm/vospitaniye/intervyu/4850612-bumazhnaya-kniga-davno-proigrala-elektronnoy--etot-i-eshche-6-mifov-o-molodezhn-pou-literature-i-bibli> (дата обращения: 30.09.2025).

Книжное дело – 2022: литературные предпочтения российской молодежи, выбор книг, отношение к библиотекам / Аналитический центр НАФИ. – 2022. – 36 с. – URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/00a/00aae44db0e9632e6d48c7fd595805da.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

Комплексное наблюдение условий жизни населения. Индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 15 лет и более. Приложение № 2 к Приказу Росстата от 11.04.2024 № 149 / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

Коробатов Я. Цифровая революция убила литературу: «Гарри Поттер» станет последней книгой, прочитанной человечеством // Комсомольская правда. – 2024. – 15 января. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27553.5/4878308/> (дата обращения: 30.09.2025).

Основные показатели работы отрасли: статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования / АИС «Статистика» ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации. – URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/> (дата обращения: 13.10.2025).

Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/ПОСТАНОВЛЕНИЕ%20от%2027.11.10%20№%20946.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

Скорондаева А. Исследование: 63% подростков не читают современную литературу // Российская газета. – 2025. – 10 февраля. – URL: <https://rg.ru/2025/02/04/issledovanie-63-podrostkov-ne-chitaiut-sovremennuiu-literaturu.html> (дата обращения: 30.09.2025).

Соболева К. 57% опрошенных россиян сообщили, что продолжают читать бумажные книги // Комсомольская правда. – 2024. – 15 января. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27553/4878616> (дата обращения: 30.09.2025).

Berens K.I., Noorda R. Gen Z and Millennials: how they use public libraries and identify through media use / American library association/ – 2023. – 20 p. – URL: <https://www.ala.org/sites/default/files/advocacy/content/tools/Gen-Z-and-Millennials-Report%20%281%29.pdf> (accessed: 30.09.2025).

References

Berens K.I., Noorda R. *Gen Z and Millennials: how they use public libraries and identify through media use*. American library association. – 20 p. – URL: <https://www.ala.org/sites/default/files/advocacy/content/tools/Gen-Z-and-Millennials-Report%20%281%29.pdf> (accessed: 30.09.2025).

Book business – 2022: literary preferences of Russian youth, choice of books, attitude to libraries. NAFL analytical center. – 2022.–36 p. (In Russian)

Buzanova A. «The paper book lost to the electronic book a long time ago»: 6 myths about youth literature and libraries. *Mel: media about education and parenting*. – 2025. – August 23. – URL: <https://mel.fm/vospitaniye/intervyu/4850612-bumazhnaya-kniga-davno-proigrala-elektronnoy--etot-i-eshche-6-mifov-o-molodezhnoy-literature-i-bibli> (accessed: 30.09.2025). (In Russian)

Comprehensive monitoring of the living conditions of the population. An individual questionnaire for people aged 15 and over. Appendix N 2 to Rosstat order N 149 dated 11.04.2024. Rosstat. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (accessed: 01.10.2025). (In Russian).

Decree of the Government of the Russian Federation N 946 of November 27, 2010 «On the organization in the Russian Federation of a system of federal statistical observations on socio-demographic problems and monitoring of economic losses from mortality, morbidity and disability of the population». – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/ПОСТАНОВЛЕНИЕ%20от%2027.11.10%20№%20946.pdf (accessed: 01.10.2025). (In Russian)

Key performance indicators of the industry. Statistical data on the types of cultural, art and educational institutions. AIS “Statistics” by GIVC of the Ministry of Culture of the Russian Federation. – URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/> (accessed: 13.10.2025). (In Russian)

Korobatov Ya. The digital revolution has killed literature: “Harry Potter” will be the last book read by mankind. *Komsomol'skaya pravda*. – 2024. – January 15. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27553.5/4878308/> (accessed: 30.09.2025). (In Russian)

Skorondaeva A. Research: 63% of teenagers do not read modern literature. *Rossiyskaya gazeta*. – 2025. – February 10. – URL: <https://rg.ru/2025/02/04/issledovaniye-63-podrostkov-ne-chitaiut-sovremennuiu-literaturu.html> (accessed: 30.09.2025). (In Russian)

Soboleva K. 57% of Russians surveyed reported that they continue to read popular books. *Komsomol'skaya pravda*. – 2024. – January 15 – URL: <https://www.kp.ru/daily/27553/4878616> (accessed: 30.09.2025). (In Russian)

УДК 028; 316

DOI:10.31249/rsoc/2025.04.04

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЧТЕНИЕ. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ / ПОД РЕД. ЧЛ.-КОРР. РАО Ю.П. МЕЛЕНТЬЕВОЙ. – Москва: Наука, 2021. – 448 с.

Аннотация. Анализируется энциклопедический словарь по проблеме чтения, который максимально обобщает накопленные знания о феномене чтения в разных научных областях (философии, социологии; психологии, педагогике, филологии, книговедении, библиотековедении, физиологии и др.); это позволяет увидеть феномен чтения в его подлинном масштабе.

Ключевые слова: чтение; читатели; литература; социология чтения; библиотечное дело.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 48–52. – Рец. на кн.: Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021. – 448 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.04

Рецензия поступила: 20.09.2025.

Принята к публикации: 05.10.2025.

YADOVA M.A.** Book review: Reading. Encyclopedic dictionary / ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – 448 p.

This review analyzes an encyclopedic dictionary on reading that summarizes knowledge about the phenomenon of reading accumulated

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

in various scientific fields (philosophy, sociology, psychology, pedagogy, philology, bibliology, library science, physiology, etc.), allowing us to see the phenomenon of reading in its truest form.

Keywords: reading; readers; literature; sociology of reading; library science.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 48–52. – Book review: Reading. Encyclopedic dictionary / ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – 448 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.04

Received: 20.09.2025.

Accepted: 05.10.2025.

Данная рецензия посвящена уникальному в русскоязычном пространстве изданию – энциклопедическому словарю «Чтение», вышедшему под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой в издательстве «Наука» в 2021 г. [Чтение ..., 2021]. Авторы словаря подчеркивают, что столь амбиционный проект, посвященный проблеме чтения, был предпринят в России впервые. Потребность в этом издании можно объяснить тем, что феномен чтения является предметом изучения целого ряда социальных и гуманитарных научных дисциплин (не только социологии, но и философии, педагогики, психологии, книговедения, библиотекведения, филологии, физиологии и пр.). На сегодняшний день существует множество определений, в которых нашли отражение различные аспекты чтения как научной категории. В итоге, по словам руководителя проекта, «степень значимости чтения как явления, процесса, деятельности» и трансформации, происходящие в связи с возникновением новых форм чтения и читательских практик, побудили ученых к созданию «специального издания энциклопедического характера, которое включало бы дефиниции по проблеме чтения максимально полно» [Мелентьева, 2021, с. 5].

Словарь включает 371 статью, каждая из которых посвящена той или иной стороне феномена чтения. Статьи расположены в алфавитном порядке и снабжены библиографическими списками, подтверждающими и / или углубляющими представленную информацию. В конце словаря даны краткие сведения об авторах.

В качестве примера рассмотрим несколько статей, показавшихся наиболее важными в рамках интересующего нас исследовательского поля социологии чтения и социологии библиотечного дела.

Прежде всего, это статья о социологии чтения. Автор статьи предлагает считать ею научную дисциплину, изучающую «чтение как социально значимый феномен» [Стефановская, 2021d, с. 242]. Объект социологии чтения – собственно чтение как сложная подсистема духовной культуры, посредством которой происходит накопление, ретрансляция и распространение знаний и культурного наследия в обществе. В свою очередь, предмет – роль и задачи чтения в социокультурной системе общества, «социальные закономерности и условия бытования чтения в различных типах обществ и на различных исторических этапах» [там же], модели читательского поведения (как отдельных людей, так и социальных общностей), особенности формирования читательской аудитории. В статье подробно описываются этапы развития отечественной социологии чтения как научной дисциплины и ключевые работы по этой теме.

Интересна статья, посвященная читательской аудитории, в рамках которой анализируются различные основания, по которым формируются сообщества читателей. Речь идет не только об объективных признаках, как то социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование, профессия, место жительства, социальное положение, семейное положение, уровень дохода и др.) или факты поведения (наличие или отсутствие различных видов контактов с источниками, затраты времени на чтение, регулярность чтения, его репертуар, критерии выбора текстов, предпочитаемые форматы чтения и т.д.), но и о субъективных (отношение к чтению и его видам, форматам, показатели мотивации, спроса или популярности источников, текстов, авторов и пр.) [Лопатина, Стефановская, 2021, с. 314].

Емкая и хорошо проработанная статья Н.А. Стефановской посвящена исследованию чтения в России, в которой выделяются исторические этапы этого процесса, обусловленные политическими и социокультурными факторами и отличающиеся особенностями организации, степенью активности, приоритетными направлениями [Стефановская, 2021b, с. 64].

Для специалистов-эмпириков будет полезна статья об общих и специальных методах изучения чтения [Стефановская, 2021, с. 118 с], включая методы, разработанные еще в XIX в. и усовер-

шенствованные сегодня. В социологических исследованиях могут найти применение как традиционные методы (опросные, социометрические, биографические, фокус-группы, контент-анализ, наблюдение и др.), так и психологические, социолингвистические и семиосоциопсихологические. Так, интересны предложенные автором проективные методики: например, тест незаконченных предложений, комментирование шаржей на темы чтения, размышления по поводу книги, которую читатель хотел бы взять в космос. Кроме того, важную информацию можно почерпнуть при умелом использовании библиотековедческих методов (анализ читательских формуляров, протоколов обсуждений книг, документов библиотечной статистики, фиксирующих книжной спрос или, наоборот, отказы).

Библиотечным работникам целесообразно ознакомиться со статьей о библиотечном чтении, в которой подробно описывается процесс исследования чтения пользователей библиотек, организованного на основе их фондов. Автор предлагает библиотечным работникам обратить внимание на содержание, структуру, жанрово-тематический и видовой репертуар выдаваемых изданий, целей и мотивов обращения к библиотечным документам, интенсивность использования библиотечных фондов, читательского спроса [Стефановская, 2021а], а также приводит примеры эффективных и грамотно разработанных исследований в библиотеках.

Как и ожидалось, множество статей словаря посвящено фигуре читателя во всех ее ипостасях – в целом (*Читателеведение*), отдельным типажам (*«Всеядный» читатель*, *Идеальный читатель*, *Имплицитный читатель*, *Компетентный читатель*, *Лидер чтения*, *Наивный читатель*, *«Новый» читатель*, *Простонародный читатель* и пр.), возрастным и поколенческим группам.

Нестандартные формулировки и нетривиальные подходы, предложенные авторами словаря, зачастую интригуют читателя, словно приглашая его отправиться в необычное интеллектуальное путешествие по лабиринтам мира чтения. На наш взгляд, энциклопедический словарь «Чтение» может быть важен и полезен не только научным и библиотечным работникам, специализирующимся на изучении феномена чтения, но и любому заинтересованному читателю. Это издание вполне претендует на то, чтобы стать настольной книгой, к которой еще не раз хочется вернуться.

Список литературы

Лопатина Н.В., Стефановская Н.А. Читательская аудитория // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021. – С. 314–315.

Мелентьева Ю.П. Предисловие // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021. – С. 5–6.

Стефановская Н.А. Библиотечное чтение // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021а. – С. 16.

Стефановская Н.А. Изучение чтения // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021б. – С. 64–66.

Стефановская Н.А. Методы изучения чтения; общие, специальные // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021с. – С. 118–119.

Стефановская Н.А. Социология чтения // Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021d. – С. 242–245.

Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю.П. Мелентьевой. – Москва: Наука, 2021. – 448 с.

References

Lopatina N.V., Stefanovskaya N.A. Reader's audience. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – P. 314–315. (In Russian)

Melentyeva Yu.P. Introduction. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – P. 5–6. (In Russian)

Reading. Encyclopedic dictionary. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021. – 448 p. (In Russian)

Stefanovskaya N.A. Library reading. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021a. – P. 16. (In Russian)

Stefanovskaya N.A. Methods of the learning of reading; general, special. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021c. – P. 118–119. (In Russian)

Stefanovskaya N.A. Sociology of reading. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021d. – P. 242–245. (In Russian)

Stefanovskaya N.A. Study of reading. *Reading. Encyclopedic dictionary*. Ed. by corresponding member of the Russian Academy of Education Yu.P. Melentyeva. – Moscow: Nauka, 2021b. – P. 64–66. (In Russian)

УДК 021.4

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.05

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: BUILDING COMMUNITY ENGAGEMENT AND OUTREACH IN LIBRARIES / ED. BY K. MOORE CROWE, J. HÉLOUVRY. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p. [ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С НАСЕЛЕНИЕМ И ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БИБЛИОТЕКАХ / ПОД РЕД. К. МУР КРОУ, Дж. ЭЛУВРИ]

Аннотация. В рецензируемой коллективной монографии, в которой опубликованы результаты исследований американских специалистов, рассматриваются методы и стратегии реализации информационно-просветительской работы в библиотеках и способы вовлечения в эту деятельность местных сообществ. Представлены подходы к планированию, реализации и оценке эффективности организуемых библиотеками проектов.

Ключевые слова: публичная библиотека; местные сообщества; общественное участие; информационно-просветительская деятельность; архив.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 53–61. – Рец. на кн.: Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. Hélouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.05

Рецензия поступила: 16.09.2025.

Принята к публикации: 02.10.2025.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); olga.priazhnikova@inion.ru

PRYAZHNIKOVA O.N.** Book review: Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. Hérouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p.

Abstract. The collective monograph, which includes the results of research by American specialists, presents methods and strategies for implementing library outreach programs and building local community engagement. Approaches to planning, implementation and evaluation of the effectiveness of projects organized by libraries are presented.

Keywords: public library; local communities; community engagement; outreach; archive.

For citation: Pryazhnikova O.N. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 53–61. – Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. Hérouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.05

Received: 16.09.2025.

Accepted: 02.10.2025.

Представленная коллективная монография американских библиотекведов «Формирование общественного участия и информационно-просветительской деятельности в библиотеках» вышла в 2022 г. в рамках серии «Достижения в управлении и организации библиотек» (*Advances in library administration and organization*), продолжающейся с 1982 г. и выпускаемой издательством *Emerald publishing* [Building community ..., 2022]. В издании рассматриваются теоретические основы и стратегии взаимодействия с общественностью и расширение информационного охвата различных аудиторий пользователей библиотек. Теория подкреплена примерами соответствующих проектов, реализованных американскими библиотеками.

Авторы монографии опираются на определение информационно-просветительской деятельности библиотеки, предложенное американскими исследователями Т.М. Картером и П. Симен. Они

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

рассматривают эту деятельность как оказание услуг, включающих помощь в исследованиях и / или в получении информации и доступе к ресурсам, техническим средствам и оборудованию библиотеки, а также деятельность по продвижению этих услуг и ресурсов, в том числе с использованием методов маркетинга и связей с общественностью [Carter, Seaman, 2011, p. 164]. Под общественным участием авторы подразумевают «возможность, способность и готовность людей работать коллективно во имя общественного развития» [Rogers, Robinson, 2004, p. 1].

Издание включает в себя семь глав, которые можно разделить на два тематических раздела. Первый, в который вошли четыре главы, посвящен общим стратегиям управления проектами, содержит исследовательские подходы, методы и концепции, которые библиотеки могут использовать при выстраивании программ взаимодействия с читателями. Во втором, включающем пять глав, рассматриваются особенности практического взаимодействия с читателями.

В первой главе «Работа библиотеки с локальными сообществами по вопросам здоровья: роль руководителя библиотеки» рассказывается о программах, направленных на повышение грамотности в сфере здоровья среди членов местных сообществ, рассматриваются стратегии, которые руководители библиотек могут использовать для развития у населения цифровых навыков и повышения грамотности в вопросах здоровья посредством программ, реализуемых в интересах членов местных сообществ. Приводится пример сотрудничества Библиотеки медицинских наук Университета Содружества Вирджинии (*Virginia Commonwealth University*) с Управлением здравоохранения города Ричмонд (*Richmond City Health District*) в рамках просветительского проекта по предотвращению преждевременных родов среди афроамериканок [Ladd, Hurst, Brewer, 2022, p. 7]. Раскрываются особенности управления проектом, выстраивания отношений с участниками программ, оценки потребностей сообществ. Особый акцент делается на ключевой роли руководителя библиотеки на всех этапах осуществления проекта [ibid., 2022, p. 30].

Во второй главе «Разработка библиотекой программ просветительской деятельности при общественном участии» представлен подход, призванный помочь руководителям и администраторам библиотек переосмыслить свою работу с общественностью и сделать ее более партисипативной. Принципиальной характеристикой подхода является то, что при работе с группами населения и от-

дельными индивидами все участники процесса могут вносить вклад в формирование общего опыта взаимодействия. Предполагается, что библиотека активно привлекает сообщество и заинтересованные стороны для планирования и реализации просветительских программ, что обеспечивает выявление и удовлетворение потребностей сообщества. Авторы рассматривают то, как библиотеки могут определить / переопределить свою роль в сообществе, описывают стратегии сотрудничества с различными акторами, рассматривают особенности проведения оценки потребностей сообществ и картирования активов¹, что необходимо для понимания актуальности различных видов информационно-просветительской деятельности [Prroliti, 2022, p. 34–37].

В третьей главе «Развитие связей с сообществом: опыт проектного управления и просветительской деятельности Библиотеки медицинских наук и руководителей общественных организаций» авторы предлагают взглянуть на разработку и обоснование проектов взаимодействия с сообществами сквозь призму передового опыта управления такими инициативами, который удалось выявить и проанализировать, опираясь на проведенные ими интервью с руководителями библиотек и представителями местных сообществ. В качестве факторов успеха проектов выделяются важность определения общих для библиотеки и сообщества миссии и стратегического плана, привлечение разнообразных заинтересованных партнеров, изучение потребностей и ожиданий всех участников, укрепление доверия и партнерских отношений, формирование и следование коммуникационным ожиданиям², а также выстраивание процедур оценки результатов. В главе проанализировано взаимодействие сети медицинских библиотек и членов местных сообществ, а также показано, что реализация проектов с учетом вышеперечисленных факторов повышает доверие между их участниками и одновременно расширяет возможности привлечения финансирования и новых пользователей в библиотеки, соз-

¹ Картирование активов – метод выявления и документирования ресурсов организации или сообщества, как материальных (недвижимость, оборудование), так и нематериальных (знания, связи, таланты, навыки) активов, для лучшего понимания ситуации и использования их потенциала.

² Коммуникационные ожидания предполагают установление четких стандартов относительно передачи информации, включая внимание, активное слушание, своевременный ответ, профессиональное поведение, ясность, надлежащее использование каналов коммуникации.

давая условия для устойчивого сотрудничества заинтересованных сторон [Leveraging ..., 2022, p. 68].

В четвертой главе «Целенаправленное использование данных для информирования сообщества» представлены несколько кейсов взаимодействия библиотек с локальными сообществами путем их ознакомления с показателями результативности библиотечной деятельности. Например, делая акцент на определенных данных и выбирая особые способы их визуализации при информировании учреждений, в том числе общественных, участвующих в управлении библиотекой, и представителей широкой общественности, библиотека *Fox River Valley Public Library* смогла повлиять на увеличение финансирования и формирования благоприятного общественного мнения [Informing ..., 2022, p. 73].

В пятой главе «От второстепенного к существенному: эволюция информационно-просветительской деятельности как ключевой функции архива» рассматривается изменение работы архивов в США за последние 100 лет и уделяется особое внимание тому, как эта тема обсуждалась в профессиональной литературе. Отмечается, что с момента основания Общества американских архивистов (*Society of American Archivists, SAA*) в 1938 г. функции, считающиеся ключевыми для архивной работы, значительно расширились. Изначально задачи архивов заключались в сохранении и поддержании фондов как основополагающей миссии. Лишь в 1970-е годы в профессиональной среде связи с общественностью стали обсуждаться в контексте профессии архивиста. С тех пор PR и активное взаимодействие с сообществами стали неотъемлемой частью деятельности архивов. В качестве примера приводится работа архивистов Университета Северной Каролины (г. Гринсборо), которые, наряду с оцифровкой своих коллекций, расширением и поддержанием физических фондов, осознавая важность выстраивания партнерства с местным сообществом, развивают сотрудничество с местными церковными и некоммерческими организациями, сообществом пенсионеров, организуют презентации своих коллекций и выездные выставки своих материалов [Lawtrimore, Gwynn, Krim, 2022, p. 93].

В шестой главе «Общие задачи: публичная библиотека и общество глухих» представлены результаты исследования взаимодействия между публичными библиотеками и сообществом глухих США. Проведенный авторами анализ литературы показал, что в профессиональной среде практически не проводились исследования, непосредственно связанные с глухими или их участием в дея-

тельности библиотек. Был проведен общенациональный опрос взрослых представителей американского сообщества глухих на предмет изучения использования ими услуг публичных библиотек. Результаты опроса показали, что, хотя большинство респондентов редко посещают библиотеку, их интерес к книгам и коллекциям литературы для / о глухих¹ высок. Примечательно, что публичная библиотека не рассматривается респондентами как хорошее место для общения с другими глухими, но воспринимается как дружелюбная среда. Также были выявлены факторы, затрудняющие пользование глухими библиотекой: сложности в общении с персоналом библиотеки, отсутствие перевода на язык глухонемых проводимых мероприятий и особенности здания (отсутствие сигнальной разметки, хорошего освещения, необходимого для «чтения по губам», и просторных помещений с широким визуальным охватом) [Rayne, 2022, p. 119]. В заключение главы авторы определили область дальнейших исследований в данной сфере, а именно – изучение элементов культуры глухих и глухоты как состояния здоровья, которые могут влиять на использование услуг публичной библиотеки [Rayne, 2022, p. 123].

В седьмой главе «Вывод медицинской информации на новый уровень: стратегическое партнерство Национальной медицинской библиотеки и публичных библиотек» рассматривается проект стратегического партнерства между американской Национальной медицинской библиотекой и публичными библиотеками. Сеть Национальной медицинской библиотеки (*Network of the National Library of Medicine, NNLM*) в партнерстве с исследовательской программой «Все мы» («*All of Us*» *Research Program*) Национального института здравоохранения (*National Institutes of Health, NIH*) обеспечивает библиотеки информационными ресурсами по вопросам здравоохранения и повышает осведомленность посетителей библиотек о программе «Все мы». В рамках программы также осуществляется бесплатное обучение персонала библиотек, необходимое для проведения информационно-просветительской работы в сфере здравоохранения, финансирование этой работы, помощь в установлении связей с организациями, занимающимися подобной деятельностью, предоставление бесплатных программных инструментов для проведения обучающих семинаров с целью

¹ Литература для глухих (*deaf literature*) – это произведения, созданные глухими людьми и / или о них, отражающие уникальный опыт, культуру и язык сообщества глухих.

повышения цифровой и медицинской грамотности членов местных сообществ. Данный проект показал свою значимость во время пандемии COVID-19, когда публичные библиотеки смогли продолжить свою просветительскую деятельность в сфере сохранения здоровья в виртуальном режиме благодаря онлайн-ресурсам, предоставленным им в рамках сотрудничества с сетью Национальной медицинской библиотеки [Taking ..., 2022, p. 144].

В заключительной главе «Разговоры о разнообразии: возможности библиотек поддерживать новые сообщества» рассматривается программа коллективного чтения, реализованная в 2019 г. библиотекой Университета Теннесси (*University of Tennessee*), в рамках которой читалась книга Р. ДиАнджело «Белая хрупкость: почему белым людям так трудно говорить о расизме» [DiAngelo, 2018]. Это позволило развернуть среди участвовавших членов местного сообщества диалог о культурном и этническом разнообразии, который способствовал как личным изменениям позиций участников, так и более эффективному их взаимодействию внутри сообщества. В главе также представлен обзор структуры коллективного чтения, включающей ознакомительную встречу, обсуждения в небольших группах, чтение (участникам предоставлялись экземпляры книги), выставку в библиотеке дополнительной литературы по теме и доступ к соответствующим материалам онлайн, заключительную встречу участников программы [Diversity ..., 2022, p. 149]. Проведенная по результатам проекта оценка показала, что коллективное чтение способствует формированию культуры обслуживания представителей различных сообществ, так как создает атмосферу эмпатии и принятия, а также формирует особое социокультурное пространство и способствует опыту передачи знаний, т.е. влияет на социальные процессы за пределами библиотеки [Diversity ..., 2022, p. 161].

Таким образом, коллективная монография американских специалистов в сфере библиотечного дела ярко демонстрирует тот факт, что в современном обществе библиотеки все чаще в своей деятельности выходят за рамки основной миссии и в сотрудничестве с другими организациями реализуют инициативы, затрагивающие разнообразные группы населения. В условиях распространения подобных практик особое значение приобретает роль руководителей и администраторов библиотек как организаторов, отвечающих за успех мероприятий по взаимодействию с членами местных сообществ. Данное издание без сомнения может стать подспорьем для библиотечного персонала в деле преобразования

библиотек в динамично развивающиеся и пользующиеся доверием общественные центры, предоставляющие читателям различные услуги и ресурсы, а также вносящие вклад в благополучие местных сообществ.

Список литературы

Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p.

Carter T.M., Seaman P. The management and support of outreach in academic libraries // Reference & user services quarterly. – 2011. – Vol. 51, N 2. – P. 163–171. – DOI: 10.5860/rusq.51 n2.163

DiAngelo R. White fragility: why it’s so hard for white people to talk about racism. – Boston: Beacon press, 2018. – 192 p.

Diversity conversations: enabling libraries to serve new communities / Brannen M., Fernandez P., Mack Th., Royse M. // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 131–163.

Informing the community using data purposefully from peripheral to essential: the evolution of outreach as a core archival function / Rosenthal L., Zabski H., Lawrimore E., Gwynn D., Krim S. // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 71–86.

Ippoliti C. Building a library outreach program through community engagement // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 33–48.

Ladd D.L., Hurst E.J., Brewer A. Library community health outreach: the role of the library manager // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 1–32.

Lawrimore E., Gwynn D., Krim S. From peripheral to essential: the evolution of outreach as a core archival function // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 87–102.

Leveraging community connections: project management outreach expertise from health sciences library and community-based organization leaders / Meacham M.E., Nguyen T., Wilson T., Mann A. // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 49–70.

Payne D. Sharing the same agenda: the public library and the deaf community // Building community engagement and outreach in libraries / ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 103–130.

Rogers B., Robinson E. The benefits of community engagement: a review of the evidence. – London: Active citizenship centre, 2004. – 64 p.

Taking health information to the next level: strategic partnerships between NLM and public libraries / Wright A., Thomas B.L., Asikin-Garmager A., Wolfe S.M. //

Building community engagement and outreach in libraries / ed. By K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 131–144.

References

Building community engagement and outreach in libraries. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – XIX, 163 p.

Carter T.M., Seaman P. The management and support of outreach in academic libraries. *Reference & user services quarterly*. – 2011. – Vol. 51, N 2. – P. 163–171. – DOI: 10.5860/rusq.51n2.163

DiAngelo R. *White fragility: why it's so hard for white people to talk about racism*. – Boston: Beacon press, 2018. – 192 p.

Diversity conversations: enabling libraries to serve new communities / Brannen M., Fernandez P., Mack Th., Roysse M. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 131–163.

Informing the community using data purposefully from peripheral to essential: the evolution of outreach as a core archival function / Rosenthal L., Zabski H., Lawrimore E., Gwynn D., Krim S. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 71–86.

Ippoliti C. Building a library outreach program through community engagement. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 33–48.

Ladd D.L., Hurst E.J., Brewer A. Library community health outreach: the role of the library manager. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 1–32.

Lawrimore E., Gwynn D., Krim S. From peripheral to essential: the evolution of outreach as a core archival function. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 87–102.

Leveraging community connections: project management outreach expertise from health sciences library and community-based organization leaders / Meacham M.E., Nguyen T., Wilson T., Mann A. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 49–70.

Payne D. Sharing the same agenda: the public library and the deaf community. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 103–130.

Rogers B., Robinson E. *The benefits of community engagement: a review of the evidence*. – London: Active citizenship centre, 2004. – 64 p.

Taking health information to the next level: strategic partnerships between nlm and public libraries / Wright A., Thomas B.L., Asikin-Garmager A., Wolfe S.M. *Building community engagement and outreach in libraries*. Ed. by K. Moore Crowe, J. H elouvry. – Bingley: Emerald publishing, 2022. – P. 131–144.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.06

РАРЕНКО А.А.* СОЦИОЛОГИЯ В ЮАР: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ (Обзор)

Аннотация. Точкой отсчета социологии в ЮАР считается 1918 г., когда социология в стране оформилась как отдельная дисциплина; в 1943 г. в стране был открыт первый социологический факультет. В 1996–1997 гг. в стране насчитывалось около 30 социологических факультетов. В настоящее время социология на африканском континенте переживает довольно сложный период. Основная проблема современной африканской социологии, в частности южноафриканской социологии, видится в том, что, заимствуя западные и американские социологические теории, африканские исследователи недостаточным образом адаптируют их под запросы африканского общества, не учитывают особенности своего региона. Зачастую социологические исследования носят чисто теоретический характер. В то же самое время как сами африканские социологи, так и их коллеги из других стран понимают необходимость учитывать историческое прошлое континента, сосредоточить свои усилия на тех темах, которые наиболее близки именно данному региону и актуальны для него.

Можно отметить стабильно растущий интерес к социологии как междисциплинарному полю исследований, а также увеличение числа профессиональных социологов, о чем свидетельствует, в частности, количество публикаций в издаваемых в ЮАР специальных социологических журналах. Хотя при этом происходит сокращение количества социологических факультетов, что стало следствием объединения некоторых университетов в стране.

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrejj97@rambler.ru

Ключевые слова: социология; Южно-Африканская республика (ЮАР); Африка; африканский континент; колониализм; регионализм; ориентализм; неоориентализм; социологические исследования.

Для цитирования: Раренко А.А. Социология в ЮАР: проблемы, задачи, перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 62–72. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.06

Статья поступила: 12.10.2025.

Принята к публикации: 25.10.2025.

RARENKO A.A. ** Sociology in South Africa: issues, objectives, prospects (Literature review)

Abstract. 1918 is considered to be the beginning of sociology in South Africa, when sociology in the country was established as a separate discipline; in 1943, the first Faculty of Sociology was opened in the country. In 1996–1997, there were about 30 sociology faculties. Currently, sociology on the African continent is going through a rather difficult period. The main problem of modern African sociology, in particular, South African sociology, is that, borrowing Western and American sociological theories, African researchers insufficiently adapt them to the needs of African society, do not take into account the peculiarities of their region. Sociological research is often purely theoretical in nature. At the same time, both African sociologists and their colleagues from other countries understand the need to take into account the historical past of the continent, to focus their efforts on those topics that are closest to this particular region and relevant to it.

At present there is a steadily growing interest in sociology as an interdisciplinary field of research, as well as an increase in the number of professional sociologists (working both full and part-time), as evidenced, in particular, by publications in specialized sociological journals published in South Africa, despite the reduction in the number of sociology faculties, which resulted from the unification of some universities in the country.

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrejj97@rambler.ru

Keywords: sociology; Republic of South Africa (South Africa); Africa; African continent; colonialism; regionalism; orientalism; neo-orientalism; sociological research.

For citation: Rarenko A.A. Sociology in South Africa: issues, objectives, prospects (Literature review). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 62–72. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.06

Received: 12.10.2025.

Accepted: 25.10.2025.

Социология в Южно-Африканской республике (ЮАР) имеет долгое и разнообразное прошлое. За почти столетний период она прошла несколько этапов. На становление социологии в ЮАР, как и на вектор ее развития, оказали влияние различные факторы – как внешние, так и внутренние. Она прошла путь от критической к профессиональной социологии, а затем от политической к публичной социологии (более подробно см.: [Burawoy, 2004; Webster, 2004]). При этом южноафриканская социология не может быть строго ограничена какой-либо одной из этих категорий ни на одном из ее этапов. Началом социологии в ЮАР считается 1918 г., когда социология в стране оформилась как отдельная дисциплина; в 1943 г. был открыт первый самостоятельный (независимый) социологический факультет в ЮАР. В 1996–1997 гг. в стране насчитывалось около 30 социологических факультетов [Crothers, 1997], которые в настоящее время сократились примерно наполовину после слияния некоторых университетов. Социология стала преподаваться во многих университетах страны; университетские социологи своими исследованиями внесли значительный вклад в ее развитие. По состоянию на июнь 2013 г. в стране насчитывалось 212 социологов, представляющих университеты, правительственные ведомства и другие отрасли, что в целом отражает стабильное увеличение специалистов в этой области: 168 – в 1995 г., 110 – в 2000 г. и 88 – в 2005 г., 89 – в 2006 г., 126 – в 2007 г., 160 – в 2008 г. и в 2012 г. – уже 176 [Maradimeng, 2009]. В стране на постоянной основе издаются несколько специальных журналов, наиболее авторитетным и старым из которых считается *South African Review of Sociology (SARS)*, являющийся в то же время официальным журналом Южно-Африканской социологической ассоциации (SASA). В журнале активно публикуют результаты своих исследо-

ваний южноафриканские социологи, на их долю приходится в среднем около 60% публикаций журнала [Soogyamoorthy, 2015].

Как показывает анализ представленных в *South African Review of Sociology* публикаций, в период с 1980 по 1989 г. основное внимание социологи уделяли теоретическим и методологическим проблемам [Soogyamoorthy, 2015]. Большинство опубликованных тогда статей носит теоретический характер, в то время как материалов, основанных на первичных качественных / количественных данных, значительно меньше. Что касается соотношения южноафриканских авторов и социологов из других стран, то, судя по имеющимся данным, в период с 1997 по 2006 г., процентная доля африканцев, индийцев и других темнокожих авторов составляла 36% в 2000 г. и около четверти в последующие годы, при этом самый низкий процент темнокожих авторов был зафиксирован в 1998 г. (11%) [ibid.]. В журнале публиковались в основном белые авторы (78% всех публикаций). На втором месте – темнокожие африканские авторы, их доля составляет 10% от общего числа. Начиная с 2004 г. количество публикаций белых ученых сократилось примерно на девять процентных пунктов. Средняя доля женщин-социологов в ЮАР в период с 1997 по 2006 г. составляла 44%; самая высокая доля женщин-авторов зафиксирована в 2001 г. (56%), а самая низкая – в 2006 г. (25%) [ibid.]. Отмечается, что приблизительно с 2004 г. упрочились позиции индийских исследователей как соавторов публикаций в *SARS*. Более 90% первых и вторых авторов всех публикаций были аффилированы с университетами или другими высшими учебными заведениями, доля исследовательских институтов как для первых, так и для вторых авторов колебалась в пределах 5–6% [ibid.].

Анализ тематики статей в журнале позволил выявить основные сферы интересов южноафриканских социологов и исследователей из других стран, изучающих южноафриканское общество и публикующихся в *SARS*. Всего было зафиксировано 72 темы, как то: «здравоохранение», «труд», «занятость», «производственные исследования», «преступность», «насилие», «семья», «гендер», «сексуальность», «идентичность», «социология и общественные науки» и др. В разные годы фокус внимания социологов смещался то в одну, то в другую сторону, т.е. говорить об устойчивом внимании авторов к каким-либо конкретным темам нельзя. В то же время эксперты отмечают снижение числа публикаций о ВИЧ / СПИДе и сексуальном здоровье (приблизительно на четверть в период с 2004 по 2006 г. по сравнению с периодом 1995–2003 гг.)

и увеличение числа публикаций о гендере, сексуальности и идентичности в девять раз; объем социологических исследований в области труда, занятости и производственных отношений, а также материалов, посвященных апартеиду и примирению, сократился почти вдвое. Меньше всего публикаций в журнале было представлено по таким темам, как профессиональная социология, миграция, наука, сельское хозяйство, предпринимательство и лидерство.

Темы, которые в большей степени интересовали африканских авторов, – это «ВИЧ/СПИД и сексуальное поведение», а также «социология и общественные науки» (11% и 12% от общего числа их статей соответственно). Несколько меньший интерес вызывали исследования труда (9%), семьи, брака и демографии (7%), гендера, сексуальности и идентичности (7%), а также государственного управления и демократии (7%), социального развития (7%). Почти не привлекали внимания темнокожих африканских ученых темы расы (3%), политических взглядов (1%), классовых отношений (1%), идеологии (1%), занятости и миграция (1%) [Sooryamoorthy, 2015].

Что касается сопоставления гендерной принадлежности авторов и тематики их исследований, то можно сделать вывод о том, что для авторов-мужчин предпочтительны исследования в области теории и истории социологии и общественных наук (12%), проблем ВИЧ/СПИДа, сексуального поведения, общественного мнения, здравоохранения (11%); они также изучают темы труда (9%), развития (7%), гендера, сексуальности и идентичности (7%), преступности (7%), государственного управления, демократии и военного дела (7%), семьи, брака и демографии (7%), не проявляя особого интереса к вопросам миграции, науки, коммуникации и политическим исследованиям. В то же время женщин-авторов привлекают проблемы, связанные с ВИЧ/СПИДом, сексуальным поведением и общественным здравоохранением (11%), развитием социологии и общественных наук (11%), а также вопросы труда (9%), гендерных, брачно-семейных отношений и демографии (7%), социального развития (7%), преступности (7%), государственного управления, демократии и военных наук (7%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что гендерной сегрегации при выборе тем исследований, по крайней мере, в основных исследовательских областях, в социологическом сообществе ЮАР не наблюдается. Большинство авторов, опубликовавших статьи в журнале в период с 1995 по 2012 г., были связаны с университетами и образовательными учреждениями, причем среди аффилиаций авторов

наиболее выделяются два университета ЮАР – Университет Квазулу-Натал и Университет Витватерсранда: авторы около 10% публикаций аффилированы именно с этими организациями [Sootamoorthy, 2015].

Заметно, что темнокожие социологи в целом занимаются темами, которые имеют непосредственное отношение к южноафриканскому региону, в то же время некоторые данные по тематике социологических исследований в ЮАР свидетельствуют, что социологи ЮАР (темнокожие и белые) нередко поддаются «модным» тенденциям, обращаясь к так называемым «трендовым» темам исследований, несмотря на то, что для региона эти темы не являются актуальными. Так, с 2004 г. отмечается сокращение количества статей, в которых исследуются социологические аспекты заболевания ВИЧ/СПИДом в более чем 3 раза, несмотря на то что заболеваемость среди населения ЮАР за этот период не снизилась. Похожая тенденция прослеживается и в исследованиях труда и промышленности: с 2004 г. доля статей на эту тему сократилась в 1,7 раза по сравнению с данными 1996–1997 гг. Помимо проблемы ВИЧ/СПИДа, важными для ЮАР исследовательскими направлениями являются вопросы бедности, неравенства, демократии, безработицы, жилищные проблемы, исследования, связанные с насилием в семье, детством и взрослением (более подробно см.: [Alexander, 2004]). Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой демографической социологией интересуются социологи, исторически связанные с «черными» университетами, в то время как темы расовой, этнической принадлежности и промышленной социологии больше привлекают внимание представителей «белых» университетов. Университеты, преподавание в которых ведется в основном на африкаанс, как правило, проводят исследования в области демографии и криминологии [Crothers, 1997].

Некоторые эксперты полагают, что социологам ЮАР следует развивать собственные научные школы, учитывая проблемы, актуальные прежде всего для своего региона. Для этого они призывают сформировать «новую» социальную науку эпохи постапартеида, которая в числе прочего опиралась бы на имеющиеся в стране исследовательские наработки [Burawoy, 2004; Burawoy in Africa, 2024]. Отчасти сложившаяся ситуация объясняется тем, что южноафриканские социологи предпочитают работать в тех областях, где есть возможности, ресурсы, фонды и потенциал для публикаций. Их предпочтения не всегда соответствуют требованиям общества в данный момент. Более того, социологи предпочитают

работать самостоятельно, не объединяясь в группы и не создавая коллективы, в то время как исследовательские коллаборации могли бы помочь социологам более эффективно реагировать на текущие проблемы и вносить собственный вклад в их решение [Soogaamoorthy, 2015].

Преобладание в южноафриканской социологии тем, не отвечающих запросам южноафриканского общества, объясняется еще и недостаточным интересом современного мира к проблемам Африки в целом. Это, например, было заметно на Всемирном социологическом конгрессе, состоявшемся в Монреале в августе 1998 г., в работе которого приняли участие более 5000 делегатов из разных стран, но только 66 из них были африканцами (около 40 были из ЮАР). Из многочисленных сессий конгресса ни одна не была посвящена насилию, геноциду или войне – темам, весьма актуальным для ЮАР (см., например: [Hendricks, 2000]). В связи с этим справедливым представляется призыв к коллегам некоторых африканистов-обществоведов о необходимости служить национальным интересам страны и континента [Hendricks, 2000].

Современных социологов, занимающихся проблемами африканского континента, беспокоит снижение как количества, так и качества исследований, проводимых в Африке. Они отмечают, что в некоторых африканских странах стипендии в области социальных наук фактически отсутствуют, в то время как в других странах, в частности в ЮАР, наблюдается массовый отток социологов из академических центров в государственные органы власти или в консалтинговые компании [Hendricks, 2000]. Многие нигерийские социологи вынуждены оставлять научную карьеру, чтобы обеспечить приемлемый уровень жизни себе и своим близким. Многие библиотеки ЮАР не имеют возможности заказывать свежие журналы и новейшие книги. Кроме того, по словам специалистов, африканским социологам зачастую не хватает участия в интеллектуальных дискуссиях с коллегами [ibid.].

Негативным образом на развитие африканской социологии также влияет сложившийся и закрепившийся в мире стереотип об африканцах как о людях, нуждающихся в развитии и помощи, не очень способных к самостоятельному творчеству. В то же время, по мнению самих африканских социологов, африканцы были в состоянии преодолеть последствия рабства и колониализма, взяв на себя ответственность за собственное развитие, следовательно, в их силах самостоятельно определять цели и приоритеты африканской социологии [Hendricks, 2000].

Некоторые социологи предлагают создать афроцентричную модель социологии, т.е. выработать такую методологическую и теоретическую основу, с помощью которой можно понять социальные, политические и экономические проблемы африканских обществ [Keskin, 2012]. По мнению экспертов, при разработке такой модели социологии нужно учитывать концепции колониализма и ориентализма, поскольку они имеют отношение к реалиям африканского социума (более подробно см.: [Said, 1994; Keskin, 2012]). Сильной стороной нового социологического подхода может стать его способность учитывать наследие колониализма и его политические и социальные последствия, а также текущую социально-экономическую и политическую динамику, обусловленную этими ранее сложившимися обстоятельствами жизни [Keskin, 2012].

Э. Саид описывает ориентализм как процесс продолжающегося колониализма на Ближнем Востоке, осуществляемый евроцентристскими и западными политическими кругами [Said, 1994]. В своей книге Саид утверждает, что идея ориентализма создает разделение между Востоком и Западом и порождает враждебность между западными и восточными религиями, культурами и образом жизни. По мнению Саида, ориентализм – это скрытый подход, который до сих пор влияет на культуру, науку и институты африканских стран, а идеи империализма и колониализма живы в современном мире [Said, 1994].

Стоит вспомнить оду Р. Киплинга «Бремя белого человека» (1899), в которой он пишет о праве и обязанности белого человека «цивилизировать» (или «улучшать») туземцев, помогая им стать более похожими на европейцев [Kipling, 1899]. Некоторые интеллектуалы полагают, что эта точка зрения в течение многих лет служила для оправдания целей империалистических держав и действовала под видом предполагаемой «моральной выгоды» для покоренных народов. Согласно распространенному мнению, колонизованные народы должны получать образование, а их история должна писаться в соответствии с евроцентристской образовательной системой. Однако, как считают социологи, чтобы лучше понять Африку, важно изучить и применить постколониальные теории и внимательнее изучать работы таких ученых, как Ф. Фанон [Fanon, 1963; Fanon, 1967], Э. Саид [Said, 1994], Э. Сезер [Cesaire, 1972] и др.

В книге социолога К.А. Аппиа «Неоколониализация» показано, что ориентализм проявляется в образовательных учреждении

ях, в том числе в постколониальную эпоху [Appiah, 1992]. Исследователь отмечает, что большинство африканцев хотят изучать английский, французский или португальский, а не свои родные языки; по его мнению, этот тренд не менее разрушителен для местных культур Африки, чем рабство. Социолог рассматривает ориентализм как процесс неокolonизации африканского континента [Appiah, 1992]. Саид и Аппиа также утверждают, что новая, так называемая современная, образовательная система продолжает разрушать местные культуры и языки. В ее «координатах» коренной житель рассматривается как дикарь, а родной язык и культура воспринимаются как отсталые или слишком традиционные.

Э. Сезар описывает Европу как центр цивилизации. Европа долгое время воспринималась как центр прав человека, демократии, свободы слова и, самое главное, центр современности. Эта точка зрения на цивилизацию возникла из этноцентричного взгляда на Европу [Cesaïre, 1972]. В этих условиях современным африканским обществоведам необходимо развивать собственные научные подходы, постулирующие основы того, что значит быть уроженцем Африки с опорой на местные культуру и традиции.

В то же время, по словам африканских обществоведов, африканистика как современное междисциплинарное поле исследований может (и должна) изучаться в том числе людьми африканского происхождения, независимо от того, живут ли они в Африке или за ее пределами [Asante, 2003].

Наконец, из новейших исследований по теме обзора стоит отметить недавно вышедший Оксфордский хэндбук по социологии Африки – глубоко фундированный научный труд, собравший работы ведущих социологов африканского континента [The Oxford handbook ..., 2023]. В этом справочнике представлены результаты новейших исследований, проведенных ведущими социологами стран Африки с опорой на реалии африканского социума. Авторами хэндбука предпринята попытка продемонстрировать афроцентричный подход в современной африканской социологии.

В заключение следует отметить, что в последние несколько десятилетий социология на африканском континенте переживает, с одной стороны, рост, а с другой – характеризуется отсутствием интереса к реальным проблемам местных сообществ, что может объясняться как внутренними (сугубо профессиональными), так и внешними (политическими, финансовыми и пр.) причинами. С призывом о необходимости адаптировать западные социологические теории к актуальным проблемам африканского социума

выступают как социологи, работающие в африканских университетах, так и африканисты, живущие и работающие за пределами африканских стран. В то же время, несмотря на перечисленные выше трудности, африканские социологи (включая специалистов из ЮАР) достаточно оптимистично настроены в отношении перспектив развития современной африканской социологии.

Список литературы

- Alexander P.* The National Research Foundation and priorities for critical research // *Society in transition*. – 2004. – Vol. 35, N 2. – P. 319–327.
- Appiah K.A.* In my father's house: Africa in the philosophy of culture. – New York: Oxford university press, 1992. – 256 p.
- Asante M.K.* The Afro-centric idea in education / Ed. by J.L., Jr Conyers // *Afro-centricity and the Academy: essays on theory and practice*. – Jefferson: McFarland, 2003. – P. 37–49.
- Burawoy in Africa: The Influence of Southern Africa on the Sociology of Michael Burawoy // *Critical sociology*. – 2024. – Vol. 50, N 6. – P. 981–989.
- Burawoy M.* Public sociology: South African dilemmas in a global context // *Society in transition*. – 2004. – Vol. 35, N 1. – P. 11–26.
- Cesaire A.* Discourse on colonialism. – New York: Monthly review press, 1972. – 102 p.
- Crothers C.* South African sociology departments in 1996/7. *Society in transition*. – 1997. – Vol. 28, N 1/4. – P. 137–140.
- Fanon F.* Toward the African Revolution. – New York: Monthly review press, 1967. – 212 p.
- Fanon F.* The wretched of the Earth. – New York: Grove publishers, 1963. – 251 p.
- Hendricks F.* The future of sociology: an African view // *Sociological research online*. – 2000. – Vol. 4, N 4. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.402?utm_source=researchgate.net&utm_medium=article (accessed 10.10.2025)
- Keskin T.* Sociology of Africa: a non-orientalist approach to African, Africana, and black studies // *Critical sociology*. – 2012. – Vol. 40, N 2. – P. 187–202.
- Kipling R.* The white man's burden. – Modern history sourcebook, Fordham university, 1899. – URL: <http://www.fordham.edu/halsall/mod/kipling.asp>
- Mapadimeng S.* The South African sociology, current challenges and future implications: a review and some empirical evidence from the 2007 National Survey of sociology departments // ISA Conference of the Council of National Associations, Taipei, Taiwan, March 2009. – URL: www.ios.sinica.edu.tw/cna/download/3b_Mapadimeng_2.pdf
- Said E.* Orientalism. – New York: Vintage, 1994. – 368 p.
- Sooryamoorthy R.* Sociological research in South Africa: post-apartheid trends // *International sociology reviews*. – 2015. – Vol. 30, N 2. – P. 119–133.
- The Oxford handbook of the sociology of Africa / ed. by R. Sooryamoorthy, N.E. Khalema. – Oxford: Oxford university press, 2023. – 584 p.

Webster E. Sociology in South Africa: its past, present and future // Society in transition. – 2004. – Vol 35, N 1. – P. 27–41.

References

Alexander P. The National Research Foundation and priorities for critical research. *Society in transition*. – 2004. – Vol. 35, N 2. – P. 319–327.

Appiah K.A. *In my father's house: Africa in the philosophy of culture*. – New York: Oxford university press, 1992. – 256 p.

Asante M.K. The Afro-centric idea in education. Ed. by J.L., Jr Conyers. *Afrocentricity and the Academy: essays on theory and practice*. – Jefferson: McFarland, 2003. – P. 37–49.

Burawoy in Africa: the influence of Southern Africa on the sociology of Michael Burawoy. *Critical sociology*. – 2024. – Vol. 50, N 6. – P. 981–989.

Burawoy M. Public sociology: South African dilemmas in a global context. *Society in transition*. – 2004. – Vol. 35, N 1. – P. 11–26.

Cesaire A. *Discourse on colonialism*. – New York: Monthly review press, 1972. – 102 p.

Crothers C. South African sociology departments in 1996/7. *Society in transition*. – 1997. – Vol. 28, N 1–4. – P. 137–140.

Fanon F. *Toward the African revolution*. – New York: Monthly review press, 1967. – 212 p.

Fanon F. *The wretched of the Earth*. – New York: Grove publishers, 1963. – 251 p.

Hendricks F. The future of sociology: an African view. *Sociological research online*. – 2000. – Vol. 4, N 4. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.402?utm_source=researchgate.net&utm_medium=article (accessed 10.10.2025)

Keskin T. Sociology of Africa: a non-orientalist approach to African, Africana, and black studies. *Critical sociology*. – 2014. – Vol. 40, N 2. – P. 187–202.

Kipling R. The white man's burden. – Modern history sourcebook, Fordham university, 1899. – URL: <http://www.fordham.edu/halsall/mod/kipling.asp>

Mapadimeng S. The South African sociology, current challenges and future implications: a review and some empirical evidence from the 2007 National Survey of sociology departments. *ISA Conference of the Council of National Associations, Taipei, Taiwan, March 2009*. – URL: www.ios.sinica.edu.tw/cna/download/3b_Mapadimeng_2.pdf

Said E. *Orientalism*. – New York: Vintage, 1994. – 368 p.

Sooryamoorthy R. Sociological research in South Africa: post-apartheid trends. *International sociology reviews*. – 2015. – Vol. 30, N 2. – P. 119–133.

The Oxford handbook of the sociology of Africa. Ed. by R. Sooryamoorthy, N.E. Khalema. – Oxford: Oxford university press, 2023. – 584 p.

Webster E. Sociology in South Africa: its past, present and future. *Society in transition*. – 2004. – Vol 35, N 1. – P. 27–41.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 316.2; 316.48

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.07

ДОЛГОВ А.Ю.* НА ПУТИ К БИОЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ:
«ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема внедрения новых биотехнологий и социальной адаптации к ним в контексте цифровизации и генетизации. Особое внимание уделяется взаимодействию людей с генетическими и цифровыми технологиями, а также формированию биоцифровой культуры, возникающей на стыке научного знания, повседневности и цифровых медиа. Подчеркивается, что успешность внедрения инноваций зависит не только от уровня технического развития как такового, но и от социального восприятия и повседневных практик. Рассматриваются представления россиян о технологиях будущего, их отношение к генетическим тестам и редактированию генома, а также вовлеченность граждан в популяризацию и интерпретацию научного знания через цифровые медиа. На примере опыта людей с имплантируемыми устройствами демонстрируется, как технологии становятся частью телесности и идентичности. В статье поднимается вопрос о необходимости создания новых концептуальных рамок для описания трансформаций, связанных с формированием биоцифровой культуры и биоцифровой повседневности.

Ключевые слова: генетические технологии; цифровые медиа; биоцифровая культура; биоцифровая повседневность.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01225, <https://rscf.ru/project/23-78-01225/>

Для цитирования: Долгов А.Ю. На пути к биоцифровой культуре: «технологии будущего» в повседневной жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 73–85. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.07

Статья поступила: 22.04.2025.

Принята к публикации: 10.05.2025.

DOLGOV A.Yu. ** Towards a biodigital culture: “technologies of the future” in everyday life

Abstract. The article discusses the issue of the implementation of new biotechnologies and social adaptation to them in the context of digitalization and genetization. Particular attention is paid to the interaction of people with genetic and digital technologies, as well as the formation of a biodigital culture emerging at the intersection of science, digital media, and everyday life. It is emphasized that the success of innovations depends not only on the level of technical development per se, but also on social perception and daily practices. The paper examines the views of Russians on “technologies of the future”, their attitudes towards genetic tests and genome editing, and citizens' involvement in the popularization and interpretation of scientific knowledge through digital media. Using the experience of people with implantable devices as an example, it demonstrates how technology becomes part of corporeality and identity. The article raises the question of the need for a new conceptual framework to describe the transformations associated with the formation of biodigital culture and biodigital everyday life.

Keywords: genetic technologies; digital media; biodigital culture; biodigital everyday life.

For citation: Dolgov A.Yu. Towards a biodigital culture: “technologies of the future” in everyday life. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 73–85. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.07

Received: 22.04.2025.

Accepted: 10.05.2025.

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics»; dolgovalexandr@yandex.ru

Введение

Россия, как и другие страны, стремящиеся к научно-технологическому лидерству и суверенитету, сталкивается с необходимостью выработать пути последовательного и безопасного внедрения новых технологий во все сферы жизни. Стратегические аспекты успешного научно-технологического развития так или иначе упираются в необходимость обеспечить адаптацию общества к инновациям. Критически важно понимать, как именно происходит их имплементация и «акклиматизация» людей к новым технологиям, поскольку реальные социальные практики, возникающие в повседневной жизни, иногда могут сильно отличаться от тех ожиданий, которые вкладывают в свои разработки ученые, инженеры, бизнес-сообщество. Иными словами, успешность внедрения инноваций зависит от отношения людей к ним. Отсюда возникают различные социотехнические и этические риски, которые необходимо исследовать и понимать во избежание возникновения уязвимостей и кризисов на различных уровнях социальной жизни.

В последние годы активно обсуждается внедрение в повседневное использование «технологий будущего». К их числу, по данным опроса ВЦИОМ 2024 г., россияне относят в первую очередь технологии на основе искусственного интеллекта, роботов, медицинские и биоинженерные технологии [Технологии будущего ..., 2024]. И хотя от таких технологий ожидают заметного влияния на трансформацию социальных взаимодействий и социальных отношений, они еще только внедряются в повседневную жизнь. Новые технологии затрагивают изменения в телесности, здоровье, когнитивных способностях людей, социальных взаимодействиях и отношениях, но мы пока очень мало знаем о конкретных практиках их использования, смысловых паттернах, формирующихся вокруг них, и об ожиданиях от их применения, связанных в том числе с возможными рисками, ограничениями и этическими дилеммами. Изучение этих процессов имеет не только фундаментальное, но и прикладное значение, поскольку так можно прояснить вопрос потенциальных барьеров и «ускорителей» внедрения инноваций.

Хотя сегодня больше внимания уделяется технологиям на основе искусственного интеллекта, можно выделить не менее значимый тренд, который связан с вызовами цифровизации и «генетизации» [Lippman, 1991], на пересечении которых возникает множество новых неизученных социальных эффектов. Традиционный взгляд на трансфер научного знания предполагает его доволь-

но односложную централизованную передачу «сверху вниз» и ограниченное число участников – посредников этого процесса (медиа). Но сегодня в условиях широкой распространенности социальных сетей в этом процессе участвует множество акторов, включая обычных граждан, которые, пользуясь доступностью Интернета, тоже могут создавать популярные непрофессиональные представления о генетике и генетических технологиях, тем самым способствуя или, наоборот, препятствуя внедрению инноваций в экономику, медицину, повседневную жизнь. Исследователи подчеркивают, что представления о генетике конструируются различными, иногда конфликтующими социальными акторами [Кегг, 2004, р. 162–163]. Таким образом, существует потребность в смене исследовательской оптики, которая должна учитывать обывательские репрезентации генетики, возникающие в социальных медиа. Чтобы разобраться с этими репрезентациями, необходимо обращать внимание на то, как люди интерпретируют и обсуждают генетическую информацию в онлайн-среде, как они взаимодействуют в Интернете для поиска и объяснения сложной научно-технической информации, касающейся их тела, здоровья, идентичности и родства, как на основе этого взаимодействия возникает биоцифровая культура со своими нормами, практиками и смыслами. Ответы на эти вопросы позволят прояснить специфику сегодняшнего этапа биотехнологической и цифровой трансформации российского общества.

Отношение россиян к генетическим технологиям и непрофессиональные представления о генетике в социальных медиа

Как уже было отмечено выше, успешность внедрения инноваций зависит от отношения людей к ним. В целом, как показывают опросы общественного мнения, в России существует заметный интерес к возможностям генетических технологий и позитивное отношение к их использованию в медицине для лечения конкретных заболеваний. Однако важным принципом остается соблюдение принципа невмешательства в те области, которые считаются запретными и опасными, нарушающими сакральные границы телесности и «естественного порядка» [Войнилов, Полякова, 2016]. Нетрудно догадаться, что наиболее остро воспринимается вопрос применения генетического редактирования.

Согласно опросу ВЦИОМ об отношении людей к технологиям будущего (16 апреля 2024 г.), значимая часть ожиданий россиян обращена к медицинским и биоинженерным технологиям – 39% респондентов отметили их положительные эффекты для человечества (к ним отнесены улучшение медицины / биопротезирование – 29%, долголетие / здоровье людей – 10%) [Технологии будущего ..., 2024]. «Генетика» также упоминается респондентами в числе областей будущих технологий, от которых ожидаются новые значимые разработки [Технологии будущего, 2023]. Согласно результатам другого опроса ВЦИОМ (2 сентября 2021 г.), 55% россиян считают, что технологии редактирования генома человека принесут больше вреда, чем пользы, обратного мнения придерживаются 19%, 26% – затруднились ответить [Изменение генома ..., 2021]. Те, кто ответил «больше вреда», полагают, что нельзя вмешиваться в природу (33%), это приведет к плохим последствиям (14%), это нарушение законов мироздания (10%), все должно быть естественно (9%), неизвестно, как это отразится на следующем поколении (6%), и наука пока не готова к редактированию генома (6%). Те, кто видят в редактировании генома больше пользы, чем вреда, считают, что это позволит лечить болезни (45%), можно будет улучшить человека (10%), они верят в науку (7%), считают, что так будет меньше больных детей и что лечить болезни можно будет на эмбриональной стадии (6%), что все новое – это хорошо, прогресс ведет к улучшению (6%). 47% респондентов полагают, что допустимо редактировать геном человека для избавления от наследственных генетических заболеваний, 36% не согласны с этим. При этом 49% опрошенных считают, что редактировать геном для улучшения рода и получения здоровых и талантливых детей скорее недопустимо, а 34% ответили, что скорее допустимо [там же].

Вовлечение широкой публики, благодаря доступности цифровых медиа, в обсуждение генетических технологий позволяет исследователям говорить о возникновении новых «коммуникаторов гражданской науки» (*citizen science communicators*), из-за чего в целом трансформируется участие общества в научной коммуникации [Yang, 2022]. Последствия конвергенции генетических и цифровых технологий исследователи называют «биоцифровой» культурой [O’Riordan, 2013] или «кибергенетикой» [Harris, Kelly, Wyatt, 2016]. Философско-антропологический взгляд на этот феномен исходит из необходимости осмысления перехода человечества к качественно новому состоянию – биотехническому существова-

нию [Lindberg, 2023]. В рамках такого понимания существование возможно только в технологических условиях, техника здесь не просто инструмент, но и необходимое условие жизни и ее форм [ibid.].

С одной стороны, из этого следует, что при анализе биотехнических инноваций всегда необходимо учитывать политико-социальный контекст и видеть в использовании технологий не только индивидуальный выбор, но и коллективные аспекты принятия решений. С другой стороны, будущее биотехнологий связано не только с приращением научных знаний в биологических дисциплинах и открытиями в этой области, но и с популяризацией технологий цифровой визуализации, а также с медиатизированным знанием обычных пользователей, с помощью которых инновации становятся повседневными.

Благодаря коммерциализации генетических технологий, сегодня любой человек может через Интернет свободно заказать и получить услуги по анализу своей ДНК. Реклама одной из российских фирм, предоставляющих услуги по проведению генетических тестов, гласит: «Узнайте все о вашем происхождении, генетических особенностях здоровья и талантах. Вы найдете родственников и получите рекомендации от наших врачей: как снизить риски заболеваний, сбалансировать диету и улучшить качество жизни»¹. Последние несколько лет сфера потребительского генетического тестирования (*direct-to-consumer genetic testing*) активно развивается в России, следуя за общемировыми трендами коммерциализации генетических услуг.

Кейт О'Риордан, рассматривая феномен биоцифровой публичности как нового типа цифровой публичности, отмечает, что данные о геномах, полученные с помощью потребительского генетического тестирования, стали использоваться не только как медицинская информация, но и как цифровые тексты, которые теперь свободно распространяются через Интернет, интерпретируются, становятся предметом онлайн-дискуссий (в блогах, форумах, комментариях и т.д.) [O'Riordan, 2013].

О'Риордан приходит к выводу о том, что данные о геномах выполняют перформативные функции: они создают, оформляют и регулируют биоцифровую публику. Парадокс биоцифровизации состоит в том, что личные данные становятся массово публичны-

¹ См. информацию на сайте компании «Генотек». – URL: <https://www.genotek.ru/genetics/genome/> (дата обращения: 10.04.2025).

ми и коммерциализируемыми [O’Riordan, 2013]. В конечном итоге биоцифровизация предоставляет как возможности для более свободной критики и переосмысления биомедицинской власти, так и риски усиления цифровых и биологически обусловленных неравенств.

Немаловажно и то, как коммерческие компании, предлагающие услуги ДНК-тестирования, изображают значение генов в человеческой жизни. Проведя анализ метафор потребительского генетического тестирования, представленных на сайтах коммерческих компаний, П. Саукко показала, что гены изображаются там через классическую метафору информации и через большие данные, которые кодируют болезни в их взаимосвязи с образом жизни, чтобы пользователи, получив экспертное знание об этом, смогли компенсировать недостатки своего набора генов с помощью специальных продуктов питания и добавок [Saukko, p. 310]. Исследовательница также отмечает, что преобразование генов в цифровые данные или ресурсы изменило их социальное и экономическое значение – теперь их можно хранить, распространять, обменивать и продавать, и это легитимизирует бизнес-модель коммерческого ДНК-тестирования [ibid.].

Анализ веб-сайтов компаний, предоставляющих коммерческое ДНК-тестирование, также показал, что они изображают гены как детерминирующие категории [Nordgren, Juengst, 2009] и способствуют неолиберальному представлению о здоровье как об индивидуальной ответственности [Harvey, 2010]. Отмечается также, что, с одной стороны, потребительское генетическое тестирование расширяет «технологии самости» в контексте «партиципативного поворота» в здравоохранении, с другой – приводит к усилению биовласти [Гребенщикова, 2020, с. 16–17].

А. Харрис, С. Келли и С. Уайат используют понятие кибергенетики для обозначения конвергенции генетических и цифровых технологий [Harris, Kelly, Wyatt, 2016]. Они описывают «кибергенетику» как новое пространство, в котором переплетаются личные данные, медицина, Интернет и потребительская культура. Эти авторы показывают, как потребительское генетическое тестирование переносит генетическую диагностику из клинической сферы в повседневную жизнь. Производство «кибергенетики», таким образом, это не просто получение биоданных пользователями ДНК-тестов, но и получение опыта, который формирует самовосприятие и идентичность на основе этих данных. Пользовательский опыт при этом неоднозначен, он описывается весьма разнообразно: от

энтузиазма до скепсиса. В итоге мы имеем дело со сложным переплетением доверия / недоверия к генетике, Интернету, компаниям, исследованиям и исследовательским данным [Harris, Kelly, Wyatt, 2016, p. 22]. Доверительные отношения между учеными, бизнесом, властью и обществом, опосредованные через Интернет, как отмечают А. Харрис, С. Келли и С. Уайат, «хрупки и нестабильны» [ibid., p. 25], поэтому от всех участников процесса требуется высокий уровень рефлексии для того, чтобы новые технологии внедрялись в повседневную жизнь, не вызывая социотехнических сбоев.

Техно-органическая гибридность и «Интернет тел» в повседневной жизни

Можно выделить еще один аспект биоцифровой повседневности, в рамках которого техническое / цифровое и биологическое / органическое все теснее переплетаются. Речь идет о повседневной жизни людей, которые стали первопроходцами в адаптации к техно-органической гибридности. Это, например, люди, которые уже сейчас живут с имплантируемыми кардиовертер-дефибрилляторами (ИКД) и соединяют в себе кибернетическое и органическое, т.е. по сути являются киборгами (или «повседневными киборгами», как называет их социолог Дж. Хэддоу [Haddow, 2021]). Их опыт может стать полезным материалом как для решения конкретных медицинских проблем, связанных с вживлением в тело человека технических устройств-имплантатов, так и для научных дискуссий вокруг фундаментальных вопросов, касающихся концептуализации тела и идентичности в условиях их биотехнологических модификаций.

Так, Дж. Хэддоу изучает влияние ИКД на жизнь повседневных киборгов. Она относит ИКД к категории кибернетических систем и определяет их как «системы с замкнутым контуром, которые контролируют аспекты физиологических процессов человека» [Haddow, 2021, p. 113]. Например, ИКД может выявить аритмию, т.е. аномально учащенное сердцебиение, после чего устройство отреагирует серией небольших электрических разрядов («кардиоверсией») для снижения учащенного сердцебиения. Затем ИКД повторно измеряет частоту сердечных сокращений и оценивает, требуется ли более сильный шок для «дефибрилляции» сердца и остановки опасного для жизни ритма [ibid., p. 89]. Известны случаи, когда ИКД как автономное устройство ошибочно направлял электрический разряд в сердце своего носителя. В этом заклю-

чается большая проблема для повседневных киборгов – технологии часто действуют неопределенно и непредсказуемо. Физически близкое к их телу устройство не находится под их контролем, что делает их уязвимыми перед многими рисками. Д. Хэддоу также заостряет внимание на том, что встроенное в тело человека устройство еще не встроено в его повседневную жизнь, поэтому он должен пройти процесс акклиматизации, в ходе которого ИКД, воспринимаемый как чужеродный захватчик, становится частью жизни и тела его носителя [Haddow, 2021, p. 116].

Важный момент заключается в том, что приспособление к гибридности происходит, когда после переживания опыта «присутствия» тела из-за вживления ИКД оно постепенно возвращается в состояние «отсутствия» [ibid., 2021, p. 150–151]. Таким образом, не человек-реципиент становится машиной, а машина очеловечивается; не субъективность изменяется из-за имплантируемой материальности, а кибернетическая технология изменяется при имплантации в тело. Система ИКД вплетается в тело, становится его органичной частью. В такие моменты обладатели имплантов говорят, что ИКД является «частью меня» или «оно позволяет мне быть тем, кто я есть» [ibid., p. 152–153].

Д. Хэддоу полагает, что жизнь с техническим устройством в теле требует корректировки идентичности, признания того, что ИКД не является чужеродным и может стать частью человека, что в итоге позволяет комфортно сосуществовать с кибернетической системой. Киборгизация происходит в двух направлениях: она меняет субъективность на одном уровне, создавая у людей потребность пройти успешный процесс «акклиматизации», необходимый для того, чтобы стать киборгом, но на другом уровне она создает зависимость от биотехнологических улучшений [Haddow, 2021, p. 166].

Исследователи из ВЦИОМа в своем экспертно-аналитическом докладе предлагают сфокусироваться на новом феномене – «Интернете тел» (*Internet of bodies, IoB*) [Интернет тел, 2025]. Они отмечают, что эта «концепция предполагает цифровую интеграцию человеческого тела в информационные сети посредством носимых, имплантируемых и иным образом сопряженных с телом устройств» [там же, с. 6]. К числу устройств *IoB*, кроме упомянутых уже ИКД, например относятся восстанавливающие слух кохлеарные имплантаты, имплантаты для глубокой стимуляции мозга (*Deep brain stimulation*; применяются при лечении болезни Паркинсона), имплантируемые чипы, умные браслеты и т.д.

Помимо ожидаемой пользы, массовое использование подобных устройств в будущем сопряжено со множеством опасностей, к которым в первую очередь относятся высокие риски технологического неравенства, киберпреступности и нарушения свободы личности [Интернет тел, 2025, с. 50]. Для минимизации социотехнических рисков и для эффективного использования потенциала новых технологий авторы доклада предлагают «выстраивать долгосрочную стратегию развития “интернета тел”, консолидировать усилия и ресурсы государственных игроков, крупных отечественных технологических компаний и экспертного сообщества» [там же, с. 5], а также осуществлять «кросскультурное и трансдисциплинарное изучение факторов социального принятия технологических инноваций и регулярный мониторинг отношения общественности к технологиям “интернета тел”» [там же, с. 45].

Заключение

Проблема конвергенции биотехнологий и цифровых технологий в различных научных дисциплинах имеет множество концептуальных оттенков и теоретических описаний – через такие понятия, как «биоцифровизация», «кибергенетика», «Интернет тел», «биотехническое существование» и т.д. Более емким и точным в этом ряду, на наш взгляд, остается понятие «биоцифровое», которое можно использовать на разных уровнях социального анализа (повседневном, институциональном, культурном). Так, биоцифровую культуру можно рассматривать как новый тип социокультурного и социотехнического порядка, в котором границы между телесным, технологическим, социокультурным становятся проницаемыми и взаимозависимыми.

В рамках социологических исследований феномен биоцифровой культуры имеет два основных измерения. Во-первых, это уровень коллективных представлений о биологических основаниях человеческой жизни (при этом необходимо учитывать, что биологические теории, как и технологии, встроены в социальные и политические контексты). В случае с данными о геномах люди, используя цифровые медиа, получают возможность самостоятельно находить способы сочетания обыденного и научного познания, в рамках которых они получают сведения о себе в разрезе биологических данных, данных о происхождении и родословной. Сочетание обыденного и научного познания выражается в том числе в стремлении сравнить известную пользователям информацию о се-

бе и своей семейной истории с результатами ДНК-теста. Цифровые медиа, в свою очередь, дают возможность пользователям рассказать публике о себе и своей семейной истории, но в контексте новых биотехнологий и научных данных, а не просто в форме традиционной автобиографии. Кроме того, любительская генеалогия благодаря цифровым технологиям выходит на новый уровень с точки зрения возможностей граждан пользоваться научными данными. Теперь для поиска родственников и выяснения своего этнического происхождения можно совместно использовать документы из исторических архивов и результаты генетических тестов. Это один из примеров конвергенции технологий, которая осуществляется в повседневных практиках.

Во-вторых, мы имеем дело с уровнем реальных социальных практик. В случае с генетическими технологиями люди встраивают новое полученное знание в свою повседневность – меняют свой образ жизни, питание, отношение к близким, к своей этнической принадлежности и т.д. На этом уровне можно зафиксировать нехватку языков описания стремительного развития и внедрения новых технологий в повседневную жизнь. Необходимо создать новые концептуальные рамки для понимания того, как технологии встроились и продолжают встраиваться в социальную ткань, становясь фундаментом социального порядка, трансформируя при этом идентичность, социальные взаимодействия, отношения, практики, ценности, представления о телесности, этических дилеммах и т.д. Кроме того, при изучении биоцифровизации повседневности необходимо учитывать возникновение уязвимостей человека перед технологиями, включая риски усиления биовласти и цифрового надзора, опасности потери приватности, производства и закрепления новых форм неравенств.

Список литературы

Войнилов Ю., Полякова В. Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. – 2016. – Т. 28, № 1. – С. 185–207.

Гребенищикова Е.Г. Потребительская геномика и генетизация общества: переосмысление идентичности, социальных связей и ответственности // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – С. 13–19. – DOI: 10.31857/S013216250008490-2

Изменение генома человека: за и против: аналитический обзор / ВЦИОМ. – 2021. – 2 сентября. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/izmenenie-genoma-cheloveka-za-i-protiv> (дата обращения: 03.04.2025).

Интернет тел: завтра начинается сегодня! Экспертно-аналитический доклад / ВЦИОМ. – 2025. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_internet_tel.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

Технологии будущего / ВЦИОМ. – 2023. – 16 июня. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 03.04.2025).

Технологии будущего и будущее технологий / ВЦИОМ. – 2024. – 16 апреля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego-i-budushchee-tekhnologii> (дата обращения: 03.04.2025).

Haddow G. Embodiment and everyday cyborgs: technologies that alter subjectivity. – Manchester: Manchester university press, 2021. – XIII, 192 p.

Harris A., Kelly S., Wyatt S. CyberGenetics: health genetics and new media. – New York: Routledge, 2016. – 157 p.

Harvey A. Genetic risks and healthy choices: creating citizen-consumers of genetic services through empowerment and facilitation // *Sociology of health & illness.* – 2010. – Vol. 32, N 3. – P. 365–381. – DOI: 10.1111/j.1467-9566.2009.01202x

Kerr A. Genetics and society: a sociology of disease. – New York: Routledge, 2004. – 197 p.

Lindberg S. From technological humanity to bio-technical existence. – Albany: State university of New York press, 2023. – 356 p.

Lippman A. Prenatal genetic testing and screening: constructing needs and reinforcing inequalities // *American journal of law and medicine.* – 1991. – Vol. 17, N 1/2. – P. 15–50. – DOI: 10.1017/S0098858800007917

Nordgren A., Juengst E.T. Can genomics tell me who I am? Essentialistic rhetoric in direct-to-consumer DNA testing // *New genetics and society.* – 2009. – Vol. 28, N 2. – P. 157–172. – DOI: 10.1080/14636770902901595

O’Riordan K. Biodigital publics: personal genomes as digital media artefacts // *Science as culture.* – 2013. – Vol. 22, N 4. – P. 516–539. – DOI: 10.1080/14636778.2013.764069

Saukko P. Shifting metaphors in direct-to-consumer genetic testing: from genes as information to genes as big data // *New genetics and society.* – 2017. – Vol. 36, N 3. – P. 296–313. – DOI: 10.1080/14636778.2017.1354691

Yang Zh. The new stage of public engagement with science in the digital media environment: citizen science communicators in the discussion of GMOs on Zhihu // *New genetics and society.* – 2022. – Vol. 41, N 2. – P. 116–135.

References

Changing the human genome: for and against: analytical review / ВЦИОМ. – 2021. – September 2. – URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/izmenenie-genoma-cheloveka-za-i-protiv> (accessed: 03.04.2025) (In Russian)

Future technologies / ВЦИОМ. – 2023. – June 16. – URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (accessed: 03.04.2025) (In Russian)

Future technologies and the future of technologies / ВЦИОМ. – 2024 – April 16. – URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego-i-budushchee-tekhnologii> (accessed: 03.04.2025) (In Russian)

**На пути к биоцифровой культуре: «технологии будущего»
в повседневной жизни**

Grebenshchikova E.G. Direct-to-consumer genomics and genetization of society: rethinking identity, social relations and responsibility. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020, N 2. – P. 13–19. – DOI: 10.31857/S013216250008490-2 (In Russian)

Haddow G. *Embodiment and everyday cyborgs: technologies that alter subjectivity*. – Manchester: Manchester university press, 2021. – XIII, 192 p.

Harris A., Kelly S., Wyatt S. *CyberGenetics: health genetics and new media*. – New York: Routledge, 2016. – 157 p.

Harvey A. Genetic risks and healthy choices: creating citizen-consumers of genetic services through empowerment and facilitation. *Sociology of health & illness*. – 2010. – Vol. 32, N 3. – P. 365–381. – DOI: 10.1111/j.1467-9566.2009.01202.x

Internet of bodies: tomorrow starts today! Expert-analytical report / VCIOM. – 2025. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_internet_tel.pdf (accessed: 01.07.2025). (In Russian)

Kerr A. *Genetics and society: a sociology of disease*. – New York: Routledge, 2004. – 197 p.

Lindberg S. *From technological humanity to bio-technical existence*. – Albany: State university of New York press, 2023. – 356 p.

Lippman A. Prenatal genetic testing and screening: constructing needs and reinforcing inequalities. *American journal of law and medicine*. – 1991. – Vol. 17, N 1–2. – P. 15–50. – DOI: 10.1017/S0098858800007917

Nordgren A., Juengst E.T. Can genomics tell me who I am? Essentialistic rhetoric in direct-to-consumer DNA testing. *New genetics and society*. – 2009. – Vol. 28, N 2. – P. 157–172. – DOI: 10.1080/14636770902901595

O’Riordan K. Biodigital publics: personal genomes as digital media artefacts. *Science as culture*. – 2013. – Vol. 22, N 4. – P. 516–539. – DOI: 10.1080/14636778.2013.764069

Saukko P. Shifting metaphors in direct-to-consumer genetic testing: from genes as information to genes as big data. *New genetics and society*. – 2017. – Vol. 36, N 3. – P. 296–313. – DOI: 10.1080/14636778.2017.1354691

Voynilov Yu., Polyakova V. My body is my fortress: public opinion on biomedical technologies. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. – 2016. – Vol. 28, N 1. – P. 185–207. (In Russian)

Yang Zh. The new stage of public engagement with science in the digital media environment: citizen science communicators in the discussion of GMOs on Zhihu. *New genetics and society*. – 2022. – Vol. 41, N 2. – P. 116–135.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

УДК 316.421

Реф. ст.: РОДРИГЕС К., ШМИДТ Х.Й. СОУЧАСТИЕ КРЕАТИВНОГО КЛАССА В БРЕНДИНГЕ ГОРОДА¹

Ключевые слова: территориальный брендинг; городская идентичность; вовлеченность; соучаствующий брендинг; стейкхолдер; креативный класс; креативный город.

Для цитирования: Казакова А.Ю. [Реферат]. Родригес К., Шмидт Х.Й. Соучастие креативного класса в брендинге города // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 86–91. – Реф. ст.: Rodrigues C., Schmidt H.J. How the creative class co-creates a city's brand identity: a qualitative study // Journal of creating value. – 2021. – Vol. 7, N 1. – P. 19–43. – DOI: 10.1177/23949643211010594

Реферат поступил: 11.08.2025.

Принят к публикации: 25.08.2025.

Article summary: RODRIGUES C., SCHMIDT H.J. How the creative class co-creates a city's brand identity: a qualitative study

Keywords: territorial branding; urban identity; engagement; co-branding; stakeholder; creative class.

For citation: Kazakova A.Yu. [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 86–91. – Article summary: Rodrigues C., Schmidt H.J. How the creative class co-creates a city's brand identity: a qualitative study // Journal of creating value. – 2021. – Vol. 7, N 1. – P. 19–43. DOI: 10.1177/23949643211010594

¹ Реферат выполнен по: Rodrigues C., Schmidt H.J. How the creative class co-creates a city's brand identity: a qualitative study // Journal of creating value. – 2021. – Vol. 7, N 1. – P. 19–43. DOI: 10.1177/23949643211010594

Received: 11.08.2025.

Accepted: 25.08.2025.

Введение

В анализе процессов формирования общества знаний, цифровой экономики, сетевого общества теоретически и практически значимым, но при этом плохо изученным является вопрос о «гегемоне» этих процессов и дифференциации вклада в них различных социальных слоев и групп. Один из аспектов данной темы рассматривается в статье «Как креативный класс участвует в создании фирменного стиля города: качественное исследование», недавно опубликованной в *Journal of Creating Value*. Соавторы Кларинда Родригес (доцент Университета Линнеус, Швеция) и Хольгер Й. Шмидт (профессор Кобленцкого университета прикладных наук, Германия) – специалисты в области маркетинга и бизнес-процессов, изучающие социальные технологии в бизнесе, процессы рекрутирования потребителей в бренд-сообщества и эффективность брендинга.

Работа представляет результаты полевого исследования, но дополнительную ценность ей сообщает основательная научно-теоретическая база. Библиография составляет 129 источников за период с 1996 г. по настоящее время, охватывающих такие аспекты темы, как территориальный брендинг и участие горожан в его создании, разновидности локальных брендов, механизмы идентификации с локальными брендами, динамика формирования основанного на идентичности локального бренда и концепция креативного класса. Авторы отмечают, что теоретики и практики брендинга в последние годы перешли от статической концепции бренда как набора позитивно окрашенных смыслов и ассоциаций к динамической концепции интерактивных форм соучастия, которая предполагает непрерывный диалог между стейкхолдерами, менеджерами, потребителями. Утверждается, что соучаствующий подход заставляет стейкхолдеров распространять свою активность на все процессы, связанные с развитием территории.

Авторы приводят примеры успеха в создании и продвижении культурных индустрий, организации культурных мероприятий, которые благотворно повлияли на решение социальных и экономических проблем в отдельных районах (Берлин, Глазго, Мальмё). Но несмотря на то, что принцип соучастия повсеместно распространяется, его эффективность остается малоизученной, особенно применительно к концепции креативных городов: «под-

ход креативных городов предполагает, что креативность может быть использована как инструмент для обновления городов, и что креативные индустрии и их жители могут стимулировать креативность <...> самой важной группой среди заинтересованных в брендинге города сторон является “креативный класс”, но исследования участия частных и государственных заинтересованных сторон в привлечении жителей, туристов и бизнеса в город редки» (с. 3). Основная проблема работы: «Как креативный класс, являясь ключевым игроком в развитии города, влияет на его имидж?» (там же).

Идентификация с локальным брендом, креативный класс, креативный город

Локальные бренды, преимущественно в аспекте управления туристическими потоками или оценки качества жизни, культурных событий, условий ведения бизнеса, определяются как «визуальное, вербальное и поведенческое восприятие конкретного города, региона или страны заинтересованными сторонами, а также его истории и культуры» (с. 3). Идентичность с локальным брендом – это та или иная степень чувства принадлежности к месту, возникающая как «сумма убеждений, идей и впечатлений» (с. 4). Среди моделей брендинга, появившихся в две последние декады, наиболее привлекательной авторам представляется трехкомпонентная модель локальной идентичности: физическое место (его материальная, осязаемая атрибутика); практики конкуренции и кооперации стейкхолдеров (включая местные обычаи, мероприятия и ритуалы, уличные вечеринки, церемонии, парады и художественные представления); персонификация (приписывание месту личностных характеристик, спроецированных с характеров и привычек жителей, профиля типичного туриста и «атмосферы» окружающей среды).

Успешность формирования локального бренда авторы выводят из принципа интерактивности, в соответствии со взглядами сторонников современных «динамических» моделей брендинга. Логика этих моделей состоит в утверждении, что ценность возникает в процессе ее совместного создания (а не пассивного потребления), в диалоге «между несколькими заинтересованными сторонами, которые являются ключевыми участниками процесса разработки идентичности места. Этот интерактивный процесс включает в себя <...> процесс выражения (в котором культура воспринимается через идентификацию), процесс создания впечатления (впечатление, которое идентичность места производит на нескольких заинтересованных лиц), процесс восприятия (общий

образ других людей отражается на идентичности места) и процесс рефлексии (идентичность места воплощается в культурных значениях)» (с. 5). Исходя из сетевой теории влияния Тимоти Дж. Роули, который описывает различия ролей стейкхолдеров в создании сетевых связей, основанных на локальном бренде, и выявляет зависимость повышения власти участников сети от создания коалиций, которое облегчается высокой плотностью социальных сетей¹, авторы ставят успешность бренда в зависимость от коллективных, а не централизованно-иерархичных действий лиц, уполномоченных принимать решения. Это определяет роль креативного класса: «креативность позволяет каждому выразить себя, делясь собственным видением <...> места»; «креативность – это функция врожденных личностных качеств и социальный процесс <...> открытия новых возможностей и их воплощения в жизнь»; «культурно-креативные кластеры направлены на укрепление идентичности места и стимулирование более предпринимательского подхода как к искусству, так и к культуре <...>, поскольку региональное развитие основано на способности регионов использовать культурное предпринимательство» (с. 6). В итоге авторы выделяют в качестве обязательных признаков креативных городов, считая их образцами Мальмё, Глазго и Берлин, хорошее развитие креативных индустрий, поддержку креативной экономики обществом и управленческие стратегии, направленные на развитие индивидуальной креативности. Сравнивая три основные концепции креативности, две из которых сосредоточены на материальных и символических ресурсах (Питер Холл и Чарльз Лэндри), а наиболее известная и влиятельная (Ричард Флорида) – на человеческих ресурсах, авторы указывают на их взаимное дополнение, но сами больше симпатизируют последней, поскольку подчеркивают, что города тем успешней, чем больше они способны привлекать и объединять в совместных задачах критически мыслящих людей, в том числе художников, дизайнеров, писателей, представителей СМИ, ученых, изобретателей и предпринимателей, а эта способность зависит от толерантности, мультикультурности, открытости самым разным стилям жизни, которые и являются катализатором творческих процессов.

Идею детерминированности успеха развития городов по креативной модели именно компонентом человеческих ресурсов авторы подкрепляют качественным полевым исследованием (ко-

¹ Rowley T.J. Moving beyond dyadic ties: a network theory of stakeholder influences // Academy of management review. – 1997. – Vol. 22, N 4. – P. 887–910.

нец 2018 – начало 2019 г.), основанным на 18 полуструктурированных интервью с политиками и горожанами – представителями креативного класса в Мальмё, Глазго и Берлине. Выбор городов опирался на статистические показатели культурного и креативного мониторинга Европейской комиссии 2017 г., согласно которому эти города получили высокие оценки. В выборку по методу снежного кома включались художники, руководители музеев, галерей и художественных школ, социальные предприниматели, работники рекламных агентств и digital-маркетинга, руководители бизнес-инкубаторов, стартапов и представители маркетинговых служб.

Наиболее весомыми креативные ценности оказываются для директоров по маркетингу и той части представителей креативного класса, которые создают артефакты, т.е. осязаемые ценности. Они воспринимают креативность одинаково, но демонстрируют существенные различия в понимании принципов работы с брендами: «директора по маркетингу разрабатывают фирменный стиль города более жестко, основываясь на формальных ценностных предложениях и стратегии бренда, разработанной после анализа бренда, представители креативного класса делают это более интуитивно и спонтанно, и их личная идентичность, а также созданные ими артефакты играют важную роль в рамках этого процесса» (с. 9).

Примечательно, что историю, расположение, инфраструктуру, комфорт авторы вслед за информантами не считают важными для креативных городов, потому что эти составляющие определяют привлекательность и всех остальных городов, менее креативных. Специфику креативного города Родригес и Шмидт характеризуют перечнем признаков, которые часто фигурируют в интервью: «свобода», «перемены», «космополитичный», «просторный» и «креативный» для Берлина; «перспективный, динамичный» и «открытый» для Глазго; «креативный, молодой и мультикультурный» для Мальмё. Авторы настаивают на текучести, подвижности бренда, вбирающего каждый новый опыт интерпретаций заинтересованных сторон, и приводят цитаты из интервью, раскрывающие индивидуальные аспекты значений брендов этих городов. Сами информанты задаются вопросом о своей роли в формировании отличительного облика города: «Возник ли сначала городской бренд, и есть ли в нем что-то для нас, или же пришла творческая среда и сформировала город? Вероятно, это цикл, который также укрепляет сам себя, что делает его абсолютно сильным» (с. 9). Подтверждается гипотеза о приоритетной роли человеческого капитала в создании имиджа креативного города,

который возникает вследствие проекции его обитателями собственных личностных черт: доступность, аутентичность, социальность, креативность, динамичность, дружелюбие, практичность, открытость и гордость.

Заключение

Главные результаты, полученные авторами, состоят в следующем. Во-первых, централизованное управление с нисходящими по «вертикали власти» потоками коммуникаций не работают в случае городов, развивающихся по креативной модели. Бренд-менеджерам следует отказаться от тотального контроля над брендом и следовать его спонтанному развитию. Во-вторых, политики недооценивают роль креативного класса в вербализации и распространении имиджа креативного города. Оценивая ограничения своего исследования и перспективы развития темы, авторы выделяют прежде всего вопрос о роли городских властей в привлечении представителей креативного класса и их взаимодействии в процессе брендинга территории, а также о кросс-культурных сходствах и различиях в реализации модели креативных городов.

К этому следует добавить, что представители креативного класса сами составляют существенную часть имиджа таких городов. Речь идет не о личных брендах знаменитостей, хотя они, бесспорно, вносят свой вклад в общий индекс развития креативности городов, но о «воображаемом сообществе», к которому было бы полезно и лестно присоединиться, влившись в безымянную, но априори «свою» креативную среду. Данный фактор очень весом в привлечении абитуриентов, представителей академического и экспертного сообществ, и в этом смысле актуальным для России является оценка креативного потенциала городов в восприятии молодежи, ориентированной на построение научной или университетской карьеры.

*А.Ю. Казакова**

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

УДК 316.334

Реф. ст.: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСОВ НА ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ / ВАНЬ ЧУНЛАНЬ, ЦИ ЧЖЭНЧЖЭНЬ, ЧЖАН АННИ, ЯН ШАНГУАН¹

Ключевые слова: плотность населения; мегаполис; физическое и психическое здоровье; Китай.

Для цитирования: Чэнь Сыци [Реферат]. Исследование влияния плотности населения мегаполисов на физическое и психическое здоровье жителей / Вань Чунлань, Ци Чжэнчжэнь, Чжан Анни, Ян Шангуан // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 92–97. – Реф. ст.: 张敦福. 王春兰 戚珍珍 张安妮 杨上广. 超大城市人口密度对居民身心健康的影响研究 [The impact of population density in megacities on residents' physical and mental health / Wang Chunlan, Qi Zhenzhen, Zhang Anni, Yang Shangguang] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China normal university (philosophy and social sciences)]. – 2024. – Vol. 58, N 6. – P. 128–141.

Реферат поступил: 08.09.2025.

Принят к публикации: 18.09.2025.

Article summary: The impact of population density in megacities on residents' physical and mental health / Wang Chunlan, Qi Zhenzhen, Zhang Anni, Yang Shangguang

Keywords: population density; megacity; physical and mental health; China.

¹ Реферат выполнен по: 王春兰 戚珍珍 张安妮 杨上广. 超大城市人口密度对居民身心健康的影响研究 [The impact of population density in megacities on residents' physical and mental health / Wang Chunlan, Qi Zhenzhen, Zhang Anni, Yang Shangguang] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China normal university (philosophy and social sciences)]. – 2024. – Vol. 58, N 6. – P. 128–141.

Реф. ст.: Исследование влияния плотности населения мегаполисов на физическое и психическое здоровье жителей

For citation: Chen Ciqi [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 92–97. – Article summary: 张敦福, 王春兰, 戚珍妮, 张安妮, 杨上广. 超大城市人口密度对居民身心健康的影响研究 [The impact of population density in megacities on residents' physical and mental health / Wang Chunlan, Qi Zhenzhen, Zhang Anni, Yang Shangguang] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2024. – Vol. 58, N 6. – P. 128–141.

Received: 08.09.2025.

Accepted: 18.09.2025.

Исследователи Ван Чуньлань, Ци Чжэньчжэнь, Чжан Аньни и Ян Шангуан, опираясь на данные анкетных опросов и переписи населения, провели на примере Шанхая систематический анализ влияния городской плотности населения на физическое и психическое здоровье жителей мегаполиса. Полученные результаты показали, что плотность населения в Шанхае во многом превышает уровень плотности, характерный для крупнейших мировых мегаполисов, негативно сказываясь на психическом и физическом самочувствии горожан. Отрицательное воздействие чрезмерной плотности преимущественно проявляется в форме субздоровья (пограничного состояния, находящегося между здоровьем и болезнью), в ухудшении психоэмоционального состояния и трудностях социальной адаптации. В связи с этим авторы статьи рекомендуют ужесточить контроль над застройкой в мегаполисах, а также в целях повышения качества жизни и уровня здоровья городских жителей рационально оптимизировать общественные рекреационные пространства.

Авторы отмечают, что физические и социальные аспекты городской среды тесно связаны с физическим и психическим здоровьем и с уровнем субъективного благополучия горожан, что делает их важнейшими факторами, определяющими качество жизни городских жителей. В условиях стремительной урбанизации по всему миру исследователи выделяют такие факторы, как уплотнение жилой застройки, уменьшение размеров жилых помещений, неконтролируемое повышение плотности городской среды, рост численности населения и увеличение количества транспортных средств. При этом сокращаются зеленые зоны, затрудняется доступ к местам отдыха местных сообществ, а немногочисленных

доступных пространств зачастую не хватает на всех. Проблема плотности городской застройки уже затронула не одно поколение, став структурной проблемой, препятствующей устойчивому развитию сверхкрупных городов по всему миру.

Авторы ссылаются на работы Зиммеля, Дюркгейма и Вирта, указывавших на то, что городская среда подавляет индивидуальность, усиливает психоэмоциональное напряжение и провоцирует возникновение психологических проблем и проявления девиантного поведения. Согласно концепции дрейфа¹, высокая плотность населения оказывает негативное влияние на психическое здоровье, что, в свою очередь, может привести к снижению социального статуса. Эмпирические исследования, проведенные в ряде стран, подтверждают, что в районах с высоким уровнем урбанизации жители сталкиваются с повышенным риском развития психических расстройств.

Комплексные исследования, проведенные в ряде городов как внутри страны, так и за рубежом, показывают, что воздействие высокой плотности застройки на здоровье населения имеет многомерный характер. В условиях низкой плотности умеренное увеличение численности населения способствует укреплению социальных связей и повышает пешеходную активность, что в целом положительно сказывается на состоянии здоровья. Однако при высокой плотности жилой застройки рост числа жителей может вызывать проблемы как физического, так и психического характера, снижать чувство субъективного благополучия и даже приводить к разрушительным последствиям. Особенно остро негативное влияние плотной застройки проявляется у определенных социальных групп: например, у женщин с маленькими детьми и лиц с низким социально-экономическим статусом, плохим здоровьем, страдающих от бедности и / или социальной изоляции. Кроме того, чрезмерно низкая обеспеченность индивидуальным жильем представляет угрозу для физического и психического здоровья человека, повышая риск инфекционных и хронических заболеваний.

Несмотря на то что еще в 1990-х годах в Китае были выдвинуты инициативы по оптимизации пространственной структуры городов, под воздействием рыночных механизмов так и не было принято мер по сдерживанию интенсивного городского строитель-

¹ В рамках концепции дрейфа изучается специфическое воздействие территориальной, прежде всего городской, среды на эмоциональное состояние и поведение людей. – *Прим. реф.*

ства. В 2022 г. государственные органы власти Китая четко обозначили необходимость строгого контроля над хаотичным расширением мегаполисов. В данной работе рассматривается кейс Шанхая как типичного китайского мегаполиса, и на основе данных анкетного опроса анализируется влияние плотности городской застройки на психическое и физическое здоровье горожан.

В статье здоровье городских жителей рассматривается в трех измерениях: как физическое, психическое и социальное. С помощью факторного анализа были выделены интегральные показатели, стандартизированные в виде индексов в диапазоне от 1 до 100. Физическое здоровье включает такие аспекты, как степень независимости от медицинской помощи, уровень активности, качество сна и способность к передвижению; психическое здоровье охватывает личностное самовосприятие и эмоциональное состояние человека; социальное здоровье предполагает оценку доступности необходимых горожанину ресурсов, уровень безопасности и комфорта проживания, качество природной среды и транспортную доступность. Ключевыми объясняющими переменными являются индикаторы городской плотности, включая плотность населения на уровне уличных комитетов и жилых сообществ, а также обеспеченность жильем на душу населения. В качестве контролируемых переменных учитываются индивидуальные и семейные характеристики: пол, возраст, уровень образования, доход, регистрация по месту жительства (хукоу), тип занятости, семейное положение, количество детей и форма проживания. Кроме того, в модель включен показатель субъективной удовлетворенности окружающей средой, что позволяет проанализировать опосредованные механизмы влияния городской плотности на здоровье населения. На основе результатов опроса далее проводится сравнительный анализ.

Сравнительный анализ изменений плотности населения Шанхая и уровня здоровья его жителей показывает, что с 1960-х годов плотность населения в городе неуклонно растет, наивысшие темпы роста приходятся на период 2006–2010 гг. В последние годы рост замедлился, однако общая тенденция повышения сохраняется. В 2020 г. средняя плотность населения Шанхая составила 3925 чел/км², что позволяет отнести его к числу ведущих мегаполисов мира по этому показателю. Плотность населения в центральных районах города значительно превышает аналогичный показатель в пригородах, соотношение достигает 7,68:1. В отдельных районах численность населения увеличивается, что свидетельствует о распространении тренда городской плотности на

ближние пригороды. Около 50% жителей проживают в районах с плотностью свыше 20 000 чел/км². Авторы отмечают, что фактическая плотность населения может быть недооценена в официальной статистике. Что касается степени обеспеченности жильем на душу населения, Шанхай немного опережает такие города, как Пекин, Гуанчжоу и Гонконг. По словам авторов статьи, различия между центром и пригородами постепенно стираются. Шанхай остро испытывает нехватку зеленых зон: площадь парков и озелененных территорий на душу населения остается ниже, чем в большинстве крупнейших городов мира, при этом темпы озеленения крайне низки. Согласно данным опроса, уровень физического здоровья жителей Шанхая немного ниже, чем в Гонконге, уровень психического здоровья уступает показателям развитых стран, тогда как уровень социального здоровья оказался несколько выше. Это отражает сложный и неоднозначный характер влияния плотности городской застройки на здоровье населения.

Плотность населения Шанхая, по некоторым данным, на сегодня уже превысила уровень, комфортный для здоровья жителей (примерно 10 000 чел/км², медицинская помощь может понадобиться при плотности 14 000 чел/км²). Что касается «внутридомовой» плотности, то критическим значением является плотность в диапазоне 35–100 человек на 100 м². К счастью, этот порог в реальности в Шанхае пока не достигнут, пишут авторы. Плотность населения выше 20 000 чел/км² оказывает выраженное негативное влияние на психическое здоровье человека. Чем больше объем жилой площади на одного человека, тем выше уровень социального здоровья. По словам авторов, эмоциональное состояние человека достигает наилучших значений при средней жилой площади в 70 м² на человека; текущие показатели в шанхайских домах, как правило, не достигают этого уровня.

Подводя итоги, авторы статьи отмечают, что Шанхай, являясь крупнейшим мегаполисом Китая, занимает одно из ведущих мест в мире по уровню плотности городской застройки. Влияние этого фактора на физическое здоровье жителей Шанхая немного ниже, чем в Гонконге, уровень психологического самочувствия шанхайцев ниже, чем в основных мировых мегаполисах, в то же время показатель социального здоровья относительно высок. Исследования показывают, что плотность населения в Шанхае превысила оптимальный диапазон, благоприятный для здоровья, при этом связь между уровнем плотности и здоровьем носит нелинейный характер. Высокая плотность, по словам авторов статьи, фор-

Реф. ст.: Исследование влияния плотности населения мегаполисов на физическое и психическое здоровье жителей

мирует у горожан особое пограничное состояние здоровья – суб-здоровье, проявляющееся в усталости, снижении когнитивных функций, эмоциональных и социальных адаптационных проблемах. В будущем они рекомендуют городским властям расширять пространство для общественной, спортивной и рекреационной активности, обеспечивать круглосуточный бесплатный доступ в парки, повышать безопасность и комфорт жилой среды. Одновременно следует строго контролировать развитие коммерческих и жилых объектов, поддерживать благоустройство водных объектов и создавать больше зеленых зон, чтобы предотвратить дальнейшую чрезмерную концентрацию населения в центральных и окраинных районах.

*Чэнь Сыци**

* © Чэнь Сыци, реферат, 2025

Чэнь Сыци – аспирант кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь; schen1657@gmail.com

Chen Ciqi – PhD student, Department of Sociology, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk; schen1657@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

УДК 159

DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.08

ЗАУТОРОВА Э.В.* ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ ОСУЖДЕННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Осознание жизненного пути представляет собой сложный и многогранный социально-психологический феномен, отражающий способность человека к самоанализу, осмыслению жизненного опыта и принятию ответственных решений, направленных на изменение своей судьбы. Жизненный путь человека – целостное явление, определяемое прежде всего с позиции нравственно-этического отношения личности к другим людям и окружающему миру. В статье представлены результаты эмпирического исследования жизненных планов осужденных. Проблема осознания жизненного пути и своих жизненных планов лиц, находящихся в условиях лишения свободы, приобретает особое значение в современной пенитенциарной психологии. Изучение особенностей жизненных планов осужденного может стать эффективным инструментом, способствующим формированию личностных изменений и ресоциализации личности. В долгосрочной перспективе такая работа важна для повышения безопасности в обществе и формирования более устойчивой системы ресоциализации осужденных, их адаптации к жизни на свободе после освобождения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; места лишения свободы; осужденные; жизненные планы; особенности

* © Зауторова Э.В., статья, 2025

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; elvira-song@mail.ru

Изучение жизненных планов осужденных, находящихся в местах лишения свободы

жизненных планов осужденных; коррекционная работа с осужденными; просветительская работа с осужденными.

Для цитирования: Зауторова Э.В. Изучение жизненных планов осужденных, находящихся в местах лишения свободы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 98–109. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.08

Статья поступила: 08.10.2025.

Принята к публикации: 15.10.2025.

ZAUTOROVA E.V. ** Study of life plans of convicts in prisons

Abstract. Awareness of one's life path is a complex and multifaceted social-psychological phenomenon that reflects a person's ability to introspect, reflect on their life experiences, and make responsible decisions aimed at changing their destiny. A person's life path is a holistic phenomenon that is primarily determined by the individual's moral and ethical relationships with others and the world around them. The article presents an empirical study of the life plans of convicts. The issue of awareness of one's life path and life plans in individuals who are incarcerated takes on a special significance in modern penitentiary psychology. Studying the characteristics of a convicted individual's life plans can serve as an effective tool for fostering personal change and re-socialization. In the long term, such work is important for improving public safety and creating a more sustainable system for re-socializing prisoners and helping them adapt to life after release.

Keywords: penal system; places of imprisonment; convicts; life plans; features of convicts' life plans; correctional work with convicts; educational work with convicts.

For citation: Zautorova E.V. Study of life plans of convicts in prisons. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 98–109. DOI: 10.31249/rsoc/2025.04.08

Received: 08.10.2025.

Accepted: 15.10.2025.

** Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; elvira-song@mail.ru

Введение

Осознание жизненного пути представляет собой сложный и многогранный социально-психологический феномен, отражающий способность человека к самоанализу, осмыслению жизненного опыта и принятию ответственных решений, направленных на изменение своей судьбы. Это понятие охватывает процессы рефлексии, переоценки прошлого, осознания настоящего и стремления к будущему, а также взаимодействие человека с его внутренними мотивами и внешней реальностью. Проблема осознания жизненного пути и своих жизненных планов лиц, находящихся в условиях лишения свободы, приобретает особое значение в современной пенитенциарной психологии. В условиях изоляции, когда человек вынужденно отделяется от общества, это осознание может стать мощным инструментом для самоанализа, пересмотра убеждений и переоценки личностных ценностей.

Лица, осужденные судом и отбывающие наказание в местах лишения свободы, являются одной из сложных категорий для коррекционной работы в исправительной колонии. У лишенных свободы часто отмечаются негативные черты в эмоциональной, ценностно-мотивационной и поведенческой сферах, что делает процесс их ресоциализации крайне трудоемким и требует специальных подходов. В период отбывания наказания осужденным важно не только помочь осмыслить свои действия, но и способствовать формированию новой, социально приемлемой идентичности. Психология осознания жизненных планов и своего жизненного пути в данном контексте рассматривается как средство, позволяющее человеку отказаться от прежних антисоциальных убеждений и установить более конструктивные и социально ориентированные цели.

Проблема жизненного пути человека в отечественной и зарубежной научной литературе

Проблемы жизненного пути широко обсуждаются в отечественных социальных науках, прежде всего в психологии и социологии. Ученые обычно определяют жизненный путь человека как взаимосвязь ряда последовательных событий, сопровождающихся субъективными переживаниями; при этом именно способ переживания жизненных событий определяет судьбу человека. Вместе с тем деятельность, действия и поступки способны изменить собст-

венную жизнь человека, но не только его жизнь, но и целый мир вокруг него [Рубинштейн, 2002].

Например, в рамках онтогенетического подхода жизненный путь человека рассматривается в тесной взаимосвязи с возрастной периодизацией [Ананьев, 2001]. Пространственно-временные характеристики жизни человека отражены в работах К.А. Абульхановой-Славской [Абульханова-Славская, 1991]. В рамках биографического подхода к изучению жизненного пути человека обратился Н.А. Рыбников [Рыбников, 2010]. С точки зрения смыслового и системно-деятельностного подходов вопросы жизни человека и его жизненного пути исследовал А.Н. Леонтьев [Леонтьев, 2010], а Е.А. Абросимова утверждала, что жизненный путь человека представляет собой целостное, непрерывное явление, определяемое прежде всего нравственно-этическими отношениями личности к другим людям и всему окружающему миру [Абросимова, 2008].

В зарубежных социальных науках проблемой жизненного пути занимались многие авторы, такие как А. Адлер, Э. Берн, П. Бурдьё, Ш. Бюлер, У. Деннис, П. Жане, Л. Зонди, Х. Леман, Г. Олпорт, Э. Шпрангер, Г.Х. Элдер и др. Они предлагали различные идеи в соответствии со своими научными концепциями.

Так, понятие «жизненный путь» в начале XX в. в психологию ввела Ш. Бюлер, проведя аналогию между процессом жизни и процессом истории, объявив жизнь человека индивидуальной историей, см.: [Солдаткин, 2013]. Разработанная ею периодизация жизненного пути человека положила начало психобиографическому направлению в психологической науке.

Одним из первых о траекториях жизненного пути в социологическом смысле сказал П. Бурдьё, увидевший в них серию хронологически расположенных позиций, которые занимает индивид или социальная группа, перемещаясь в социальном пространстве [Bourdieu, 1980, p. 122–126]. Согласно Г.Х. Элдеру, жизненный путь состоит из пересекающихся между собой значимых жизненных периодов, подчиненных социальным изменениям и индивидуальному ритму жизни отдельного человека [Elder, 1985, p. 23–49]. С этой точки зрения выделяют образовательную, трудовую, семейную и другие траектории жизни.

П. Жане первым предпринял попытку связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции человека. Его теория стадий (или уровней) отражает психические изменения человека во времени, соотносит

биографические ступени жизненного пути и возрастные фазы развития личности [Жане, 2010].

Среди зарубежных теорий, отмечающих важность влияния прошлых событий жизни человека на его актуальную психическую жизнь, наиболее известной является психоанализ. Так, А. Адлер определяет жизненный стиль как сложившуюся в детстве систему целенаправленных стремлений, где реализуется потребность человека в достижении превосходства, самоутверждения как компенсации «комплекса неполноценности» [Адлер, 2024].

Исследователи отмечают, что именно смысл жизни и является основной структурной единицей психической регуляции жизненного пути человека [Бастракова, 2020], который направляет субъекта на решение определенных жизненных задач и придает жизни индивидуальное значение; таким образом осуществляется жизненное самоопределение (самопознание, самопроектирование). Продуктом жизненного самоопределения является индивидуальная концепция смысла жизни, которой человек руководствуется при построении жизненного пути в процессе самоосуществления.

Особенности личности осужденных, лишенных свободы

Осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, сталкиваются с радикальными изменениями в своем образе жизни, потерей контроля над многими ее сторонами и значительным влиянием социальной изоляции. Исследования показывают, что многие осужденные испытывают дефицит социальных навыков и проблемные отношения с окружающими, проявляют коммуникативную несостоятельность и неспособность к толерантности и компромиссам.

Лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, часто являются выходцами из неблагополучных или неполных семей, рано проявившими пристрастие к алкоголю или наркотикам, в связи с чем значительная доля преступлений была совершена ими в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Осужденные отличаются эмоциональной нестабильностью, психологической незрелостью, проявляют отчужденность от общества и его ценностей. Также у лишенных свободы отмечается низкий уровень развития нравственных качеств, общей культуры и образования, они имеют, как правило, искаженные представления об окружающем мире и т.д. [Зауторова, 2025].

Все эти характеристики существенно влияют на их психоэмоциональное состояние и представления о своем будущем. Как правило, у осужденных в местах лишения свободы возникает необходимость пересмотреть и переоценить свои жизненные планы. Формирование таких планов часто зависит от множества факторов: возраста, социальной поддержки, наличия или отсутствия профессиональных и личностных навыков, а также продолжительности и условий заключения. При этом жизненные планы осужденных могут варьироваться от пессимистичных и направленных на выживание в исправительном учреждении до более оптимистичных, с надеждой на улучшение жизни после освобождения.

Перечисленные особенности личности осужденных позволяют уточнить внутреннее содержание генезиса совершения преступления: негативный социальный опыт, неудовлетворительные условия воспитания, а также искаженное представление относительно наказания, которое выражается в том, что субъект не воспринимает совершенное им преступление как травмирующий для потерпевшего лица фактор, а напротив, в качестве жертвы обстоятельств позиционирует себя. Это в значительной степени затрудняет осуществление коррекционной работы с осужденными в условиях исправительного учреждения.

Эмпирическое исследование жизненных планов осужденных и их отношения к своему жизненному пути

Настоящее эмпирическое исследование проводилось на базе исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области (мужская исправительная колония строгого режима; общее количество лиц, принимавших участие в исследовании, – 40 человек, впервые осужденных; возраст испытуемых – от 25 до 45 лет). Целью эмпирического исследования является изучение траекторий жизненного пути лиц, осужденных за различные виды преступлений и находящихся в исправительном учреждении уголовно-исполнительной системы.

В рамках исследования использовалась проективная методика неоконченных предложений «Жизненный путь для меня – это...», направленная на выявление основных жизненных ценностей испытуемого, которые являются ведущими на данном этапе. Кроме того, эта методика позволяет сформировать мнение о том, как человек представляет свою жизнь и какие события считает основополагающими. Благодаря ассоциативному мышлению, кото-

рое включается в процессе выполнения задания, респондент выбирает слова, непосредственно описывающие его жизнь.

Участникам исследования предлагалось десять раз завершить предложение «Жизненный путь для меня – это...». Правда, следует отметить, что многие опрошенные ограничивались всего 5–7 ответами, но и этого достаточно для выявления тенденций на представленной выборке. Посредством контент-анализа были выделены несколько сфер жизненного пути, с которыми респонденты ассоциировали свой жизненный путь. Данные представлены в табл. 1. (небольшой объем выборки не позволяет говорить о репрезентативности полученных данных, проценты приведены для наглядности и удобства читателей).

Таблица 1

**Результаты исследования по методике неоконченных предложений
«Жизненный путь для меня – это...», %**

Ассоциации, которые подобрали осужденные, описывая жизненный путь	Осужденные, лишенные свободы, %	
Ориентация во времени	На прошлое	12%
	Настоящее	30%
	Будущее	58%
Ценности	Самореализация	40%
	Достижения	35%
	Любовь	25%
Другое	Борьба	40%
	Молчание	23%
	Ошибки	22%
	Ненависть	15%

Проанализируем полученные результаты.

1. «Ориентация во времени»: в этом пункте показано, как респонденты ориентируются во времени и как это представлено в картине их жизненного пути. С точки зрения данного критерия были выделены три временные ориентации – на прошлое, на будущее и на настоящее. Как видим, большая часть респондентов выбрала ориентацию на будущее, что и отразилось в их представлении о жизненном пути, – 58% («будущие возможности», «дорога в будущее» и др.); на настоящее – 30%. Их сознание направленно на будущие возможности и новую, более благополучную жизнь. Выбравшие эту позицию респонденты имеют позитивный настрой и ориентированы в своем будущем на семью, нередко мечтают «посадить дерево, вырастить сына». Вместе с тем они понимают,

что фундамент для будущего необходимо заложить уже сегодня, в настоящее время: поддерживать отношения с родственниками, получить профессию и трудиться на производстве, повысить свой образовательный и культурный уровень и т.д.

2. Также были выделены ценности, указываемые респондентами в своих ответах. Среди них: самореализация, достижение («достижение целей», «выполнение планов» и др.) и любовь («любовь к окружающему миру», «любовь к близкому человеку» / его ценность и пр.). Для данных респондентов важна самореализация (40%) как обретение себя («самосовершенствование», «возможности для развития себя» и др.) и достижение (35%). Респонденты воспринимают жизненный путь как процесс развития и становления себя, как возможность для постановки и реализации своих амбициозных целей, замыслов и планов в жизни.

3. Отдельно была выделена подгруппа «другое», в которую вошли следующие ассоциации, имеющие отношение к жизненному пути: борьба и преодоление, молчание, ошибки, ненависть. Самый большой процент показала группа «борьба и преодоление» – 40% («преодоление неудач», «борьба с препятствиями»).

Таким образом, по результатам проведенного исследования установлено, что в представлениях о жизненном пути у осужденных присутствует ориентация на настоящее и будущее. Такого взгляда придерживаются те осужденные, которые полностью осознали происходящее и работают над своими ошибками, в том числе с пенитенциарным психологом. Кроме того, жизненный путь для большинства опрошенных понимается как борьба и преодоление («преодоление неудач», «борьба с препятствиями»), они выбирают самореализацию и достижение планов в своей жизни.

Некоторые направления коррекционной и просветительской работы с осужденными по формированию у них жизненных планов

На основе полученных данных целесообразно выстроить следующие направления коррекционной и просветительской работы, которые могут быть внедрены в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) при наличии подготовленных специалистов.

Индивидуальное консультирование по реконструкции жизненного смысла является ключевым направлением в работе с осужденными, призванным снять у лиц, отбывающих наказание, ис-

каженное, фрагментарное или полностью разрушенное представление о собственном жизненном пути. Консультирование в данном контексте не должно носить характер формального психологического воздействия – оно строится как поэтапный, аккуратный процесс выстраивания личного диалога между специалистом и осужденным, направленного на переосмысление и восстановление внутренней смысловой структуры личности.

Целесообразным представляется и такое направление, как коррекционно-развивающие занятия, которые будут нацелены на формирование адекватной временной перспективы. Одна из ключевых проблем, с которой сталкивается сотрудник в диалоге с осужденными, – это либо полное выпадение будущего из поля восприятия осужденного («не знаю, что будет, да и все равно»), либо описание будущего фантомного характера, т.е. лишённого опоры в реальности («я выйду и сразу уеду за границу», «открою свое дело», «буду жить, как хочу»). У части респондентов наблюдается также искажение образа прошлого: оно либо идеализируется, либо полностью обесценивается. Все это указывает на необходимость целенаправленной работы с восприятием времени – как когнитивной, так и смысловой категорией.

При этом крайне важно создать в рамках индивидуальной и групповой работы пространство для формирования у осужденного новой идентичности – такой, где человек остается активным субъектом, способным влиять на собственную жизнь, но делает это уже в конструктивной плоскости. Это не «перевоспитание» в духе «правильных» лозунгов, а поиск ответа на вопрос: «Кем ты можешь быть, если не тем, кем был раньше?» Сотрудник в этом процессе работает как навигатор. Через обсуждение биографических маршрутов, ролевых моделей, пережитого опыта и личных ценностей осужденный подводится к идее, что его идентичность не застывший «ярлык», а процесс.

Цель просветительской работы с осужденными в направлении формирования их жизненных планов состоит в том, чтобы показать участникам процесса существование другой логики мышления, в которой их прежние убеждения теряют силу, потому что они противоречат фактам или не приносят желаемых результатов. Такая работа строится не через спор, а через исследование – изучение убеждений каждого осужденного вместе с ним, на равных.

Каждое из предложенных направлений работы базируется на одной ключевой задаче – необходимости вернуть осужденному способность быть субъектом собственной жизни, со всеми ее про-

творчествами, с осмысленным прошлым и реальным будущим. При этом процесс коррекции взглядов на жизненные планы осужденных требует глубокого профессионального умения, устойчивого психологического контакта, этической позиции и методической гибкости. Сотрудник в данной системе не просто специалист по диагностике и сопровождению, он выполняет функцию моста между прошлым, настоящим и возможным будущим осужденного, помогая ему впервые в жизни действительно «увидеть» свою биографию как жизненную историю конкретного человека, у которого был выбор, имевший те или иные последствия, и есть шансы сделать выбор другой.

Заключение

Актуальность темы осознания жизненного пути осужденными обусловлена актуальными вызовами, стоящими перед современной пенитенциарной системой и обществом в целом. Увеличение числа преступлений требует поиска эффективных методов психологического воздействия и поддержки, направленных на изменение сознания и личности преступников.

Современные исследования показывают, что для лиц, совершивших преступления и отбывающих в местах лишения свободы, характерны устойчивые когнитивные и эмоциональные модели, которые зачастую являются барьерами для понимания и осознания общепринятых социальных норм и ценностей. В этих условиях изучение особенностей жизненных планов и жизненного пути осужденного может стать эффективным инструментом, способствующим формированию личностных изменений и ресоциализации осужденного.

Проведенное нами исследование жизненных планов лиц, лишенных свободы, по методике неоконченных предложений «Жизненный путь для меня – это...», показало, что у большинства осужденных в представлении о жизненном пути присутствует настоящее и будущее, пути для реализации своих планов на жизнь они видят в самореализации и достижении своих замыслов. Вместе с тем жизненный путь для большинства опрошенных понимается как борьба и преодоление, что делает его сложным и трудным для реализации. Отметим, что ответы осужденных могут быть результатом работы пенитенциарного психолога и сотрудников других служб с лицами, которые стремятся к исправлению и работают над своими ошибками. В долгосрочной перспективе такая работа

важна для повышения безопасности в обществе и формирования более устойчивой системы ресоциализации осужденных и их адаптации к жизни на свободе.

Список литературы

Абросимова Е.А. Экзистенциальный взгляд на проблему жизненного пути в творчестве С.Л. Рубинштейна // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1. – С. 189–198.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – Москва: Мысль, 1991. – 299 с.

Адлер А. Наука жить. – Москва: АСТ, 2024. – 256 с.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 288 с.

Бастракова Н.С. Социально-психологические аспекты жизненного самоопределения человека: монография. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. – 153 с.

Жане П. Психологическая эволюция личности / пер. с фр. Н.Ю. Федунинской. – Москва: Академический проект, 2010. – 398 с.

Зауторова Э.В. Изучение уровня готовности осужденных к освобождению из исправительного учреждения // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации: сб. матер. междунар. научн-практ. конф.: в 2-х ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2025. – С. 32–35.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 2010. – 304 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 720 с.

Рыбников Н.А. Биографический метод в психологии // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 230–243.

Солдаткин В.И. Судьба и жизненный путь человека в дискурсе философско-культурологических концептов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 4. – С. 57–63.

Bourdieu P. Le Sens pratique. – Paris: Minuit, 1980. – 475 p.

Elder G.H., jr. Perspectives on the life course // Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980 / ed. by G.H. Elder, jr. – Ithaca: Cornell university press, 1985. – 352 p.

References

Abrosimova E.A. An existential view on the problem of life path in the works of S.L. Rubinstein. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical university]. – 2008. – N 1. – P. 189–198. (In Russian)

Abulkhanova-Slavskaya K.A. *The strategy of life*. – Moscow: Mysl', 1991. – 299 p. (In Russian)

Изучение жизненных планов осужденных, находящихся в местах лишения свободы

- Adler A. *The science of living*. – Moscow: AST, 2024. – 256 p. (In Russian)
- Ananyev B.G. *Man as an object of knowledge*. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 288 p. (In Russian)
- Bastrakova N.S. *Socio-psychological aspects of human life self-determination: a monograph*. – Yekaterinburg: Russian state vocational pedagogical university, 2020. – 153 p. (In Russian)
- Bourdieu P. *Le Sens pratique*. – Paris: Minuit, 1980. – 475 p.
- Elder G.H., jr. Perspectives on the life course. *Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980*. Ed. by G.H. Elder, jr. – Ithaca: Cornell university press, 1985. – 352 p.
- Jean P. *Psychological evolution of personality*. Translated from French by N.Y. Fedunina. – Moscow: Akademicheskij proect, 2010. – 398 p. (In Russian)
- Rubinstein S.L. *Fundamentals of general psychology: a textbook*. – St. Petersburg: Piter, 2002. – 720 p. (In Russian)
- Rybnikov N.A. Biographical method in psychology. *Razvitie lichnosti* [Personality development]. – 2010. – N 2. – P. 230–243. (In Russian)
- Soldatkin V.I. Fate and the life path of a person in the discourse of philosophical and cultural concepts. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk state academy of culture and arts]. – 2013. – N 4. – P. 57–63. (In Russian)
- Zautorova E.V. Studying the level of readiness of convicts to be released from a correctional institution. *The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization: collection of materials of the International scientific and practical conference in 2 parts*. – Vologda: VIPE' FSIN Rossii, 2025. – P. 32–35. (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: нравы; этология; массы; классы; обычный человек; институты; обыкновения; ритуал; мощь; право; условности; конвенционализация.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 110–132.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 10.02.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: mores; ethology; masses; classes; common man; institutions; usages; ritual; might; right; conventions; conventionalization.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 110–132.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 10.02.2025.

¹ Окончание. Начало см. в предыдущих номерах журнала.

Перевод сделан по: Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 36–38, 39, 45–47, 47–48, 50–51, 53–55, 56–58, 59–62, 65–66, 68–70, 76–77, 78–80, 84–85.

**Глава 1. Фундаментальные понятия
народных обычаев и нравов
(окончание)**

42. Задача этого труда. Слово «этология» было бы подходящим термином для изучения манер, обычаев, обыкновений и нравов, в том числе изучения того, как они формируются, как они растут или увядают и как они воздействуют на интересы, которым призваны служить. Греки применяли термин «этнос» к совокупности характерных обыкновений, идей, стандартов и кодексов, посредством которых группа индивидуализировалась по характеру и дифференцировалась от других групп. «Этикой» были вещи, относящиеся к этосу, и, следовательно, вещи, служившие мерилom правильного. Римляне употребляли термин «*mores*» по отношению к обычаям в самом широком и богатом смысле слова, включая представление о том, что обычаи служат благополучию, имеют традиционную и мистическую санкцию и являются, соответственно, в должной мере авторитетными и священными. Весьма удивительно то, что современные нации, должно быть, утратили эти слова и те значимые внушения, которые в них содержатся. В английском языке нет существительного, производного от «*mores*», и никакого его эквивалента. Французское слово «*mœurs*» тривиально по сравнению с «*mores*». Немецкое *Sitte* отображает «*mores*», но очень несовершенно. Современные народы сделали мораль и нравственность отдельной областью, стоящей в ряду с религией, философией и политикой. В этом смысле мораль – невозможная и нереальная категория. Она не имеет существования и не может его иметь. Слово «моральный» означает то, что принадлежит или относится к «*mores*». Соответственно, категорию морали никогда невозможно определить без соотнесения с чем-то внешним по отношению к ней. Этика, потеряв связь с этосом народа, становится попыткой систематизировать текущие понятия о правильном и неправильном на основе какого-то базового принципа, обычно с целью установить моральные правила на основе абсолютной доктрины, так чтобы они были универсальными, абсолютными и вечными. Также обычно, когда бы какую-то вещь ни называли моральной или ни связывали с каким-то этическим обобщением, она мыслится «возвышенной», и спорщики, метод которых состоит в использовании этических общих понятий, допускают за собой и своими взглядами особый авторитет. Эти методы обсуждения чаще всего используются в отношении социальных тем, и для трез-

вого изучения фактов они разрушительны. Они помогают удерживать социальные науки под властью метафизики. Злоупотребление ими особенно развилось в связи с политической экономией, у которой почти украли характер серьезной дисциплины, превратив ее дискуссии в этические изыскания.

43. Почему используется слово «*mores*» (нравы). «Этика» в греческом смысле или «этология», как мы ее выше определили, были бы хорошими названиями для нашей работы. Мы стремимся изучить этос групп, чтобы увидеть, как он возникает, его власть и влияние, способы его воздействия на членов группы и разные его атрибуты (*ethica*). «Этология» – малоизвестное слово. Его использовали для обозначения способа представления манер, обычаев и нравов в сатирической комедии. Латинское слово «*mores*» в целом выглядит для нас с практической точки зрения более удобным и пригодным, чем любое другое, для обозначения народных обычаев с воплощенными в них коннотациями правильности и истины в отношении благополучия. Анализ и определение, приведенные выше, показывают, что в нравах мы должны видеть доминирующую силу истории, составляющую условие того, что может делаться и какие методы при этом могут быть использованы.

44. Нравы как направляющая сила. Конечно, изложенная позиция антагонистична воззрению, что творческими и определяющими силами в обществе и истории являются философия и этика. Это воззрение идет к нам от греческой философии и на данный момент так долго преобладает, что все нынешние обсуждения под него подстраиваются. Философия и этика практикуются как независимые дисциплины, и полученные ими результаты вносятся в науку об обществе, государственное дело и законотворчество как авторитетные наставления. У нас есть также *Völkerpsychologie*, *Sozialpolitik* и другие опосредующие формы, демонстрирующие борьбу метафизики за удержание контроля над наукой об обществе. «Исторический смысл», *Zeitgeist* и другие схожие по значению термины – это частичные признания нравов и их важности для науки об обществе. Ниже мы с вами увидим, что философия и этика – продукты народных обычаев. Они извлекаются из нравов, но никогда не бывают оригинальными и творческими; они вторичны и производны. Они часто вторгаются во вторую стадию последовательности «акт – мысль – акт». В этом случае они приносят вред, но закладывается некоторая основа для притязания на то, что они имеют творческий или, по крайней мере, регулятивный характер. На самом деле реальный процесс в больших совокупностях людей –

не процесс дедукции из какого-то великого принципа философии или этики. Это процесс мелких попыток благополучно жить при существующих условиях, которые без конца повторяются большим числом людей, черпая силу в привычке и в товариществе единого действия. Возникающие отсюда народные обычаи становятся принудительными. Все вынуждены им соответствовать, и народные обычаи владуют над общественной жизнью. Тогда они кажутся истинными и правильными и возводятся в нравы как норма благополучия. Отсюда создаются верования, идеи, доктрины, религии и философии, соответственно ступени цивилизации и способам рефлексии и обобщения.

46. Нравы подгрупп. У каждого класса или группы в обществе свои нравы. Это касается чинов, профессий, промышленных классов, религиозных и философских сект и всех иных общественных подразделений. Индивиды одновременно состоят в двух или более подобных группах, что обеспечивает компромисс и нейтрализацию. Другие нравы общие для всего общества. Кроме того, нравы могут передаваться от одного класса к другому...

52. Массы и нравы. В связи с нравами очень большое значение имеют массы. Историческими, или избранными классами являются те, которые в истории контролировали деятельность и политику целых поколений. Они отличались в одно время по одному стандарту, в другое время – по другому. Положение, которое они занимали, унаследовав от раннего общества, давало им престиж и авторитет. Заслуги и общественная ценность, по стандартам их времени, входили в их статус лишь понемногу и случайно. У этих классов были собственные нравы. Они имели власть управлять собственной жизнью в какой-то степени в соответствии с собственным выбором; современные цивилизованные люди страстно желают этой способности и борются за нее прежде всего стяжанием богатства. Исторические классы, следовательно, отбирали цели и изобретали способы их достижения. Их обычаи находили подражание в массах. Классы прокладывали путь в роскоши, легкомыслии и пороке, а также в рафинированности, культуре и искусстве жизни. Они вносили изменчивость. Массы – не крупные классы в основании социальной пирамиды; это ядро общества. Они консервативны. Они принимают жизнь такой, какой ее застают, и живут по традиции и привычке. Иными словами, значительная масса людей в любом обществе живет чисто инстинктивной жизнью, подобно животным. Консерватизм каст и аристократий, которые противятся изменению обычаев и институтов ввиду того,

что те составляют основу их господства, не должен вводить нас в заблуждение. Консерватизм масс иного рода. Он не проистекает из интересов, он инстинктивен. Он обусловлен инертностью. Изменение потребовало бы новых усилий для восстановления рутины и привычки. Оно, следовательно, обременительно. Более того, массам не свойственно тянуться к «усовершенствованиям»; они лишены способности поэтапно планировать изменение, за счет которого их потребности могли бы быть удовлетворены лучше. Нравы любого общества в некоторый период характеризуются либо готовностью, либо нежеланием масс подражать обычаям классов. Для историка вопросом первостепенной важности является то, проникали в массы нравы тех исторических классов, которые он обнаруживает по сохранившимся документам, или нет. Реальные носители нравов общества – массы. На них держится традиция. Народные обычаи – это их обычаи. Они принимают влияние или лидерство, и они подражают, но делают это так, как их устраивает, руководствуясь своими ранее приобретенными понятиями и вкусами. Они могут воспринимать стандарты характера и действия от классов и от чужаков, из литературы и новой религии, но что бы они ни перенимали, все это ими ассимилируется и входит составной частью в их нравы, которые они по традиции передают, целостность которых они защищают и от которых никак не соглашались отказаться. Стало быть, писательство литературного класса может вообще не представлять верования, понятия, вкусы, стандарты и т.д. масс. Литература первых христианских столетий вряд ли показывает нам хоть что-то из нравов того времени, как они существовали в вере и практике масс. Каждая группа отбирает из предлагаемой ей новой религии только то, что может слиться с собственными традиционными нравами. Христианство было очень разным среди евреев, египтян, греков, германцев и славян. Было бы большой ошибкой предполагать, что какой-либо народ когда-либо воспринимал и исповедовал философское или религиозное учение в том виде, в каком оно ему предлагалось и в каком мы находим его документированным в книгах учителей. Нравы масс совершенно не допускают внезапных и массивных их модификаций доктринальным учением. Процесс освоения медленный, и на каждом этапе он сопровождается модифицирующими влияниями. То, что принимают классы, – неважно, хорошее или дурное, – можно обнаружить спустя поколения проникшим в массу, но тогда оно предстанет как результат всех превратностей народных обычаев промежуточного периода. «Самой пугающей чертой испорченно-

сти древнего Рима было то, что она проникла во все классы общества¹. «Как в эпоху Возрождения, так и сейчас <в католической реакции> порок просачивался сверху вниз, пропитывая своим вирусом массу людей»². Именно классы производят изменчивость; именно массы переносят в будущее традиционные нравы.

54. Действие масс на мысли. Полстолетия назад Дарвин внес в общий фонд кое-какое знание. Крестьяне и ремесленники его времени ничего такого не сделали. Что делают с мыслями массы, так это обтачивают и ровняют их в точности подобно тому, как берут монеты с монетного двора и обтачивают их изнашиванием, пока те не станут просто металлическими дисками. Массы понимают, например, что Дарвин сказал, что «люди произошли от обезьян». Лишь суммарные и сглаженные положения такого рода могут когда-нибудь получить хождение. Ученые люди все время пытаются перечеканить их и придать им хотя бы частичную реальность. Рескин запустил ряд понятий художественной критики, проникших во все наши образованные классы. Они ничуть не потеряны, но смотрите, что стало с ними после пятидесяти лет популяризации. Чуть позже было опубликовано новое евангелие мебели и домашнего декора. Массы впитали его. Смотрите, что они с ним сделали. Истлейк не хотел никакого машинного труда, но машины было не победить. Они могут делать кривобокие вещи, если в моде такие, и могут делать из всего строительства шоу, если Истлейк внедрил в толпу представление, что колышки должны быть снаружи. Мышление и понимание – слишком трудная работа. Если кто-то хочет заклеить массы, то пусть взглянет на себя. Он обнаружит, что обдумывает и понимает только свое интеллектуальное дело. Он не мог уделить силы каждому другому отделу знания. В других вопросах он просто один из массы и поступает так же, как она. Он использует рутину, установленные формулы, расхожие фразы, подхваченные из журналов и газет превосходящего класса.

57. Обычный человек. Каждое цивилизованное общество должно нести под нижними частями масс балласт невежества, бедности, преступности и нездоровья. Каждое такое общество имеет в большой центральной части масс значительное количество

¹ *Lecky W.E.H.* History of European morals from Augustus to Charlemagne. – New York: D. Appleton & Company, 1895. – Vol. 1. – P. 262.

² *Symonds J.A.* Renaissance in Italy: the Catholic reaction. – London: Smith, Elder, & Co., 1886. – Part 1. – P. 455.

тех, кто нейтрален во всех вопросах общественной политики. Они живут рутинной и традицией. Они не брутальны, но неглубоки, ограничены и отягощены предрассудками. Тем не менее они безвредны. Им недостает инициативы, и они не могут дать импульс хорошему или плохому. Из их рядов выходит мало преступников. Иногда они могут быть движимы призывами к их закостенелым идеям и предрассудкам. В их нравах на них воздействует заражение от вышестоящих классов. Работа «популяризации» состоит в вызывании этого заражения. Средняя часть образуется вокруг математического среднего общества или вокруг математической моды, если распределение подразделений несимметрично. Человек на уровне моды – это «обычный человек», или «средний человек», или «человек с улицы». Между ним и демократическими политическими институтами – трибуной, газетами и публичной библиотекой – происходит постоянная реакция, посредством которой нравы модифицируются и сохраняются. Цель всех институтов и литературы в современном государстве – ублажить его. Его цель – извлечь из них то, что его устроит. Желтая пресса процветает и вытесняет всю прочую, потому что она ему нравится. Дрянные романы хорошо продаются, потому что они нравятся его жене и его дочерям. Реклама в популярных журналах адресована ему. Она показывает ему, чего он хочет. «Забавные материалы» подогнаны к его чувству юмора. Следовательно, все эти вещи – симптомы. Они показывают, во что он «верит», и они укрепляют его предрассудки. Если все искусство, литература, законодательство и политическая власть брошены к его ногам, то имеет значение, кто он такой и что он собой представляет. Его часть общества определяет нравы целого.

61. Нравы и институты. Из нравов возникают институты и законы. Институт состоит из концепта (идеи, представления, доктрины, интереса) и структуры. Структура – это каркас, аппарат или, возможно, всего лишь несколько функционеров, собранных для того, чтобы они предписанными способами сотрудничали в некотором соединении. Структура поддерживает концепт и обеспечивает его средствами для воплощения в мире фактов и для действия, служащего интересам всех членов общества. Институты бывают либо вырастающими (*crescive*), либо введенными в действие (*enacted*). Они вырастают, когда обретают форму в нравах; их рост осуществляется за счет инстинктивных усилий, посредством которых производятся нравы. В этом случае усилия в силу долгого употребления становятся определенными и специфичными. Са-

мыми первичными институтами являются собственность, брак и религия. Они имели начало в народных способах действия. Они стали обычаями. Они развились в нравы путем добавления некоторой философии благополучия, пусть даже простой и необработанной. Затем они делались более определенными и специфичными в отношении правил, предписанных действий и используемого аппарата. Это производило структуру, и институт обретал завершенность. Институты, вводимые в действие, – продукты рационального изобретения и намерения. Они свойственны высокоразвитой цивилизации. Банки – это институты кредита, основанные на обыкновениях (usages), которые можно проследить до эпохи варварства. Приходило время, когда направляемые рациональным обдумыванием опыта люди начинали систематизировать и регулировать вошедшие в обиход обыкновения и тем самым создавали положительные институты кредита, определенные правом и санкционированные силой государства. Введенные институты в чистом виде, которые были бы крепки и процветали, трудно найти. Слишком трудно изобрести и создать институт для какой-то цели из ничего. Примером служит коллегия выборщиков в конституции Соединенных Штатов. В этом случае демократические нравы народа ухватились за данный инструмент и сделали из него нечто совершенно отличное от того, что планировали изобретатели. Все институты вышли из нравов, хотя рациональный элемент в них иногда столь велик, что их происхождение в нравах не улавливается иначе, кроме как с помощью исторического исследования (законодательные органы, суды, жюри присяжных, акционерные компании, фондовая биржа). Собственность, брак и религия до сих пор почти целиком укоренены в нравах. Среди естественных людей любой мужчина мог захватить и удерживать какое-то время женщину, если ему удастся. Он делал это благодаря превосходству в силе, которое было собственным высшим оправданием. Но его акт вовлекал его группу и ее группу в войну и причинял вред его товарищам. Поэтому они запрещали захват или устанавливали условия для него. Вне этих пределов индивид мог еще использовать силу, но его товарищи уже не были за это ответственными. Если он преуспевал, слава его могла все больше расти. Его контроль над пленниками был абсолютным. В рамках предписанных условий «пленение» стало техническим и институциональным, и из него выросли права. У женщины был статус, определенный обычаем, и он очень отличался от статуса настоящего пленного. Брак был институциональной связью – в обществе и с его санкции – между

женщиной и мужчиной, где женщина была обретена предписанным образом. Тогда она была «женой». То, какими были ее права и обязанности, определялось нравами, как это имеет место и сегодня во всяком цивилизованном обществе.

63. Чем законы и институты отличаются от нравов.

Когда народные обычаи становятся институтами или законами, они меняют свой характер, и их следует отличать от нравов. В нравах заложен элемент чувства и веры. Законы и институты имеют рациональный и практический характер, они более механичны и утилитарны. Большая разница состоит в том, что институты и законы имеют положительный характер, тогда как нравы остаются несформулированными и неопределенными. В народных обычаях неявно заключена некоторая философия; когда она делается эксплицитной, она становится философией в специальном смысле. Взятые с объективной стороны, нравы – это обычаи, действительно способствующие благополучию при существующих жизненных условиях. Действия в подчинении законам и институтам – осознанные и волевые; в подчинении народным обычаям они всегда неосознанны и невольны и, стало быть, имеют характер естественной необходимости. Просвещенная рефлексия и скептицизм могут разрушить эту спонтанную связь. Законы, будучи позитивными предписаниями, вытесняют нравы по мере их принятия. Отсюда следует, что нравы вступают в действие тогда, когда не срабатывают законы и трибуналы. Нравы покрывают собой огромную область общей жизни, где нет законов и полицейских регуляций. Они охватывают бескрайнюю и неопределенную область и прокладывают путь в новых областях, еще никак не контролируемых. Следовательно, нравы выстраивают с течением времени новые законы и полицейские регуляции.

64. Разница между нравами и некоторыми родственными вещами. Продукты целенаправленного исследования или рациональной осознанной рефлексии, официально одобренные добровольными ассоциациями проекты, сознательно отбираемые рациональные методы, запреты и предписания властей и все специфические конвенциональные упорядочения не относятся к нравам. Их отличает заложенный в них рациональный и сознательный элемент. Мы можем также провести различие между обычкновениями (*usages*) и нравами. Обыкновения – это народные обычаи, не содержащие принципа благополучия, но служащие удобству, пока все знают, чего от них ожидать. Например, восточные люди, чтобы выказать уважение, прикрывают голову и открывают ноги;

западные люди поступают наоборот. Нет неразрывной и необходимой связи между уважением и любым из этих обыкновений, но есть преимущество в том, чтобы какое-нибудь обыкновение было и чтобы все его знали и придерживались. Один способ так же хорош, как и другой, если он понятен и установлен. Народные обычаи, касающиеся благопристойности, принадлежат к нравам, поскольку имеют реальную связь с благополучием, определяющую единственный смысл, который они могут иметь. Народные обычаи в отношении приличия и скромности иногда чисто конвенциональны, а иногда сугубо реальны. Моды, причуды, аффектации, позы, идеалы, мании, массовые заблуждения, безрассудства и пороки должны быть включенными в нравы. У них есть характерные качества и характерный эффект. Какими бы легкомысленными или глупыми они ни казались людям другой эпохи, они имеют форму попыток благополучно жить, удовлетворять какой-то интерес или достигать какого-то блага. Способы поведения рекламщиков, которые преувеличивают, используют хитрости для привлечения внимания и взывают к народной слабости и глупости; методы журналистики; методы проведения предвыборных кампаний; ораторские и дифирамбические экстравагантности в политике; расхожие методы шарлатанства и погони за сенсациями – не часть собственно нравов, а их симптомы. Это не продукты сходящихся и кооперативных попыток всех членов общества жить хорошо, а созданные с умышленной изобретательностью инструменты для оказания внушающего воздействия на умы других. По отношению к верованиям, понятиям, вкусам, желаниям и т.д. данного общества данного времени нравы являются скорее основополагающими фактами, к которым все эти способы действия взывают и свидетельством существования которых они являются.

66. Более точное определение нравов. Теперь можно сформулировать более полное определение нравов. Это способы делания, которые в данный момент в обществе удовлетворяют людские потребности и желания, вместе с верованиями, понятиями, кодексами и стандартами благополучной жизни, которые заключены в этих способах, имея с ними родовую связь. Благодаря последнему элементу нравы являются чертами в специфическом характере (этосе) некоторого общества или эпохи. Они пронизывают и контролируют способы мышления во всех жизненных нуждах, возвращаясь из мира абстракций в мир действия, дабы дать руководство и вновь подтвердить свою живость. «Нравы <*Sitten*> служат регуляторами политического, социального и религиозного поведе-

ния индивида до всякого начала рефлексии. Осознанная рефлексия – худший враг нравов, потому что нравы рождаются неосознанно и преследует неосознаваемые цели, часто узнаваемые рефлексией лишь после долгих и окольных процессов, и потому что их целесообразность часто держится на допущении, что они будут иметь общее принятие и хождение без вмешательства рефлексии»¹. «Нравы – это в любой группе обыкновение, насколько оно, с одной стороны, не является выражением или исполнением абсолютной естественной необходимости <например, еды или сна> и, с другой, не зависит от случайной воли индивида и обычно воспринимается как благое и правильное, подходящее и достойное»².

67. Ритуал. Процессом, через посредство которого развиваются и утверждаются нравы, является ритуал. Ритуал настолько чужд нашим нравам, что мы не распознаем его могущество. В примитивном обществе это преобладающий метод деятельности, и примитивная религия всецело состоит в ритуале. Ритуал – это совершенная форма упражнения и регулируемой привычки, проходящей от упражнения. Действия, предписанные авторитетом и механически повторяемые без обдумывания, переходят в ритуал. Если младенцы и дети подчинены ритуалу, то они никогда на протяжении всей жизни не уходят от его воздействий. Гальтон говорит, что в ранней юности находился в контакте с магометанской ритуальной идеей, что левая рука уступает в достоинстве правой, и так никогда от нее и не избавился³. Мы видим воздействие ритуала в воспитанности, уходевании, вежливости и во всех формах предписанного поведения. Этикет – социальный ритуал. Ритуал – это не принужденное следование обыкновению; это строгое следование детально и тщательно продуманному правилу. Он не допускает никаких исключений или отклонений. Чем строже дисциплина, тем больше власть ритуала над действием и характером. В дрессировке животных и воспитании детей значимы совершенство, неизбежность, неизменность и непреложность рутины. Они никогда не должны переживать в опыте никаких исключений или неправильностей. Ритуал соединен со словами, жестами, символа-

¹ *Hartmann E. von. Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins: Prolegomena zu jeder künftigen Ethik.* – Berlin: Carl Duncker's Verlag, 1879. – S. 73.

² *Lazarus M. Ueber den Ursprung der Sitten // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* – 1860. – Bd. 1. – S. 439.

³ *Galton F. Inquiries into human faculty and its development.* – London: Macmillan and Co., 1883. – P. 216.

ми и знаками. Отсюда возникают ассоциации, и при повторении сигнала действие повторяется, согласна с этим воля или нет. Ассоциация и привычка дают объяснение этих явлений. Ритуал обретает дополнительную силу, когда он ритмичен, и потому связан с музыкой, стихами или другими ритмическими искусствами. Действия ритуально повторяются при повторении ритмических точек. Чередование ночи и дня создает ритмы бодрствования и сна, труда и отдыха одновременно для множества людей в их борьбе за существование. Времена года также создают ритмы в работе. Ритуал может воплощать идею полезности, целесообразности или благополучия, но он всегда стремится стать поверхностным, а идея – всего лишь подсознательной. Есть ритуал в примитивном врачевании, и до самых недавних пор он сохранялся. Пациенту велели не только принимать лекарства, но и выполнять обряды. Обрядами приносились мистические элементы. Это иллюстрирует связь ритуала с представлениями о магических воздействиях, вызываемых обрядами. Весь ритуал церемониален и торжествен. Он стремится стать священным или сделать священным содержание, с которым он связан. Следовательно, в примитивном обществе именно при помощи ритуала прививаются чувства благоговения, почтения к авторитету, послушности традиции и дисциплинарной кооперации. Ритуал осуществляет постоянное внушение, и это внушение сразу приводится в действие в актах. Ритуал, следовательно, внушает чувства, но никогда не прививает доктрины. Сильнее всего ритуал тогда, когда он наиболее поверхностен и не пробуждает никаких мыслей. Благодаря знакомству с ритуалом любая доктринальная отсылка, которую он когда-то имел, утрачивается, а привычки сохраняются. Примитивная религия ритуалистична, но не потому что религия создает ритуал, а потому что ритуал создает религию. Ритуал – это что-то такое, что нужно сделать, а не что-то, что нужно мыслить или чувствовать. Люди всегда могут выполнить предписанный акт, хотя не всегда могут помыслить предписанные мысли или почувствовать предписанные эмоции. Эти акты могут вновь вызывать по ассоциации состояния ума и чувства, которые были с ними связаны, особенно в детстве, когда фантазия легко увлекалась обрядами, музыкой, пением, драмами и т.д. Никакое вероучение, никакой моральный кодекс, никакая научная демонстрация никогда не имели над людьми такой власти, как привычки действия с присоединенными к ним чувствами и состояниями ума, усвоенные в детстве. Магометанство показывает могущество ритуала. Любое занятие мгновенно прерывается ради

молитв и предписанных коленопреклонений. Сложный повседневный ритуал соблюдают и брамины. Они посвящают ему два часа утром, два вечером и один в полдень¹. Монахи и монахини получали высочайшее удовлетворение религиозного чувства от нерушимой привычки повторять ритуал с гарантированной возможностью его эмоциональных эффектов.

68. Ритуал нравов. Нравы – это социальный ритуал, в котором все мы, не сознавая того, участвуем. Текущие привычки в отношении часов работы, обеденных часов, семейной жизни, общения полов, соблюдения приличий, развлечений, путешествий, праздников, воспитания, пользования периодикой и библиотеками и бесчисленных других деталей жизни подпадают под этот ритуал. Каждый делает то, что делает каждый. Для огромной массы человечества во всем и для всех нас очень во многом достаточно правила поступать так, как поступают все. Внушение и ассоциация приводят нас к мнению, что в том, что делают все, должны заключаться мудрость и польза. Огромная масса народных обычаев дает нам дисциплину и поддерживает рутину и привычку. Если бы нам приходилось выносить суждение обо всех этих случаях, прежде чем смочь в них действовать, и приходилось всегда действовать рационально, то этот груз был бы невыносимым. Благотворные привычка и обыкновение спасают нас от этого затруднения.

72. Мощь (*might*) и право. Современные цивилизованные государства наилучшей формы часто называют правовыми государствами, поскольку во все их конституции и регуляции массивно входит понятие прав. Вокруг этого понятия сосредоточивается наша политическая философия, и все наши общественные обсуждения укладываются в форму положений и споров о правах. История догмы о правах была следующей: считалось, что права самоочевидны и существуют сами собой и что особенно они преобладали в примитивном обществе. Права считаются также противоположностью силы. Эти понятия лишь доказывают непримиримость наших нравов с нравами прежних поколений. В самом деле, для наших нравов характерно, что форма нашего мышления по всем вопросам политической философии установлена для нас понятием прав. Не что иное как мощь всегда создавала право, и если мы включим в мощь (как и следует сделать) выборы и решения судов, то не что иное как мощь создает право и сегодня.

¹ *Wilkins W.J.* Modern Hinduism: being an account of the religion and life of the Hindus in northern India. – New York: Scribner, Welford, & Co., 1887. – P. 195.

Надобно проводить различие между предшествующим и последующим видением обсуждаемого предмета. Если мы хотим предпринять некое действие и обсуждаем его правомерность, то мощь, которую можно привлечь в поддержку некоторого его видения, не имеет ничего общего с его правомерностью. Если что-то было сделано и установлено силой (т.е. никакая сила не может это отменить), то оно право в единственном смысле, который мы знаем, и из него последуют права, вообще не опорочиваемые заключенной в нем силой. Для прав вообще не было бы никаких гарантий, если бы это было не так. Мы видим, как люди и партии протестуют, декламируют, жалуются на то, что делается и что, по их словам, не «право», а только сила. Выборы решают, что мощь будет у тех, кто будет осуществлять акт полиции. Проигравшая партия обличает неправоту и порочность этого акта. Но дело делается. Это может быть война, завоевание, захват имущества; каждый должен этому помогать, выплачивая налоги, неся военную службу, выполняя иной долг, которого от него требуют. Решение суда оставляет одну сторону протестующей и жалующейся. Она всегда твердит о «праве» и «правах». Она вынуждена смириться. Результат – право, в единственном реальном и истинном смысле. Нелишне заметить, что далее следует бесконечный ряд последствий и что они создают или обуславливают права, которые реальны и справедливы. Многие люди сегодня спорят против собственности, говоря, что она зачалась в силе и, следовательно, не имеет существования в праве и справедливости. То же самое они могли бы сказать о браке и о религии. Некоторые говорят то же самое о государстве. Война Соединенных Штатов с Мексикой в 1845 г. считается теперь в общем мнении неоправданной. Это не может повлиять на всякого рода права, договорным образом установленные на территории, уступленной тогда Мексикой, и на статус этих земель, полученный благодаря договору о мире с этой страной. Вся история человечества – серия действий, открытых для сомнения, спора и критики по поводу их правомерности и справедливости, но всей дальнейшей истории приходилось принимать последствия этих действий и идти дальше. Спорщики о «правах» часто теряют из виду тот факт, что мир день за днем должен продолжаться, а спор – завершаться. Он всегда завершается в силе. Результат всегда оставляет какие-то жалобы касательно права и прав. Они перевешиваются какой-нибудь силой. Следовательно, мощью создавалось все правильное, что когда-либо существовало или существует сегодня. Если предлагается отменить, реформировать или изменить что-то ранее сле-

ланное на том основании, что теперь мы считаем, что это было неправильно, то это уже новый вопрос и новый случай, и здесь уместно только предшествующее видение. Именно ради новых и будущих случаев мы изучаем исторические случаи и формируем суждения о них, которые позволят нам действовать мудрее. Если мы признаем, в сколь огромной степени сила ныне входит во все, что происходит в обществе, то нас уже не будет шокировать знание того, насколько она была действенной во всей истории цивилизации. Привычка использовать правовые понятия, столь характерная для наших сегодняшних нравов, уводит нас в смутные и невозможные грезы о социальных делах, в которых метафизические понятия предполагаются реализующимися сами по себе, или полагаются реальными.

74. Конвенционализация. Когда традиционные народные обычаи подвергаются рациональной или этической оценке, они перестают быть наивными и неосознанными. Тогда может оказаться, что они грубы, нелепы и нецелесообразны. Тем не менее они все еще могут сохраняться благодаря конвенционализации. Конвенционализация создает набор условий, при которых могут терпеть то, что иначе было бы осуждено и табуировано. Либо могут быть созданы особые фактические условия, либо это может быть всего лишь фикция, которую все согласны уважать и считать истиной. Когда дети во время игры «понарошку считают», что нечто существует или существует определенным образом, они пользуются конвенционализацией. Фактически создаются особые условия, когда некий факт рассматривается как делающий обычное табу недействительным. Так обстоит дело со всеми архаическими обычаями, которые соблюдаются ввиду древнего происхождения, хотя и не согласуются с современными стандартами. В языке Шекспира и Библии содержатся слова, которые сегодня табуированы. В этом случае, как и во множестве других, конвенционализация состоит в игнорировании нарушения текущих стандартов благопристойности. Естественные функции и туалетные дела подводятся под конвенционализацию даже в низших цивилизациях. Конвенционализация состоит в игнорировании нарушений обычных табу. Ввиду случайностей, которые могут произойти, хорошо воспитанные люди всегда готовы применить конвенционализацию к промахам в речи, одежде, манерах и т.д. В легендах, сказках, романах и драмах от всех ожидается подчинение некоторым условным пониманиям, без которых развлечение невозможно; например, когда предполагается, что звери разговаривают. В

мифологиях этот вид конвенционализации имел принципиальное значение. Кому-то из нас при изучении мифологий доводится приобретать знание о конвенциональных допущениях, с которыми люди, в них верившие, к ним подходили. Современные индусы конвенционализируют истории из своей мифологии¹. То, что боги, как в них рассказывается, делали, подводится под иные стандарты, чем те, которые ныне применяются к людям. В мифологии все движется в своей плоскости. Следовательно, о деяниях богов не выносят рациональных или этических суждений, какие были бы вынесены о схожих действиях людей, и моральная порча, которой следовало бы ожидать как последствия этих историй и драм, предотвращается конвенционализацией. Из того, что делают боги, не выводится то, что можно делать людям. Греки V века до н.э. рационализировали по поводу своей мифологии, и тем самым ее разрушили. Средневековая церковь притязала на то, чтобы быть под защитой конвенционализации, не допуская суждений о церкви и церковниках в соответствии с тогдашними стандартами. Очень многие принимали в расчет эту конвенционализацию и не делали скандала из порока и преступлений в церкви. Это вмешательство конвенционализации, вытесняющее действия из обычного царства нравов в особую область, где они могут быть под защитой и встречать терпимое отношение благодаря видоизмененным в их пользу кодексам и стандартам, имеет очень большое значение. Оно объясняет многие несогласованности в нравах. За счет этого возможны обнаженность без непотребства и рассказы о супружеских изменах без непристойности. Мы блюдем конвенционализацию в отношении Библии, особенно некоторых историй Ветхого Завета. Массу примеров конвенционализации являет нам театр. Реплики «в сторону», входы и выходы, сценические условности требуют, чтобы зрители дали на эти условности свое согласие. Костюмы, появляющиеся на сцене, не встретили бы терпимого отношения в иных местах. За счет конвенционализации литература и графические изображения науки избегают коллизий с нравами благопристойности, достоинства и т.д. Во всех художественных произведениях более или менее присутствует конвенционализация. Нецивилизованные и в какой-то мере необразованные люди среди нас не могут рассказать, что изображает или означает та или иная картина, поскольку не привыкли к условностям изобразительного искусства. Древние сатурналии и карнавал были особыми

¹ *Wilkins W.J.* Op. cit. – P. 317.

временами вседозволенности, когда обычные социальные ограничения ослаблялись на какое-то время конвенционализацией. Да и наш праздник 4 июля – это день шума, риска и раздраженности, когда дозволяются вещи, которые не были бы дозволены в любое другое время. Мы соглашаемся с этим, ведь «это 4 июля». История свадебных церемоний преподносит массу примеров конвенционализации. По этому случаю терпели шуточки и фиглярство. Они настолько досаждали, что люди взбунтовались против них и изобрели средства, позволяющие их избегать. Одежда, используемая для купания, спорта, театра и работы, оберегается конвенционализацией. Случай требует отклонения от текущих обыкновений, и конвенционализация, даруя терпимость, также определяет его и создает новый закон для данного исключительного случая. Это похоже на табу, да по сути и есть форма табу в высокоразвитой цивилизации. Как и в табу, здесь есть два аспекта: конвенционализация бывает разрушительной или защитной. Она либо исключает то, что могло бы быть оскорбительным (т.е. когда нечто может быть сделано лишь при условиях, установленных конвенционализацией), либо гарантирует терпимость к тому, что иначе было бы запретным. Уважение, почтение, священность и святость, являвшиеся в низшей цивилизации табу, становятся в высокой цивилизации условностями.

75. Необходимость конвенций. Конвенциональность часто клеймят как неистинную и лицемерную. Говорят, что нужно быть естественными. На респектабельность часто смотрят с усмешкой, поскольку она складывается из условностей. Конвенционализации, которые сохраняются, возникают из экспериментов и опыта касательно средств, с помощью которых смягчаются и сглаживаются различные жизненные детали. Они незаменимы. Осуждать облачения – все равно что пытаться упразднить их.

Глава II. Характеристики нравов

80. Нравы имеют силу фактов. Нравы являются к нам из прошлого. Каждый индивид, рождаясь, вступает в них, как в тот воздух, которым он дышит; и как не анализирует он окружающую его атмосферу, так же не задумывается о нравах и не критикует их. Каждый подчинен влиянию нравов и формируется ими прежде, чем обретает способность о них размышлять. Могут возразить, что все традиции критикуются, по крайней мере в наши дни, и ничто не принимается на том лишь основании, что оно нам вручено. Но

если взять случаи, когда что-то целиком или почти целиком вошло в нравы, то мы увидим, что это не так. Среди нас есть секты поклонников свободной любви, желающие обсуждать парный брак (§ 374). Это не просто люди, ведущие дурную жизнь. Они приглашают нас к рациональному обсуждению унаследованных нами обычаев и идей относительно брака, которые, утверждают они, вовсе не настолько превосходны и возвышенны, какими мы их считаем. Они никогда не добивались серьезного внимания. Некоторые другие желают выступать в пользу полигамии – на основаниях целесообразности. Никто их даже не слушает. Другие желают обсуждать собственность. Несмотря на некоторую литературную активность с их стороны, никакая дискуссия о собственности, завещании и наследстве так и не открылась. Собственность и брак заключены в нравах. Ничто никогда не может изменить их, кроме неосознанного и неощутимого движения нравов. Религия была первоначально заключена в нравах. Она стала общественным институтом и функцией государства. Сегодня она в значительной степени возвращена в нравы. С тех пор как законы с наказаниями, призванными навязать религиозные кредо или практики, вышли из употребления, каждый в отношении религии может мыслить и действовать так, как ему угодно. Стало быть, набрасываться на религию теперь не будет «хорошим тоном». Безбожные публикации ныне табуированы нравами и подавляются более действенно, чем когда-либо прежде. Они не порождают никаких прений. В наших американских нравах заключена и демократия. Это продукт наших физических и экономических условий. Невозможно обсуждать и критиковать ее. Она прославляется ради популяризации и подчинена дифирамбической риторике. Никто не трактует ее с полной прямоотой и искренностью. Никто не осмеливается анализировать ее так, как анализировал бы аристократию или автократию. Никто не стал бы его слушать, и он только навлек бы на себя ругань. Что надобно отметить во всех этих случаях, так это то, что массы противопоставляют каждому аргументу против нравов глухие уши. Только в той мере, в какой вещи переносятся из нравов в сферу законов и позитивных институтов, появляются их обсуждения и рационализации по их поводу. Нравы содержат норму, в соответствии с которой, если бы мы обсуждали нравы, то должны были бы выносить суждения о нравах. Мы усваиваем нравы так же бессознательно, как учимся ходить, есть и дышать. Массам совершенно неинтересно, как мы ходим, едим и дышим, и точно так же они никогда не знают, почему нравы таковы, каковы они есть.

Обоснование их состоит в том, что когда мы пробуждаемся к сознательной жизни, они оказываются для нас фактами, уже заключившими нас в объятия традиции, обычая и привычки. Нравы содержат воплощаемые ими понятия, доктрины и максимы, но сами являются фактами. Они все в настоящем. Они не имеют отношения к тому, что должно быть, будет, может быть или когда-то было, если этого нет в настоящем.

82. Нравы не занесены в скрижали. Общество никогда не сознает свои нравы до тех пор, пока не входит в контакт с каким-то другим обществом, в котором царят иные нравы, или – если находится на более высокой ступени цивилизации – пока не получает информацию о них из литературы. Однако последняя операция воздействует только на грамотные классы, а не на массы, и общество никогда не приступает к задаче создания нравов осознанно. На ранних стадиях нравы эластичны и пластичны; позже они закаливаются и фиксируются. Словно они растут, набирают силу, портятся, увядают и умирают, как если бы были организмами. Эти фазы, похоже, следуют одна за другой с непреложной необходимостью, словно независимые от разума и воли затронутых людей, но изменения всегда порождаются тягой к лучшему приспособлению нравов к условиям и интересам общества или управляющих им элементов. Общество не записывает нравы в свои анналы, ибо они им не замечаются и не осознаются. Когда мы пытаемся узнать нравы какой-то эпохи или народа, нам приходится искать нужные нам сведения в случайных ссылках, намеках, наблюдениях путешественников и т.д. Как правило, художественные произведения, драмы и т.д. дают нам больше информации о нравах, чем исторические документы. Очень трудно выстроить из Ветхого Завета описание нравов евреев до Вавилонского пленения. Также очень трудно нарисовать полную и точную картину нравов английских колоний в Северной Америке XVII столетия. Нравы не заносятся в скрижали по той же причине, по которой не записываются такие вещи, как еда, укладывание в кровать, восход солнца и т.д., если только регулярный ход вещей как-то не нарушается.

83. Инертность и ригидность нравов. Мы видим, что нравы следует толковать как обширную систему обычаев, охватывающих всю жизнь и обслуживающих все ее потребности; в них также содержится их собственное обоснование традицией и привычкой; и они одобряются мистическими санкциями, пока посредством рациональной рефлексии не разработают свои философские и этические обобщения, возведенные в «принципы» истины и пра-

воты. Они оказывают принуждающее и сдерживающее влияние на новое поколение. Они не наводят на размышления; скорее наоборот. Мышление уже состоялось и воплотилось в них. Они никогда не предусматривают возможности для поправок. Это не вопросы, а ответы на жизненные проблемы. Они являют себя как окончательные и неизменные, так как дают ответы, преподносимые в виде «непререкаемой истины». Никакая философия мира до современной научной философии мира, да и то лишь поколение или два тому назад, никогда не преподносила себя как, возможно, переходную, наверняка неполную и обреченную на отбрасывание завтра приращением знания. Никакая популярная философия мира и жизненная политика никогда не может преподносить себя в таком свете. Это стоило бы слишком большого умственного напряжения. Все группы, нравы которых мы считаем намного низшими по сравнению с нашими, так же ими довольны, как мы довольны своими. Хороши нравы или плохи, всецело зависит от их приспособленности к жизненным условиям и интересам времени и места (§ 63). Следовательно, если нравы не вызывают размышлений и все инстинктивно их соблюдают, то это признак непринужденности и благополучия. Народы Юго-Восточной Азии демонстрируют нам такую устойчивость нравов, где элемент стабильности и ригидности становится главенствующим. Страх перед духами и почитание предков обычно придают нравам устойчивость посредством догматического авторитета, строгих табу и весомых санкций. В этом случае нравы теряют свою естественность и живость. Они становятся стереотипными. Они теряют всякую связь с полезностью, превращаются в самоцель. Они навязываются повелительным авторитетом, невзирая на интересы и условия жизни (каста, детские браки, вдовы). Всякий раз, когда общество оказывается во власти этой болезни нравов, оно дезинтегрируется, прежде чем сможет начать жизнь заново. При таком недуге, поражающем нравы, все воспитание и обучение сводится к запоминанию слов мудрецов прошлого, установивших формулы нравов. Эти слова – «священные скрижали», изрекающие правила поведения, коим надлежит подчиняться, невзирая на наличные интересы и всякие разумные соображения.

84. Устойчивость. Азиатское окостенение нравов – крайний случай, однако для нравов всегда характерен элемент устойчивости. Они эластичны и гибки, но, закрепившись однажды в привычном и постоянном использовании, противятся изменениям. Они придают стабильность социальному порядку в том случае,

когда легко доступны для понимания, устойчивы и не вызывают споров. В новой колонии с разбросанным населением нравы никогда не бывают фиксированными и суровыми. Есть много «свободы». Поскольку в колонии всегда присутствуют традиции нравов материнской страны, которые почтительно лелеют, но никогда не применяют к условиям колонии, то нравы колонии разнородны и всегда находятся в текучем состоянии. Дело в том, что колонисты все время учатся жить в новой стране и не имеют традиций, которые бы их направляли, а традиции старой страны им мешают. Каждый, кто вырос в новой стране, при возвращении на старую родину чувствует «консерватизм» в ее нравах. Он думает, что люди скованы, закостенели в своих обычаях, глупы и не желают учиться. Они же думают, что он груб, неотесан и невоспитан. Он не знает ритуала, который не может быть записан ни в каких книгах, но знание которого, приобретаемое долгим опытом, есть признак годного членства в обществе.

88. Изменчивость. Не менее примечательна, чем устойчивость нравов, их изменчивость. Здесь есть любопытная параллель с наследственностью и изменчивостью в органическом мире, даже если сама по себе эта параллель еще ничего не значит. Изменчивость нравов обусловлена тем, что дети не воспроизводят нравы точно такими же, какими их получили. Отец умирает, а сын, воспитанный им, даже продолжая соблюдать ритуал и повторяя формулы, не переживает в точности тех же идей и чувств, какие были у отца. Соблюдение воскресенья; обращение с родителями, детьми, слугами, женами и мужьями; праздники; развлечения; искусства роскоши; брак и развод; употребление вин – во всех этих вопросах в наше время легко заметить изменение нравов от поколения к поколению. Даже в Азии, если взять большой период времени, изменения в нравах ощутимы. Нравы меняются, так как меняются условия и интересы. Выясняется, что догмы и максимы, которые долгое время были в ходу, не подтверждаются, что установленные табу – бесполезные или вредные ограничения, что привычки, пригодные для деревни или колонии, не подходят для больших городов или государства, что многие вещи, уместные в богатом сообществе, неуместны для бедного, что новые изобретения сделали новые образы жизни более экономичными и здоровыми. Для процветания надо, чтобы нравы обладали достаточной степенью прочности, но столь же нужно и то, чтобы они были достаточно эластичными и гибкими для приспособления к изменениям в интересах и жизненных условиях. Скотоводческий или зем-

ледельческий народ, перебираясь в новую страну, богатую дичью, может обратиться к охотничьей жизни. Так сделали, двигаясь на север, тунгусы и якуты¹. На заре заселения Северной Америки многие белые «индианизировались»; они прикипали к образу жизни индейцев. Иранцы отделились от индийцев Хиндустана и стали земледельцами. Они приняли новую религию и новые нравы. Люди, боявшиеся могущественных врагов, обращались к жизни на деревьях, в свайных постройках на озерах, в пещерах и совместных домах. Средневековое крепостничество было обусловлено необходимостью силы для удержания крестьянина на его участке земли, когда этот участок был реально для него бременем ввиду податей, которые он должен был платить. Он сбежал бы, если бы его не удерживали силой. В позднем Средневековье виллан обрел в своей земле ценное право и собственность. В этом случае он нуждался в гарантиях землепользования, так чтобы его нельзя было прогнать с его земли. В ранний период долгом господина были охота на дичь и защита крестьянских посевов. В поздний период охота на дичь стала монопольным правом господина. Таким образом, жизненные условия меняются. Меняется экономическая конъюнктура. Меняется жизненная конкуренция. И интересы меняются вместе с ними. Все нравы приспособляются к этому, если только они не были фиксированы догмой с помощью мистических санкций, став в итоге ритуальными обязательствами, как это в целом имеет место сегодня в Юго-Восточной Азии. Права сторон, а также правильность и неправильность в поведении после того, как нравы приспособились к новым жизненным условиям, являются новыми дедукциями. Следом приходят философы с их системами; с помощью них они пытаются истолковать весь новый порядок действий и мыслей в соотнесении с какой-то мысленной тканью, которую они предпосылают нравам, хотя она была найдена после того, как нравы установили эти связи. В случае, когда фиксированные нравы не согласуются с новыми интересами и потребностями, возникает кризис. Моисей, Зороастр, Ману, Солон, Ликург и Нума – это либо мифические, либо исторические культурные герои, которые, как говорят, разрешили такие кризисы новыми «законами» и снова привели общество в движение. Фикция

¹ *Hiekish C.* Tungusen: eine ethnologische Monographie. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – S. 31; *Сорошевский В.Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. – Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1896. – Т. 1. – С. 415.

вмешательства бога или героя необходима для объяснения того, как нравы предков перестраиваются без преступления.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2025 № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 29.12.2025 г.

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 8,75

Уч.-изд. л. 7,1

Тираж 800 экз.

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6